

秘傳

Научно-методический сборник

比馬斗

Боевые искусства
и рукопашный бой

今世に自由の本姓氏籍の委斗と
今公仰守り自由の管理管管委
正に相原高装退助とて、時設て八月
に、之洋安知郷士相原高装、八何
字の地まより更いそり、光武元年
御勅に九段の尊位望し、諸て各府縣
御勅に九段の尊位望し、諸て各府縣

第二號

Выпуск II

Научно-методический сборник

秘伝

Боевые искусства
и рукопашный бой

Выпуск II

ИССЛЕДОВАНИЯ

Алексей Горбылёв	Модернизация японских боевых искусств в эпоху Мэйдзи (1868—1912) и рождение будо	3
Наталья Демченко, Алексей Горбылёв	Ката в традиционных боевых искусствах самураев эпохи Токугава (1603—1867)	90

МАТЕРИАЛЫ

Мабуни Кэнва	Искусство самозащиты каратэ кэмпо. Перевод А. Горбылёва	130
--------------	---	-----

Уважаемые читатели!
Свои письма с пожеланиями, советами, отзывами, материалами
и вопросами о приобретении направляйте по адресу:
shigetsu@mail.ru
Горбылёву Алексею Михайловичу

Авторы выражают Константину Терехину благодарность за помощь
в издании данной книги.

RESEARCHES

Alexey Gorbylyov	The Modernization of Japanese Martial Arts in Meiji Period (1868—1912) and the Birth of Budo	3
Natalia Demchenko, Alexey Gorbylyov	The Kata in Traditional Samurai Martial Arts of Tokugawa Period (1603—1867)	90

HISTORICAL SOURCES

Kenwa Mabuni	Kobo Jizai Goshinjutsu Karate Kempo. Transl. by Alexey Gorbylyov	130
--------------	---	-----

秘傳. 武道と格闘技

第二號

研究

A. ゴルビリョーフ	明治時代に於ける日本武芸の近代化と武道の誕生	3
N. チェームチェンコ, A. ゴルビリョーフ	徳川時代の武士の伝統武術に於ける型	90

史料

摩文仁賢和	攻防自在 護身術空手拳法 A. ゴルビリョーフの全文翻訳	130
-------	---------------------------------	-----

В Москве сборник «Хидэн» можно приобрести у автора (shigetsu@mail.ru)

или в чайном магазине «Компания „ЧА И“»

м. Спортивная, Хамовнический вал, д. 32

Тел.: (499) 245-67-50, 8-910-425-16-44, www.cha-yi.com

Иностранные покупатели могут приобрести сборник «Хидэн» через Интернет-магазин «BOOKMAIL.RU»

Вся необходимая информация о ценах и способах приобретения — на сайте магазина: <http://bookmail.ru>

Алексей Горбылёв

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЯПОНСКИХ БОЕВЫХ ИСКУССТВ В ЭПОХУ МЭЙДЗИ (1868—1912) И РОЖДЕНИЕ БУДО

Введение

В Японии боевые искусства прошли длинный путь развития. С течением времени изменялись их место в культуре, цели практики, сущность. Современные японские специалисты выделяют три исторически сложившихся типа боевых искусств: *будзюцу* (букв. «боевые приемы»), *бугэй* (букв. «боевые искусства») и *будо* (букв. «воинские пути»)¹.

Зародившись в глубокой древности, вплоть до конца XVI века японские *будзюцу* по своей сути мало отличались от боевых искусств древней и средневековой Европы и других регионов мира: их главным назначением точно так же являлась подготовка воина к ведению боя на поле битвы, а специфика определялась лишь местными культурно-историческими особенностями.

Первая трансформация японских боевых искусств, в результате которой их развитие пошло по особому, отличному от большинства иных традиций пути, произошла лишь в эпоху Токугава (1603—1867), когда место *будзюцу* в жизни японских воинов существенно изменилось.

В то время, хотя никто на Страну Восходящего Солнца не нападал, и хотя на протяжении почти всей этой эпохи, за исключением ее первых и последнего десятилетия, в ней не происходило сколько-нибудь крупных вооруженных конфликтов, у власти находилось военное сословие

¹ Юаса Акира. Будо дэнсё-о ёму («Читаем наставления будо»). Токио, «Нихон будокан», 2003, с. 6—7.

самураев. В этих условиях самураи должны были выработать такую идеологию, которая оправдывала бы в их собственных глазах и в глазах общества в целом сохранение многочисленного военного сословия в мирное время и утверждала бы его право на власть. В конце концов, правителям нужны были хоть какие-то основания, чтобы выплачивать своим вассалам материальное содержание (*кароку*).

Действительно, в середине XVII — первые десятилетия XVIII веков проблема места самурайства в общественной и государственной жизни страны находилась в центре внимания многих государственных деятелей и мыслителей Японии. Результатами их трудов явились различные учения, объединяемые ныне названием *бусидо* — «путь воина». В них не только обосновывалось право самураев на власть, но и рисовался образ идеального воина, который в эпоху мира был призван служить образцом для всех сословий. Важнейшее место в этом идеале отводилось занятиям боевыми искусствами. Не столько в силу их высокой практической значимости, сколько в силу их огромной символической ценности, ибо, имея исключительное право на такие занятия, самураи символически возвышались над тремя другими — низшими сословиями (*саммин*). Тем не менее, несмотря на все меры по поощрению занятий *будзюцу*, не имея возможности испытать себя в битвах, самураи очень быстро из некогда необузданных, бесстрашных и компетентных во всех аспектах военного дела воителей превращались в одомашненных и выдрессированных бюрократов, являвшихся воинами лишь по внешности и имени¹.

Как менялась в эпоху мира сущность самурайства, так менялась и сущность боевых искусств. Осмысление

¹ Беннет, Александр. Буси-но сэйсин то соно аюми. Бусидо-но сякай сисоситэки косацу («Духовная культура буси и ее эволюция. Исследование роли бусидо в истории общественной мысли»). Токио, «Сибункаку сьуппан», 2009, с. 193—194.

Огромное значение самураи придавали этикету.
Фотография эпохи Мэйдзи

богатого военного опыта XV—XVI столетий, начавшееся вскоре после установления мира, привело мастеров *будзюцу* к осознанию того факта, что эффективное применение боевых приемов возможно только при условии стабилизации и гибкости сознания, способного адекватно оценивать ежесекундно меняющуюся ситуацию и быстро реагировать на происходящие изменения. Утвердилось представление о пути к боевому мастерству как о процессе восхождения воином от овладения техникой — которая во всё большей степени становилась самоценной — к овладению сознанием. Постепенно занятия *будзюцу* стали рассматриваться не только как средство подготовки к рукопашному бою, но и как средство постижения истинной сущности сознания и приведения его в оптимальное состояние. Такое понимание боевых искусств отразилось, в первую очередь, в трудах дзэнского монаха Такуан Сохо (1573—1646), духовного учителя ряда мастеров *будзюцу*, и его последователей.

В трактатах уже первой половины XVII века была впервые сформулирована и другая важная концепция: любое искусство подчиняется универсальным законам. Ученик Такуан Ягю Мунэнори (1571—1646) прямо

указывал, что «малое *хэйхо* (досл. «метод войны»)», то есть фехтование мечом, с точки зрения его принципов, суть полный аналог «большого *хэйхо*» — стратегии. Тому же учил и величайший мастер меча XVII века Миямото Мусаси (1584—1645), который указывал на единство способов манипулирования мечом в поединке и управления войсками на поле боя. Отсюда следовал вывод: практика боевого искусства в любой его форме может служить познанию универсальных законов космоса.

Несмотря на эти новшества, главной целью практики *будзюцу* японские воины по-прежнему считали достижение победы над противником в реальном бою. Соответственно, тренировка сознания и постижение универсальных законов мыслились, главным образом, как средства достижения этой цели. Однако, когда в середине XVII века в Японии окончательно установился мир, в дальнейшем десятилетиями не нарушавшийся даже сколько-нибудь масштабными крестьянскими выступлениями, интерес к *будзюцу* как к методу боевой подготовки среди самураев резко снизился, поскольку владение боевыми искусствами было практически ненужным и не давало никаких преимуществ в карьере. Наметился кризис старых *будзюцу*, которые должны были либо отмереть, как это происходило в большинстве регионов мира по мере совершенствования вооружений, либо трансформироваться в сущностном отношении и воплотиться в формах, более отвечающих современным условиям.

Реализовался второй вариант, чему способствовало утверждение в качестве господствующей системы мировоззрения неоконфуцианства¹, в котором человеческая

¹ Неоконфуцианство — одно из главных направлений дальневосточной философии, обновленное и преобразованное конфуцианство, в систематизированном виде возникшее в Китае в XI в. и завершившее формирование духовно-ценностного ядра традиционной культуры Дальнего Востока. В узком смысле — учение философов XI—XII вв. Чжоу Дунь-и, Чжан Цзая, Чэн Хао, Чэн И, Чжу Си, их ближайших учеников и последователей.

18 классических будзюцу. Гравюра эпохи Токугава

деятельность признавалась ценной только в том случае, если она была направлена на постижение универсальных законов, реализацию «исконной природы» человека и достижение «совершенномудрия». В соответствии с этой концепцией, *будзюцу* и трансформировались на рубеже XVII—XVIII веков. Важную роль в этом сыграл крупный популяризатор конфуцианства Тамба Тадааки (1659—1741). В своих работах «Чудесное искусство кота» («Нэко-но мёдзюцу», 1727) и «Трактат о боевом искусстве *тэнгу*¹» («Тэнгу гэйдзюцу рон», 1729) он сформулировал концепцию боевого искусства как средства преображения личности, возвращения к «исконной природе» и к изначальной природной естественности. Включив в *будзюцу* методы «укрепления» жизненной энергии *ки* (кит. *ци*) и контроля за ее потоками, Тамба Тадааки сформулировал для японских боевых искусств новую цель — поддержание и укрепление физического и психического здоровья человека в качестве одного из методов «пестования жизни» (яп. *ёдзё*, кит. *яншэн*).

Утонченные формы боевых искусств этого периода, характеризующиеся акцентом на психическую и «энергетическую» работу, учитывающие дальневосточные представления о психофизиологии человека и принципах поддержания его здоровья, делающие особый акцент на отточенность и красоту техники, имеющие в основе практику стандартных комплексов *ката*, современные исследователи рассматривают как особый исторический тип японских боевых искусств — *бугэй*.

Бугэй, в которых цель подготовки воина к войне отошла на второй план, были лучше адаптированы к условиям мирной жизни, но и они оказались под угрозой вымирания во второй половине XIX века, когда Япония после двух столетий самоизоляции

¹ Тэнгу — в японских сказках — леший с длинным носом и крыльями, нередко в облачении горного отшельника-*ямабуси*. Некоторые предания приписывают им происхождение боевых искусств.

«открылась» для контактов с внешним миром, совершилась Реставрация Мэйдзи (1868—1869), открывшая дорогу модернизации — широкомасштабным преобразованиям государства и общества, направленным на создание сильного национального государства по подобию могущественных держав Запада, прекратило свое существование самурайство, являвшееся на протяжении столетий социальной базой *будзюцу* и *бугэй*¹. Чтобы выжить в эпоху Мэйдзи (1868—1912), преобразившую Японию, боевые искусства, вместе с государством, обществом и всей японской культурой, тоже должны были претерпеть модернизацию. Результатом этой модернизации явился новый исторический тип японских боевых искусств — *будо*. Выявлению основных вех и особенностей становления *будо* в эпоху Мэйдзи и посвящена данная работа.

Задуманная как небольшая вводная статья, в итоге эта работа выросла в объемистую монографию, включающую, помимо введения и заключения, четыре главы.

В главе 1 на фоне драматических событий «открытия» Японии западными державами в середине XIX века и реформ начала эпохи Мэйдзи рассматриваются проблема кризиса самурайской воинской традиции, причины упадка традиционных боевых искусств, их роль в антиправительственных выступлениях и движениях самураев 1870-х — 1880-х годов.

¹ На русском языке имеется ряд добротных (хотя и не лишенных недостатков) работ, посвященных Реставрации Мэйдзи (борьбе за свержение сёгуната Токугава, мэйдзийским реформам), с которыми было бы целесообразно познакомиться читателю этой работы. В первую очередь это книга А. Н. Мецеракова «Император Мэйдзи и его Япония» (М., «Наталис», 2006). Из других изданий необходимо упомянуть: Гришелева Л. Д., Чегодарь Н. И. Японская культура Нового времени. Эпоха Мэйдзи. М., «Восточная литература» РАН, 1998; История Японии. М., Институт востоковедения РАН, 1998. Тт. 1—2; Тояма Сигэки. Мэйдзи Исин (Крушение феодализма в Японии). Перевод с японского В. П. Алексева, Г. И. Подпаловой, К. А. Попова и П. П. Топеха. М., Издательство иностранной литературы, 1959.

Глава 2 посвящена деятельности мэйдзийского правительства в конце 1870-х — 1880-е годы, направленной на встраивание самурайской традиции, в целом, и боевых искусств, в частности, в новую, искусственно конструируемую императорскую традицию, пробуждению интереса к занятиям *будзюцу* в кругах мэйдзийской аристократии, введению обучения боевым искусствам в японской полиции.

В главе 3 рассматривается модернизация боевых искусств изнутри — создание новых, отвечающих современным реалиям и задачам концепций боевых искусств их мастерами. Основное внимание уделено появлению ба-лаганов боевых искусств, сыгравших важную роль в пробуждении интереса к *будзюцу* в широких кругах японского общества, формированию концепции *дзюдо* Кано Дзигоро и концепции *кюдо* Хонда Тосидзанэ, явившихся образцами при формировании концепции *будо* в целом.

Наконец, глава 4 посвящена превращению боевых искусств в массовое общенациональное движение под эгидой Общества воинской добродетели Великой Японии (Дай Ниппон Бутокукай), внедрению боевых искусств в школьные программы, а также завершению формирования концепции *будо*.

* * *

Глава 1

Кризис самурайской традиции и упадок боевых искусств

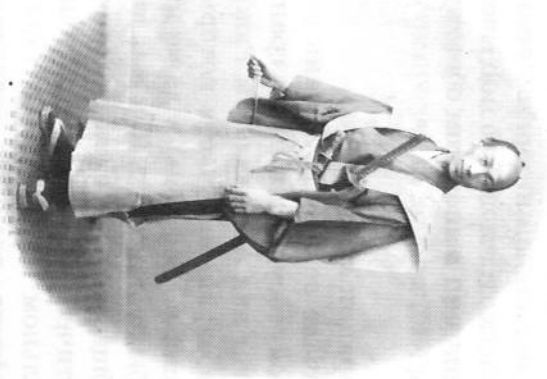
XIX век в истории Японии явился временем драматических перемен в государственном устройстве, обществе и культуре, знание и понимание которых совершенно необходимо для понимания эволюции японских боевых искусств в этот период. Особого внимания требуют судьбы самурайства, поскольку боевые искусства были неразрывно связаны с этим военным сословием, которое, располагая монополией на обладание оружием, применение насилия и практику военного дела, на протяжении всей эпохи Токугава выступало в качестве их социальной базы. Поэтому, перед тем, как перейти к рассмотрению непосредственно эволюции боевых искусств в мэйдзийскую эпоху, мы должны напомнить читателю основные факты из политической и социальной истории Японии XIX столетия, тщательно рассмотреть эволюцию места самураев и самурайской традиции в японском обществе и культуре второй половины XIX века.

Япония накануне Реставрации Мэйдзи

Как и в XVII веке, в начале века XIX Япония еще не имела четко очерченной государственной границы, поскольку ее суверенитет над Архипелагом Рюкю, Курильскими островами (возвращения части которых Япония добивается от России по сей день) и даже над островом Хоккайдо еще не был установлен. Как и за двести лет до того, страна и общество по-прежнему оставались разделенными в политическом, административно-территориальном и социальном отношениях. Наряду с *бакуфу* — владениями сёгуна, военного правителя, сохранялись и многочисленные княжества (их было

около 250). Во главе их стояли *даймё*, которые делились на три класса: *симпан* — родственников сёгуна, *фудай* — наследных васалов, составлявших главную опору *бакуфу*, *модзама* — бывших политических противников, расценивавшихся как потенциальные враги. Общество делилось на четыре сословия: *воинов-си*, *крестьян-но*, *ремесленников-ко* и *торговцев-сё*, положение которых регламентировалось многочисленными законами и приказами. Между сословиями существовали жесткие, слабо проницаемые границы...

Впрочем, сходство с XVII веком было скорее внешним. Реальное положение изменилось кардинально. К примеру, практически все *даймё* и их васалы были постоянно опутаны долгами перед торговцами маклерами, которые обменивали их рисовые доходы на деньги, и торговцы, формально занимаемая низшую ступень в сословной иерархии, имели большую возможность влиять на воинов, стоявших на ее вершине. Годы мира притупили воинские

Чиновник сёгуната

наклонности самураев, а служба в администратии превратила некогда неграмотных и неуправляемых воинов в обученных и вышколенных бюрократов, стремящихся к карьере в аппарате управления.

В конце 1630-х годов сёгун Токугава Иэмицу, опавшийся проницательности христианства и превращения Японии в колонию какой-либо из европейских держав, избрал курс изоляции страны от внешнего мира, и эта политика сохранилась даже

в начале XIX века. Межгосударственные отношения Страна Восходящего Солнца имела только с Кореей и с королевством Рюкю, которое в начале XVII столетия попало в вассальную зависимость от японского княжества Сацума. Единственным портом, через который Япония контактировала с внешним миром, был Нагасаки. Помимо судов из Кореи и Рюкю, туда ежегодно заходили десятки торговых кораблей из Китая, там существовал обширный чайнотаун с большой китайской общиной. На протяжении почти всей эпохи Токугава в Нагасаки располагалось также голландское торговое представительство. Голландцы жили на искусственном острове Дзесима под строгим надзором. Они были единственными европейцами, допущенными в страну, и долгое время являлись для японцев единственным каналом получения знаний о европейском мире. С течением времени истощение японских серебряных и медных копеей в сочетании с развитием японского ремесла, постепенно вытеснявшего с национального рынка импортные товары, привели к сокращению внешней торговли до минимума; по сути, она превратилась в своеобразный ритуал.

Начало XIX века было безоблачным: хорошая погода, обильные урожаи. Сократилось число крестьянских выступлений, которые достигли пика в голодные 1780-е. Но как раз в это спокойное время надвинулась извне новая беда...

В 1804 году российский посланник Н. Резанов прибыл в Нагасаки, чтобы положить начало торговле между Россией и Японией. На резкий отказ японской стороны Резанов ответил нападениями на японские селения на севере.

В период Наполеоновских войн изоляция их торгового представительства в Нагасаки вынудила голландцев нанять американские корабли для осуществления поставок. Обнаружив этот факт, японское руководство потребовало от голландцев дать отчет о положении в Западном

мире и в результате узнало многого нового о тех масштабах изменений, которые произошли в мировой политике... с середины XVII века, мерками которого всё еще жили сёгун и его окружение...

Наконец, в 1808 году в бухту Нагасаки ворвался английский фрегат «Фэстон». Он захватил необходимый ему припасы и посеял страшную панику, обнаружив полную неспособность самураев организовать вооруженный отпор. В дальнейшем представители разных европейских держав неоднократно пытались проникнуть в Японию. *Бакуфу* отвечало на это изучением европейских языков, строительством батарей на Хоккайдо и на побережье в районе сёгунской столицы Эдо. В обществе воцарилась ксенофобия, видные ученые высказывались за срочную подготовку страны к отражению внешней агрессии, и их идеи нашли отклик у многих воинственных князей.

Между тем, страна вступила в период экономического кризиса. Около 1820 года начала проявляться инфляция, которая бушевала в Японии более пятидесяти лет. Она была вызвана многими причинами. Самой заметной был рост расходов *бакуфу* в период длительного и необычайно расточительного правления сёгуна Токугава Иэнари (формально правил в 1787—1837 годах, но реально сохранял власть до смерти в 1841 году), который побудил *бакуфу* прибегнуть к двадцатилетней программе дефляции национальной валюты. Содержание драгоценных металлов в монете сократилось наполовину, в результате цены в период плохих урожаев 1830-х годов совершили головокружительный скачок.

В 1830-е — 1840-е годы на Японию обрушились стихийные бедствия, нанесшие огромный ущерб сельскому хозяйству и принешие голод. Ситуация требовала срочных масштабных реформ, но *бакуфу* было столь сильно парализовано длительным правлением Иэнари, что его программа реформ началась с сильным запозданием и оказалась неэффективной. В то же время отдельные

княжества, в особенности несколько юго-западных княжеств *тодзэма* — Тёсю, Сацума и Тоса, которые сёгунац традиционно рассматривал как потенциальных врагов, провели успешные реформы: их правительства приняли на себя функции органов экономического управления и планирования, ввели княжеские монополии на самые выгодные виды предпринимательской деятельности... В условиях кризиса страну захлестнули протестные выступления. Более всего они затронули владения *бакуфу*, менее всего — военизированные княжества *тодзэма*.

Тем временем европейцы всё активнее ломились в Японию. «Открытие» Страны Восходящего Солнца становилось вопросом времени. В 1844 году король Нидерландов направил сёгуну письмо, в котором советовал отказать от изоляции страны, но этот совет не был услышан. Двумя годами позднее в Японию прибыл американский коммодор Джеймс Биддл, он намеревался установить дипломатические отношения, но потерпел неудачу. Япония упорно не хотела «открываться» пугающему Западу. Тем более, что из соседнего Китая непрерывно поступали шокирующие сведения о сенсационном поражении Среднего царства в Опиумной войне (1840—1842). В гордых самурайских головах не угадывалось, как Китай, который столь долго был для них образцом для подражания, не устоял перед давлением и неведомым Альбионом.

Японская политика самоизоляции рухнула в 1853 году. В Эдосский залив вошла американская эскадра под командованием коммодора Мэтью Перри. Нацелив жерла пушек на сёгунскую столицу, Перри потребовал «открытия страны». Пока руководство *бакуфу* соображало, как быть, американцы отбыли в Китай, пообещав вернуться за ответом на будущий год. В этой ситуации глава правительства *бакуфу* Абэ Масахиро распорядился письмом Перри к сёгуну среди *даймё* и придворных, запросив у них совета, как быть. Прежде ничего подобного

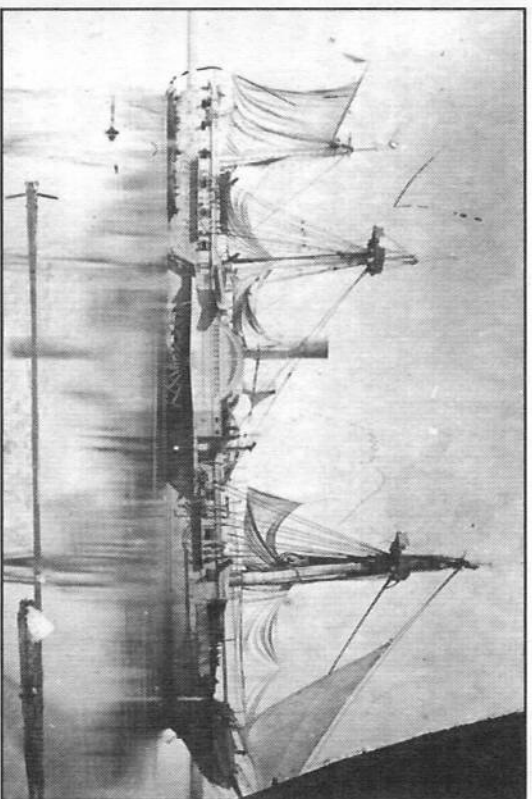
Коммодор М. Перри

не случалось, все решения по вопросам национальной политики принимались только в узком кругу лидеров сёгуната. Поэтому обращение Абэ за советом в критической ситуации буквально взорвало страну: во-первых, оно ярко продемонстрировало всё бессилие сёгуната, во-вторых, привело к чрезвычайной политизации японского общества — теперь не только князья, но даже их низшие вассалы и прослоюдины задумались о судьбе родины.

Хотя Абэ в итоге получил массу рекомендаций по организации отпора супостату, все их аргументы перевесила мощь американских пушек. 31 марта 1854 года Япония заключила с США договор об открытии нескольких портов для захода американских судов. Вскоре последовали аналогичные договоры с Англией, Россией и другими падлыми державами.

Первоначально заключение этих договоров, вероятно, рассматривалось как мера, позволяющая выиграть время и подготовиться к вооруженной борьбе. *Вакифу* начало готовить мобилизацию вассалов. В 1856 году оно учредило «Школу обучения военному делу» — *Кобусё*.

Школа *Кобусё* предназначалась для обучения военному делу сёгунских вассалов. В период ее высшего расцвета различные боевые искусства — *кэндзюцу* (искусство фехтования мечом), *содзюцу* (искусство боя копьем), *кюдзюцу* (искусство стрельбы из лука) и другие — в ней преподавали свыше 500 наставников. Все это были

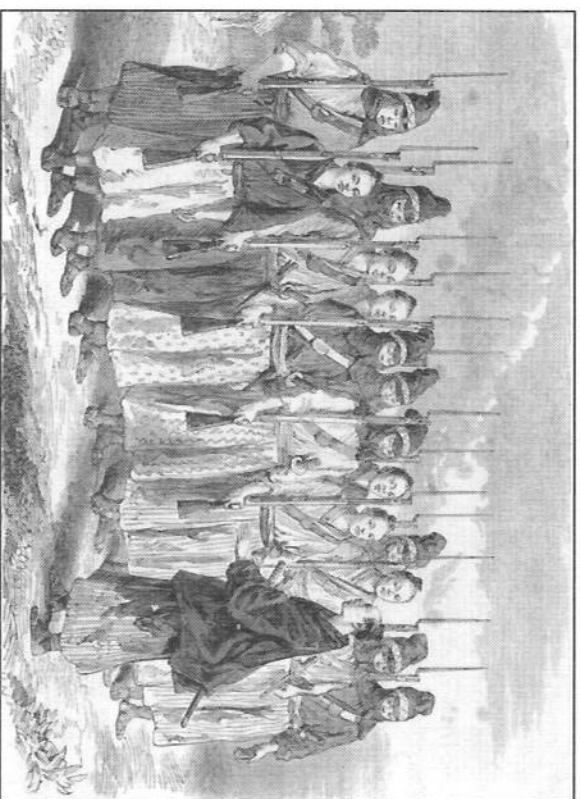
Флагман эскадры Перри — пароход «Миссисипи»

действительно лучшие мастера, поскольку никакие будмайки, полученные в частных школах, в *Кобусё* не признавались, и каждый претендент на звание наставника должен был в состязательных схватках с коллегами подтвердить свою квалификацию.

Хотя программа предусматривала и обучение артиллерийскому и стрелковому делу западного образца, в целом установка *Кобусё* были ретроградными: чрезмерно большое внимание уделялось изучению устаревших концепций традиционной дальневосточной военной науки, более половинны времени учебного времени отводилось на занятия традиционными *будзюцу*. Более двух третей наставников являлись специалистами именно по традиционному школам боя различными видами холодного оружия или *дзюдзюцу*¹.

В то же самое время обучение военному делу по таким же бесконечно устаревшим лекалам поощряли и многие княжества. Например, аналогичную по сути

¹ Беннет А. Указ. соч., с. 194.

Обучение японских солдат. 1864 год

постановку дела мы видим в школе княжества Хикона «Кэйкокан» («Дворец обучения»). В Уставе «Кэйкокан», в частности, говорилось: «Изучая военное дело, необходимо изучить важнейшие из воинских искусств — искусство стрельбы из лука, верховой езды, боя мечом и копьем — и сосредоточиться на постижении воинского пути как пути этикета (*райси*) и чести (*ранти*)». Таким образом, обучение в «Кэйкокан» имело целью не только обучение собственно военному делу, но и, в первую очередь, воспитание личности, соответствующей социальному идеалу *буси*¹.

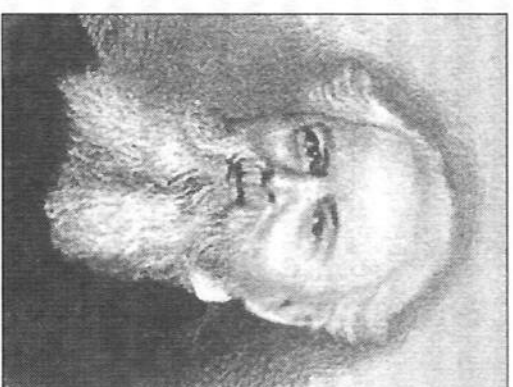
Таким образом, и княжества даже перед лицом смертельной опасности продолжали цепляться за мечи и копья как за символы былой самурайской славы и доблести. Однако осознание того, что все усилия мастеров меча и борьбы не способны обеспечить подготовку

такой армии, которая смогла бы устоять перед пушками западных «варваров», пришло очень быстро...

В 1858 году американский генеральный консул Таунсенд Харрис угрозами и шантажом добился заключения кабалльного для Японии торгового договора, по образцу которого практически тут же были заключены аналогичные договоры Японии с Россией, Англией и Францией. Эти договоры предоставили иноземным купцам возможность торговать с Японией и включили её в мировой капиталистический рынок, предоставили иностранцам право экстерриториальности и консульской юрисдикции, навязали Японии низкие ввозные пошлины и лишили ее таможенной автономии. Не удивительно, что договоры вызвали такой протест во всех слоях японского общества, который потряс сами основы правления сёгунов Токугава. Против торговых договоров решительно выступил даже императорский двор, который призвал дать отпор иноземцам.

Осознание слабости *бакуфу* подвигло сильнейших *даймё* вмешаться в наследование поста сёгуна в доме Токугава. Новый глава сёгунского правительства Ии Наосэка ответил на это репрессиями, за что поплатился головой — весной 1860 года он был убит группой самураев из княжества Мито. Таким образом, «открытие» Японии иностранцами резко обострило политическую ситуацию в стране.

Репрессии Ии многих настроили против сёгуна та, а нетвердый курс его преемников, метавшихся

Таунсенд Харрис

¹ Веннет А. Указ. соч., с. 194—195.

из стороны в сторону, и особенно бесконечные уступки иностранцам посеяли сомнения даже среди васалов Токугава. В этих условиях окрепшее княжество Тёсю выступило за большее участие в принятии политических решений императорского двора, и его тут же поддержали другие княжества *тобэйма* — Сацума и Тоса. Постепенно политическая жизнь сосредоточилась вокруг императорского двора в Киото, который занял в отношении иностранного проникновения непримиримую позицию. Образовавшаяся воинственная коалиция княжеств и двора выступала под лозунгом *сонно дзэйи* — «почитание императора и изгнание варваров».

Открытие портов для захода иностранных судов и начало торговли с иностранцами поставило сёгунат перед необходимостью решать новые проблемы. Контакты с европейцами создали определенные условия для перевооружения армии *бакфу*, но одновременно предоставили возможность ввозить современные вооружения и его политическим противникам. Княжества начали торговать с иностранными поставщиками и покупателями напрямую. Одновременно, в нарушение запрета на контакты между княжествами, они начали торговать и закупать различные договоры друг с другом.

Японию поразила буйствующая инфляция. Ее причинами были дефицитна, в сравнении с ценами на континенте, японского золота, масштабный вывоз за границу японских товаров, в особенности шелка-сырца и чая, приведший к росту цен на внутреннем рынке и поставивший в тяжелое положение основную массу самураев, получавших фиксированное жалование. Чтобы справиться с кризисом, некоторые княжества начали экспериментировать с внедрением современных технологий и производством вооружений, текстильных товаров, строительством кораблей.

Обозленные самураи совершили ряд нападений на иностранцев во исполнение монаршей воли. Ответ,

Нападение самурайских самураев на группу англичан в Намамути

однако, оказался таким, что сразу отбил у сторонников *сонно дзэйи* бросаться очертя голову на авантюры, обнажив всю слабость японской военной организации, ее полную неготовность к отражению внешней агрессии и ставил воинственно настроенные княжества юго-запада пересмотреть свою политику. В результате в Сацума верх над амбициозными радикалами взяли умеренные бюрократы, а в Тёсю, наоборот, власть прибрали радикалы, выступавшие за реставрацию прямого императорского правления и демонтаж сёгуната. Последний, вынужденный расплачиваться за безобразные и безумные в своей бесмысленности выходыки самураев извинениями и деньгами, постоянно подвергаясь пантажку со стороны западных держав и при этом ясно сознавая свое бессилие, стремительно терял остатки своего престижа и влияния. Поражение в 1866 году коалиционной армии сёгуната и четырех десятков поддерживавших его княжеств *фудай* в войне против одного-единственного княжества Тёсю показали, что *бакфу* действительно стоит на пороге краха.

Рестаурация Мэйдзи

После смерти сёгуна Иэмоти в 1866 году пятнадцатым и последним сёгуном династии Токугава стал Кэйки (Ёсинобу). К моменту занятия им поста верховного военного правителя страны от бывшего могущества сёгуната не осталось и следа. Теперь Кэйки не мог даже по своей воле покинуть императорскую столицу — Киото и вернуться в столицу сёгунскую — Эдо, лишившись под держки *фудай дайме* — прежде надежной опоры дома Токугава. А между тем, движение, выступавшее под лозунгом *сонно дэйи*, уже трансформировалось в движение *сонно тобаку* — «почитание императора, ниспровержение *бакуфу*». К нему примыкало всё больше княжеств. Страна оказалась на грани гражданской войны.

Осознание всего масштаба внешней угрозы и привлечённость возможности войти в новое национальное правительство подвигли Кэйки в самом конце 1867 года согласиться на предложение княжества Тоса и отказаться от своей сёгунской власти. Однако затем лидеры княжества Сацума и их союзники добились, чтобы императорский двор потребовал от Кэйки отказа еще и от принадлежавших дому Токугава земель. К такому повороту сёгун готов не был. В отчаянии он двинул своё войско на императорскую столицу... Затем были поражение сёгунской армии, ее отступление в Эдо и гражданская война 1868—1869 годов, которая, наврядли, могла бы оказаться гораздо кровопролитнее, если бы сам Кэйки не капитулировал перед «армией императора» в самом начале военных действий.

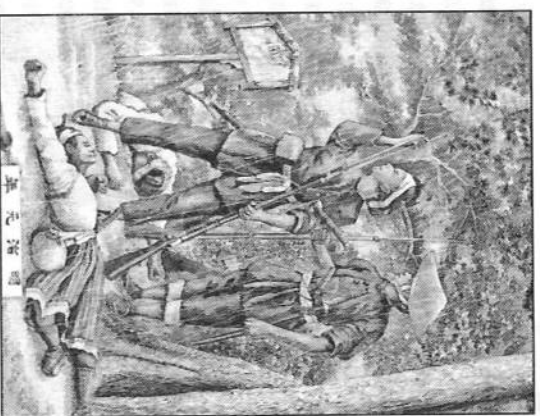
В результате этих событий в стране формально было восстановлено прямое императорское правление, произошла Рестаурация Мэйдзи, названная так по девизу, под которым в 1868—1912 годах правил император Муцухито. Реально же власть взяла в свои руки группа молодых средне- и низкоранговых самураев из юго-западных княжеств *тобэидэ* и на удивление деятельных придворных

аристократов, выдвинувшихся в период борьбы с сёгунатом. Все они, не смотря на существенные расхождения во взглядах и противоречия, в целом были ориентированы на проведение широкомасштабных реформ, которые должны были обеспечить создание «богатой страны и сильной армии» (*фуйкоку кэхэй*) — такой страны, которая могла бы не бояться угрозы извне и занимать достойное место в ряду сильнейших держав. Неуклонно, последовательно, но в то же время разумно и осторожно осуществляя различные социальные преобразования, в конечном итоге сумели ввести Японию в число самых могущественных держав мира, поставив жирную точку в борьбе за этот статус победой над царской Россией в русско-японской войне 1904—1905 годов.

Лидеры мэйдзийских реформ и боевые искусства

На первом этапе мэйдзийских реформ главные роли в их осуществлении играли Кидо Коин (1833—1877) из Тёсю и Сайго Такамури (1827—1877) и Окубо Тосимити (1830—1878) из Сацумы. Важными фигурами являлись также Игагаки Тайскя (1837—1919) и Гото Сёдзиро (1838—1897) из Тоса, Ямагата Аритомо (1838—1922) из Тёсю и Окума Сигэнобу (1830—1922) из Хидзэн.

Все они, хоть и происходили из уважаемых семей, в самурайской табели о рангах занимали низшие ступени.

*Солдаты императорской армии.
1868 год*

Если бы не смутное время, то всем им была бы уготована участь безвестных и безымянных клерков, но уж никак не судьба политических лидеров государства. Однако в период крушения сёгуната, когда под угрозой оказался само сохранение японского государства, именно они проявили такие качества, которые позволили им в своих княжествах сплотить вокруг идеи свержения сёгуната и прогрессивные, и консервативные силы, а затем возглавить правительство.

Эти зодчие Реставрации Мэйдзи были необычайно волевыми и целеустремленными людьми. В незначительной степени этими своими качествами все они были обязаны занятиям боевыми искусствами, которые дали им, по словам известного американского исследователя Донна Дрейгера, колоссальный душевный, энергетический заряд, даже не снившийся другим самураям, оставившим занятия *будо*¹. Почти все они в сражениях за реставрацию императорской власти приобрели солидный военный опыт, продемонстрировали отвагу и стойкость, знание военной науки и определенный полководческий талант. Наконец, некоторым из них довелось присутствовать в ход своих мечи в рукопашной схватке, чтобы отстоять свое дело и свою жизнь...

Оставляя в стороне подробное рассмотрение биографий этих выдающихся политических деятелей новой истории Японии, в контексте нашей темы целесообразно коснуться их связей с боевыми искусствами, отношения к ним, влияния занятий *будо* на формирование их личностей.

Кидо Коин родился в семье официального врача княжества Хаги, не имевшего самурайского статуса. Чтобы обеспечить сыну лучшие возможности для карьеры, отец отдал его в самурайскую семью довольно высокого ранга,

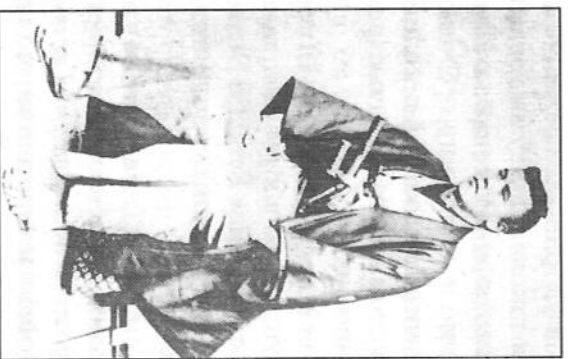
¹ Дрейгер Д. Современные будоисты и будо. М., «Гранд», 1998, с. 27—28.

дав такой наказ: «По рождению ты не самурай. Поэтому, чтобы стать настоящим самураем и не опозорить нашу семью, тебе придется приложить вдвое больше сил, чем любому другому!»¹ Чтобы исполнить волю родителя, преодолеть свои немощь и страх, Коин, мечтавший о славе настигающего *биси*, с головой погружился в занятия фехтованием на мечях. Его первым учителем в 1846 году стал помощник наставника *кэндзюцу* княжества Тёсю, мастер школы Синкагэ-рю Найто Токубэй. Успехи Кидо были весьма внушительными, и вскоре он стал известен как мастерский фехтовальщик.

Позднее Коин поступил в школу военного искусства, организованную в 1849 году Ёсида Сёин (1830—1859), сторонником свержения сёгуната, открытия страны и модернизации японской армии по европейскому образцу. Там он познакомился с теорией военного искусства школы Ямага-рю, созданным известным военным теоретиком Ямага Соко (1622—1685).

После смерти отца, в 1852 году Кидо получил от владык княжества Тёсю разрешение отправиться в Эдо, чтобы в течение трех лет совершенствоваться в искусстве *кэндзюцу*. Так начался качественно новый этап в его жизни.

Кидо поступил в «Рэмпэйкан» — одно из трех крупнейших *додзё* столицы, которым руководил прославленный наставник Сайто Якуро, и начал осваивать искусство фехтования школы Синдо мунэн-рю. Уже через год

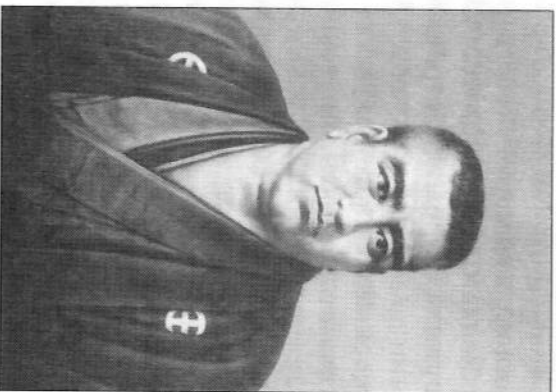

Кидо Коин

он удостоился звания *оэюкугасира* — «старшего ученика в школе», а двумя годами позднее получил мастерский сертификат *манкэ кайдэн*, подтверждающий прохожденье полного курса Синдо мунан-рю. Параллельно Кидо учился в военной школе Эгава Тародзэамон (1801—1855), специалиста по огнестрельному оружию и европейской военной науке.

Многолетняя практика *кэндзюцу* позволила Кидо укрепить здоровье и закалить волю, а занятия под руководством Ёсида и Эгава убедили в необходимости модернизации сухопутных и морских сил по западному образцу...

Сайго Такамори начал свое образование в *гомо* — местной школе, которую были обязаны посещать все самурайские дети. *Гомо* представляли собой не только учебные заведения, но и своего рода строго иерархические братства. Программа обучения в них включала как стандартные общеобразовательные предметы — чтение, письмо, основы конфуцианского учения, так и за-

Сайго Такамори

нятия боевыми искусствами. Каждая *гомо* во время войны должна была сформировать самостоятельное воинское подразделение, поэтому вся система воспитания в них была направлена на воспитание чувства чести, выработку смелости, мужества и стойкости. Учебный день в *гомо* начинался с двухчасовых занятий физической культурой. Упражнения были самыми разнообразными — от *сумо* до верховой езды. Они включали также

различные игры, призванные воспитать выдержку, выносливость и волю. К примеру, во время игры *касан цивасэ* участники сбивали с ног одного товарища, а потом всем скопом наваливались на него и терзали до тех пор, пока их не отбывал руководитель. Специальное занятие с 16 до 18 часов посвящалось в основном благородному искусству меча. В княжестве Сацума изучались две школы — Дзигэн-рю и Якумару-рю. Школа Якумару делала исключительный акцент на выработку агрессивного атакующего стиля и воспитание готовности вырвать победу в схватке, не считаясь с ценой, пусть даже придется пожертвовать жизнью. Некоторые косвенные данные позволяют предположить, что Сайго отдавал предпочтение именно Якумару-рю¹. Вообще, об успехах Сайго на попроще овладения боевыми искусствами известно мало. Похоже, он не проявлял к этим занятиям особого интереса, потому что природа дарила его завидным здоровьем, богатырским телосложением, большой силой и крепостью воли. Тем не менее, воспитание в *гомо*, в том числе занятия *будзюцу*, а позднее основательное знакомство с филоσοфией Ван Янмина² несомненно сыграли важную роль в формировании характера Сайго. Это был необычайно цельный, целеустремленный и волевой человек, полный решимости реализовать идеалы *бусидо* на практике³.

Близким другом Сайго Такамори с раннего детства был Окубо Тосимити. На пару они навели ужас на всю окрестную детвору. Отец Тосимити был приверженцем учения Ван Янмина и Дзэн-буддизма, человеком суровым

¹ Раина М. Последний самурай. М., Изд-во Эксмо, 2005, с. 55—60.

² Ван Янмин (1472—1529) — крупнейший китайский философ-неоконфуцианец эпохи Мин, создатель оригинальной философской доктрины в русле так называемого «учения о сердце» (*синьской*), поведенник доктрины «совладающего знания и действия», согласно которой знание (в первую очередь, этическое) должно сразу же воплощаться в действиях.

³ Драгер Д. Указ. соч., с. 33—35.

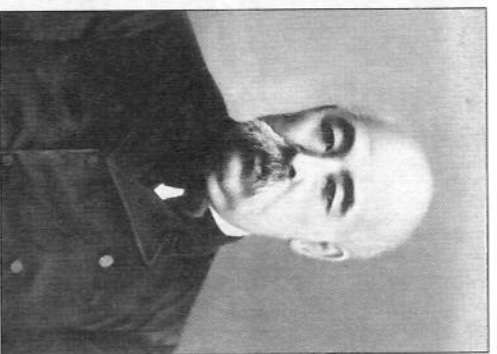

Окубо Тосимити

и бескомпромиссным. Он с отроческих лет воспитывал в сыне отвращение к трусости и низости, непримиримость ко злу и готовность к решительным поступкам во имя добра. Свое образование Окубо начал в той же *гогто*, что и Сайго, прошел ту же самую систему воспитания. Как и все другие дети из самурайских семей в княжестве Сацума, он с детских лет занимался боевыми искусствами, постигал секреты фехтования знаменитой школы Даигэн-рю, усердно занимался копейным боем *содзюцу* и *дзюдо*, но слабое здоровье, в конце концов, вынудило его оставить эти занятия. Тем не менее, они, вкупе с интересом к Дзэн-буддизму и с воспитанием в *гогто*, наделили заметный отпечаток на всю личность Окубо. Это был человек смелый, жесткий, решительный, невозмутимый, прекрасно владеющий собой.

Итагаки Тайкэ из княжества Тоса, которому в период Гражданской войны 1868—1869 годов, было доверено возглавлять штаб авангарда императорской армии, наступавшего по тракту Тосандо, в детстве серьезно занимался боевыми искусствами, в частности *дзюдо*. Он на высоком уровне овладел искусством *когусокудзюцу* школы Донтаки-рю («Школа проглатывающих врага»; по другим данным — Таканотути-рю), и однажды оно спасло ему жизнь, о чем мы будем говорить далее.

Еще один мейдзийский лидер — также выходец из Тоса Гото Сёдзиро получил возможность продемонстрировать свое искусство фехтовальщика в 1868 году, когда сопровождал британского посланника в Японии Генри Паркса в поездке в императорский дворец в Киото.

Гото Сёдзиро

По пути туда на англичан бросились двое ронинов¹-террористов. Улица была очень узкой, и английская конная стража не смогла приступить в ход свои пики. На выручку Парксу бросились Гото Сёдзиро и Накаи Хироси, моментально соскочившие с коней и вступившие в схватку. Гото обезглавил своего противника одним взмахом меча. Потом он пришел на помощь к Накаи, который запугался в своих широких штанах, упал, едва не распротался с жизнью, но сумел ранить нападавшего в грудь и образить его в бегство. В тот момент, когда террорист поврачивался к Накаи спиной, Гото нанес ему удар в плечо, тот упал, а вскочивший с земли Накаи срубил ему голову. Комментируя действия Гото в этом эпизоде, уже старый английский историк Японии Джордж В. Сэнсом в своей книге «Запад и Япония» резонно заметил, что без определенной выучки срубить одним ударом голову человеку невозможно².

Умение Гото резко контрастирует со слабой подготовкой ронинов из княжества Тоса, совершивших покушение на жизнь правого министра Ивакура Томоми в январе 1874 году. Их было около десятка, но Ивакура ухитрился выпрыгнуть из экипажа в ров с водой, пересесть его владья и спрятаться в кустах, отделившись всего лишь шрамом на лице. Оценивая действия этих несостоявшихся убийц, Донн Дрейер писал, что они продемонстрировали отсутствие всякой военной выучки,

¹ Рони́н — самурай, лишившийся места службы.

² Мешеряков А. Н. Указ. соч., с. 178; Дрейер Д. Указ. соч., с. 29—30.

Ямагата Аритомо

а возможно и настоящего боевого духа, когда пытались объяснить свою неудачу «темной ночью»¹.

Ямагата Аритомо, в юности заслуживший прозвище «варвар», был сведущ в искусстве владения копьем школы Сабури-рю. Продемонстрировав свое умение в настольном бою ему не представилось случая, но в княжестве Янагава на Кюсю он одолевал любого противника, сражаясь дерзанным копьем с войлочным наконечником (*таммо яри*) с фехтовальными мечами (*бокэн*). Ямагата на всю жизнь сохранил интерес к копейному бою. Человек немногословный, он полагал, что занятия боевым искусством существенно повлияли на формирование его характера. Передает, что Ямагата ежедневно упражнялся с боевым копьем, отработывая технику *укола-цуки*, сотни раз нанося удары в большое фиговое дерево в своем саду, и дерево в итоге засохло².

Таким образом, лидеры майдзийских реформ в большинстве своем имели обширный опыт занятий *будзюцу* и, по всей видимости, должны были в полной мере осознавать их достоинства и недостатки, адекватность современным условиям. Похоже, с недостатками и адекватностью дела у *будзюцу* обстояли неважно. Не случайно, несмотря на личный опыт и интерес, реформаторы, признавая значение боевых искусств в деле воспитания характера и укрепления здоровья, в большинстве своем относились

к ним как к безнадежно устаревшему наследию прошлого и, создавая новую армию, не сочли нужным использовать их в подготовке войск.

«Возвращение владений» императору

На первом этапе реформ «боевой задачей дня» являлось создание централизованного государства. Для этого, в первую очередь, требовалось ликвидировать политический сепаратизм и преодолеть социальную разобщенность. А между тем, в Японии по-прежнему сохранились две с половиной сотни княжеств. Среди них доминировали Сацума и Тёсю, к которым присоединялись Тоса и Сага. Вполне обоснованными были опасения, что в стране появится новый гегемон, и фактически будет реставрирован сёгунат. Реальной выглядела и война между Сацума и Тёсю за власть, ведь главы этих княжеств не доверяли друг другу столь же сильно, сколь ненавидели Токугава *бакуфу*. В такой обстановке лидеры Тоса объединили княжества острова Сикоку в региональный союз и даже разработали план похищения юного императора Муцухито «ради обеспечения его безопасности». В ответ на севере Хонсю возник другой союз — в него вошли княжества, опасавшиеся усиления юга...

Пожалуй, яснее других майдзийских лидеров уязвимость Японии на международном арене и необходимость «отстаивать свои позиции в мире» осознавал Кидо Коин. Одним из первых он высказался за усиление централизации государственной власти и вскоре убедил в необходимости этого Окубо Тосимити из Сацума и Итагаки Тайсэа из Тоса.

Центральное «императорское» правительство было еще слишком слабым, чтобы заставить *даймё* отказаться от их власти, но Кидо, Окубо и Итагаки в 1869 году смогли убедить своих союзников, которыми двигали как традиционное соперничество, так и чувство патриотического долга, добровольно передать императору реестры их

¹ Мещеряков А. Н. Указ. соч., с. 178; Дрэгер Д. Указ. соч., с. 31—32.

² Дрэгер Д. Указ. соч., с. 30.

владений — символы княжеской власти. *Даймэ* направили Мэйдзи петицию о «возвращении» их владений. В ней, в частности, говорилось: «Владения, в которых мы, нижеподписавшиеся, проживаем, являются владениями нашего суверена. Народ, которым мы правим, — это его народ. Почему же должны мы частным образом владеть ими?» Князь предлагали ввести в стране такой порядок, когда все нововведения, от новых законов и институтов власти вплоть до униформы служащих, будут исходить от императорского правительства и находиться под его контролем. Только так, считали они, Япония «встанет в один ряд с иностранными державами». Двор колебался несколько месяцев, прежде чем принял эту петицию. В течение этого «колебательного» периода другие *даймэ*, не желавшие показаться менее лояльными, слали на имя императора аналогичные петиции. В итоге двор сдался и принял «свои владения» назад.

По мере «возвращения владений» правительство сначала было князьям в их же владения «губернаторами» и одновременно вводило новый унифицированный порядок управления «губерниями». Доходы «губернаторов» были ограничены десятой частью всех их налоговых сборов, но при этом Токио брал на себя оплату всех расходов на содержание административного аппарата. В результате многие князья не терпели, а, напротив, выигрывали в финансовом отношении. Власть их пока не подвергалась слишком серьезным ограничениям, так что реформа почти не вызвала сопротивления. Впрочем, не все *даймэ* согласились отказаться от наследственных прав и привилегий. Но правительство не торопилось применить к ним силу, оно спокойно выжидало наступления благоприятного момента и укрепляло свои позиции¹.

¹ *Vlastos, Stephen. Opposition movements in early Meiji, 1868—1885 // The Cambridge History of Japan. Volume 5, The Nineteenth Century. Cambridge University Press, 1989, с. 384.*

Первая реформа сословной системы

В том же 1869 году была произведена первая реформа сословной системы. Реформаторы выделили бывших *даймэ* и придворных аристократов *кудзэ* в особую категорию аристократии (*кадзюку*). Многочисленные ранги самурайства, которых в некоторых княжествах насчитывалось по несколько десятков, упразднились, взамен вводились всего две категории: дворянство (*сидзюку*), включившее в себя высших самураев, и пехотинцев (*соцу*), куда вошли самураи низших рангов. Затем, в 1870 году, было отменено архаическое деление простого люда на сословия по профессиональной принадлежности. Взамен было введено понятие «простого народа» (*хэймин*).

Создание императорской гвардии

До 1871 года правительство не имело подчиненных непосредственно ему вооруженных сил. Под именем «императорской армии» выступали организационно самостоятельные отряды княжеств Сацума, Тёсю и Тоса. А между тем мейдзийское правительство прекрасно со знавало, что в сложной внутренней и внешнеполитической ситуации ему жизненно необходима управляемая современная армия. В качестве первого шага по созданию такой армии в феврале 1871 года отряды Сацума, Тёсю и Тоса были сведены в десятитысячную императорскую гвардию (*симбэй*), которая была подчинена военному ведомству. Это был тот необходимый железный кулак, который мог выступить последним аргументом в спорах с упрямыми *даймэ*, не желавшими изъять покорность. С ним можно было сделать следующие шаги в реформировании государственного устройства.

Окончательная ликвидация княжеств

В августе 1871 года император издал указ, возвестивший о ликвидации власти *даймэ*. В нем, в частности, говорилось: «В настоящее время Мы окончательно

и бесповоротно упраздняем княжества и превращаем их в имперские владения (префектуры), чтобы сократить расходы, упорядочить государственной аппарат, избавиться от всего, что отжило, и ликвидировать основы сепаратизма, подготавливающие государственность»¹. Вышние князья были вызваны в Токио «для консультации», а тем временем в префектуры были назначены губернаторы, лояльные режиму. *Даймё* было приказано постоянно проживать в Токио. Армии княжеств распущались. Многие местные чиновники увольнялись со службы. Чтобы избежать взрыва, взамен правительства предлагало *даймё* назначения на посты губернаторов, шердые пенсии, принятие правительством ответственно-сти за долги княжеств, а в будущем — новые аристократические титулы.

С упразднением княжеств разом оказалась отставленной от службы и лишился своих рисовых пайков вся масса самураев — всего, с учетом членов семей, около 2 миллионов человек. Просто выбросить на улицу такую массу вооруженных и обоглаженных людей было невозможно. Требовалось каким-то образом интегрировать их в новые общественные отношения. Но сделать это было не просто. Самураям веками запрещались любые занятия, кроме военных, и добывать себе пропитание на «гражданке» многие из них не были готовы. Во избежание взрыва недовольства правительство было вынуждено объявить о сохранении самураям части их прежних доходов в виде денежной пенсии. Новые пенсионеры могли получать ее по-прежнему в течение всей жизни, а могли, если хотели, приобрести стартовый капитал для начала какого-то дела, получив выплату сразу за несколько лет, но отказавшись от всех дальнейших выплат.

Правительственные траты на содержание пенсионеров были огромными, в значительной степени их приходилось обеспечивать внешними займами. Энтузиазма

¹ Цит. по: История Японии, т. 2, с. 41.

новым лидерам это не добавляло. Перед страной стояло множество проблем, для решения которых требовались деньги, и кормить ораву бездельников можно было, только скрипя зубами, из страха перед бунтом.

С другой стороны, и сами пенсионеры в большинстве не были удовлетворены своим положением. Если *даймё*, которым гарантированная правительством половина прежнего дохода обеспечивала безбедное существование, в основном были довольны, то многие их младшие вассалы оказались в тяжелом положении — установленные выплаты многим не позволяли даже сводить концы с концами. Правда, еще хуже было положение бывших вассалов сёгуна и тех князей, которые в трагической войне 1868—1869 годов сражались против «императорской» армии — им пенсии не полагались вовсе...

Понимая, что ситуация неудовлетворительна, правительство пыталось позаботиться о тех, кто оказался в тяжелом положении. Вышних самураев брали в армию и полицию, назначали на чиновные посты. Предпринимались попытки посадить самураев на землю с тем, чтобы они завели фермерские хозяйства западного типа, однако в большинстве случаев такие начинания заканчивались неудачей. В общем, усилия правительства на этом направлении не решали проблем: мест в бюрократическом аппарате на всех не хватало, а в новую армию многие самураи сами не хотели идти по причинам, о которых речь пойдет далее¹.

Завершение реформирования сословной системы

В 1872 году было завершено реформирование сословной системы. Новый закон делил всё общество на три сословия: *кадзюку*, *сидзюку* и *хаймин*. По реформе самураи низших рангов (*соцу*) вливались в простонародное сословие *хаймин*. Многие *соцу* восприняли это как прямое оскорбление: во-первых, еще в 1870 году *хаймин* было

¹ Мещеряков А. Н. Указ. соч., с. 234—235.

запрещено ношение мечей, во-вторых, по закону в то же сословие вливались и парии японского общества (*эмид*), которые прежде считались ритуально нечистыми «нелюдьми» (*килин*). Новый закон предписывал всем простолюдинам обзавестись фамилиями, которые ранее полагались только аристократам и самураям. Одновременно их информировали, что теперь они не обаяны каким-либо особым образом демонстрировать свое почтение к самураям (например, опускаясь на колени, как прежде), более того, такие действия объявлялись нежелательными. С другой стороны, самураям было объявлено, что они не должны появляться в общественных местах с мечами, им рекомендовалось обрезать узлы из волос — отличительный признак самурая — и использовать европейскую прическу, а вслед за ней — и западную одежду. В результате, стирались последние отличительные признаки принадлежности к высшему сословию, самурай растворялся в массе «простого люда». Взамен им впервые официально предоставлялось право заниматься сельским хозяйством, промышленным производством или торговлей. За *кадзюку* и *сидзюку* сохранялись некоторые привилегии, в частности, им было гарантировано право выбора прически и ношения меча (которое было отменено уже в 1876 году), но формально все три сословия считались равными.¹

Историки не раз задавались вопросом, как в процессе демонтажа всей токугавской системы майдзийскому правительству удалось избежать гражданской войны и контрреволюции, которую могли бы возглавить прежние *даймэ*. Решающее значение, конечно, имели продуманность реформ и твердая, но при этом осторожная последовательность в их проведении. Но сыграла важную роль и многие особенности, присущие самому самурайскому сословию. Во-первых, в стане *даймэ* парили раздробленность, соперничество и подозрительность.

¹ История Японии, т. 2, с. 43—44.

Могущественные юго-западные княжества, чьи представители доминировали в национальном правительстве, противостояли друг другу и все вместе — многочисленным более мелким княжествам востока и севера. Противоречия и соперничество не позволили *даймэ* выступить единым фронтом. Во-вторых, правительство, гарантировав самурайской элите безбедное существование, смогло расколоть воинское сословие по вертикали и избежать превращения иерархически организованных васальных дружин в двигатель контрреволюции. Хотя многие рядовые самурай имели множество причин для восстания, без санкции своих сюзеренов они не имели возможности использовать существующие структуры коллективных действий.

Введение всеобщей воинской обязанности

Если бы правительство желало сохранить привилегированное положение самураев, то вполне логичным было бы создание из них национальной армии. Такой точки зрения держались некоторые майдзийские лидеры, убежденные, что только самурай, имеющий за плечами тысячу лет военной службы, обладают уникальными воинскими добродетелями: смелостью, преданностью и чувством чести. Так, Мазбара Исэи считал, что армия должна целиком комплектоваться из *сидзюку*. Кирино Тосиаки и Синохара Кунимото, в прошлом — старшие офицеры в войске Сайго Такамори, а ныне командиры императорской гвардии, решительно выступали против призыва простолюдинов на военную службу и противились любым попыткам влить призывников в подведомственные им части.

Другие лидеры полагали, что призыв *сидзюку* на военную службу мог бы разрешить насущную социальную проблему — гарантировать экс-самураям верный доход и определенные привилегии. Так, Торио Коэята, генерал из Тёсю, предложил ежегодно выделять 20% всех прави-

тельственных доходов на содержание постоянной армии и национального резерва, которые должны были включать всех *сидзюку* в возрасте от 20 до 45 лет. Более конкретную позицию занимал Тани Кандзэ из Тоса: он выступал за то, чтобы сыновья *сидзюку* призывались в армию в первоочередном порядке, а набор простоголюдинов начался только после того, как все дееспособные *сидзюку* займут подобающие им места в вооруженных силах.

Однако такие консерваторы оказались в меньшинстве. Большинство лидеров правительства были убеждены, что в национальном государстве, построение которого являлось их целью, дело защиты страны должно быть почетной обязанностью всех граждан, без исключения. Отстаивая свою точку зрения, они указывали, что система формирования армии на основе всеобщей воинской обязанности имеет целый ряд достоинств. Так, Ямагата Аритомо, сменивший Маэбара Иссей на посту командующего армией, полагал, что самурайские доблести, с точки зрения потребностей современной армии, — палка о двух концах. Самурай — бесстрашный воин, но он же — капризны, раздражительны, недисциплинированы и, главное, более преданы своему клану, нежели центральному правительству, поскольку почтение к знатности и верность клану — такие же неотъемлемые составляющие *бусидо*, как и бесстрашие. Ямагата предвидел, что первой задачей армии будет подавление внутренних мятежей, и убеждал, что прочные связи *сидзюку* с их местными кланами повредят ее единству¹.

В итоге, после ожесточенной борьбы в правительстве было принято решение о введении всеобщей воинской повинности. Возможно, последней каплей, перевесившей чашу весов, явились донесения японских военных агентов откомандированных в Европу для наблюдения за франко-прусской войной. Опыт Пруссии, которая сумела поставить по мобилизации под ружье 700 тысяч человек,

произвел огромное впечатление. Соответствующий указ был обнародован 10 января 1873 года.

Призыву подлежали молодые люди, достигшие двадцатилетнего возраста. Срок службы был определен в семь лет — три года срочной плюс четыре года в резерве. Регистрации на случай возможного призыва подлежали все мужчины в возрасте от 17 до 45 лет. Указ предусматривал освобождение от службы для целого ряда категорий молодых людей: для студентов государственных учебных заведений, глав семейств, единственных сыновей. Разрешалось даже откупиться от службы! Правда, сумма была огромной.

Разумеется, лучшие возможности для уклонения от армейской ламки имелись у знати и богатей, и основное бремя исполнения указа легло на плечи простонародья. Последнее было совсем не радо нововведению. Как точно и не без юмора заметил А. Н. Мещеряков, «люди еще не успели проникнуться осознанием того, что военная служба является их «почетной обязанностью». Крестьянам нужно было выращивать рис, горожанам — зарабатывать на него. Защита императора и родины казалась им досадной помехой для своих производительных трудов»¹. По стране прокатилась волна крестьянских выступлений, которые были безжалостно подавлены полицейскими силами и той самой армией, на службу в которой должны были отправляться новые военнообязанные. Были убиты сотни людей, десятки тысяч подверглись различным наказаниям, 15 человек приговорили к смертной казни.

Но еще более введением всеобщей воинской обязанности были недовольны самурай. Надо сказать, что указ имел ярко выраженную антисамурайскую направленность. Он даже начинался с обличения самураев. Говорилось, например, что они могли, в нарушение заветов древности, без суда и следствия убивать простых

¹ *Vlastos, Stephen.* Указ. соч., с. 385—386.

¹ *Мещеряков А. Н.* Указ. соч., с. 288.

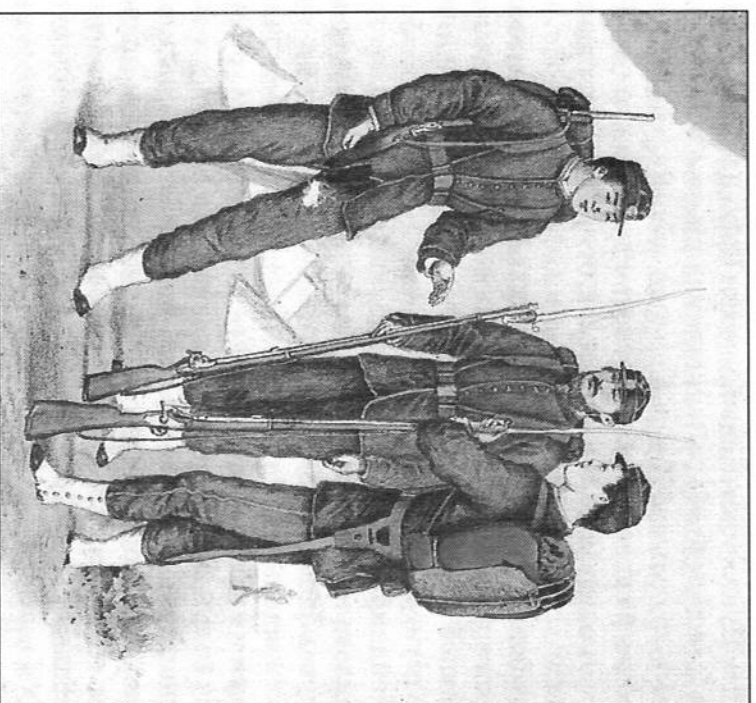
людей. Теперь же, когда все люди обрели свободу, сохранение такого положения было недопустимым.

Самураи воспринимали как оскорбление сам факт того, что их приравнивали к «черни», лишив главной привилегии — быть единственными защитниками страны, располагавшими необходимыми для этого оружием. Они засыпали правительство протестующими письмами, в которых утверждали, что крестьяне не способны жертвовать собой во имя высших государственных интересов. В одном из таких посланий говорилось: доверить крестьянам оборону страны — всё равно, что взвалить на кошку с собакой груз, посильный только для лошади и вола. Впоследствии многие из прежних самураев стали офицерами в армии, но в первое время после введения всеобщей воинской повинности они находились в состоянии шлока, ибо служить вместе с «деревенщиной» считали ниже своего достоинства.

Правительство отдавало себе отчет, что публикация Указа способна спровоцировать протестные выступления самураев, но не намеревалось отступать от своих стратегических целей — создать эффективное централизованное государство и слотить японскую нацию. Мэйдзийские лидеры были убеждены, что служба в армии с ее дисциплиной, закалкой и идеологическим воспитанием, призванным убедить призывников из разных регионов в том, что все они — японцы, и что их общая цель — защита японского императора и японской земли — один из лучших способов решения задачи¹.

Новая армия не только строилась и комплектовалась по западному образцу, но и обучалась соответствующим образом. Национальная специфика на первом этапе ее существования была минимальной. Традиционным японским боевым искусством в программе боевой подготовки поначалу места не нашлось... В 1874 году французский старший унтер-офицер пехоты Дюкло начал обучать

¹ Мещеряков А. Н. Указ. соч., с. 286—290.

Японские артиллеристы и пехотинцы («Сага сайтэ санки»)

младших японских офицеров сухопутных войск европейской гимнастике и фехтованию. В 1875 году в сухопутных войсках, взамен японских мечей, были введены сабли французского образца. С 1878 года обучение западному фехтованию было введено в Военно-морской академии (Кайгун хэйгакко)...

Такое пренебрежение к традиционным *будзюцу* в армии диктовалось не только их малой практической ценностью. Во многом оно определялось общими тенденциями и умонастроением «просвещенной» части общества, оказавшейся у руля власти. Отношение «просвещенных» к боевым искусствам в своих «Расказах об эпохе создания Кодокан» («Кодокан сорицу дзидай-о кагару») отразил

Томига Цунэдзиро, первый ученик Кано Дзигоро, основателя Кодокан *дзюдо*: «Всякому начинанию сопутствуют разные трудности. В еще большей степени это касается не коммерческого, а образовательного учреждения. Тем более, когда речь шла о возрождении в эпоху Реставрации Мэйдзи воинского искусства феодального периода, которое большинство японцев воспринимали в те времена как совершенно никчемную вещь — что-то вроде *кимоно* на ватной подкладке в летнюю жару или ледяшки в зимнюю стужу...

Мэйдзийское правительство явилось инициатором и пригласило большие усилия для усвоения обычаев и институтов западной цивилизации. В соответствии с этим курсом верхи и простой народ разрушали свои исконные обычаи и институты, не обращая внимания на то, хороши они или плохи, копировали и почитали исключительно «цивилизованностью» и «просвещенностью» и подчас, избегая всяких условностей, навешивали на собственное наследие ярлык «косной дикости», осмеивали его, относились к нему с полным презрением. Настроенные наиболее экстремистски доходили до разрушения старинных произведений искусства и творений каллиграфов. Именно в то время произведения искусства, являющиеся священным национальным достоянием, по дешевке распродавались за границу.

Соответственно, и на *сумо*, и на *дзюдоэцу*, и на *кэндзюцу*, и на все другие воинские искусства, и вообще на всё, что в японской традиции было связано с военным делом, был навешен ярлык «дикости». *Будо*, таким образом, были похоронены... Тех же, кто в такое время шел против течения и отказывался заниматься *дзюдо*, осмеивали, если не как дураков, то уж, по крайней мере, как чудаков»¹.

¹ Цит. по: *Маруяма Сандзо*. Сакай дзюдо си («Всемирная история дзюдо»). Токио, 1967, с. 277.

Раскол мэйдзийского правительства

Введение всеобщей воинской обязанности еще более увеличило разрыв между консерваторами, которые настаивали на том, что *сидзюку* должны оставаться военной и политической элитой, и реформаторами, полагавшими, что сохранение сословных различий и привилегий несовместимо с созданием современного национального государства. Но вопросом, который окончательно расколол группу лидеров, явился вопрос не внутренней, а внешней политики.

Уже в начале 1870-х годов Япония, подражая западным державам, намеревалась проводить агрессивную колониальную политику. Первым объектом приложения сил была выбрана слабая в военном отношении Корея. Япония потребовала от нее установить дипломатические и торговые отношения, но получила отказ. В этой ситуации Сайго Такамоори, лидер консерваторов в правительстве, предложил план в духе «дипломатии канонерок», втайне надеясь, что между Кореей и Японией вспыхнет война, которая послужит немедленной мобилизации всех самураев, оставшихся без службы. В поддержку Сайго выступили Итагаки Тайкэ и Гого Сэдзиро из Тоса и Это Симпэй и Соэдзима Танзоми из Хидзэн. Все они были убеждены, что Япония должна воевать Корее и навязать ей дипломатические и торговые отношения так же, как это пятнадцатую годами ранее с Японией проделал Запад.

Однако другие мэйдзийские лидеры — Ивакура Томоми, Окубо Тосимити и Кидо Коин, незадолго вернувшись из длительной поездки в Соединенные Штаты и Европу, решительно выступили против плана Сайго. Они не возражали против подчинения Кореи в принципе. Напротив, все они были убеждены, что судьба уготовила Японии владычество в Азии — конечно же, ради защиты отсталых азиатских народов от Запада с его хищническими устремлениями. Но понимали, что,

несмотря на демонтаж устаревших феодальных институтов, Япония еще слишком слаба и уязвима. В случае нападения на Корею им казалось весьма вероятным вмешательство Китая или России, начало затяжной войны, сопряженной с огромными расходами, что могло бы поставить под угрозу само будущее Японии¹.

За спорами по корейскому вопросу скрывалось острое противостояние по вопросу статуса и положения сословия *сидзюку*. Даже при том, что пенсии, которые правительство выплачивало *сидзюку*, зачастую не обеспечивали им даже пропитания, огромные расходы по их выплате тяжелым бременем ложились на казну, поглощая более трети ее доходов и не оставляя в ней средств, необходимых для финансирования государственного строительства. В связи с этим в 1873 году, еще до того, как развернулись дебаты по поводу политики в отношении Кореи, министерство финансов предложило конвертировать пенсии в ценные бумаги. Правительство поддержало инициативу и предложило экс-*дайме* и самураям добровольно капитализировать свои пенсии. Желаящим государство обязывалось, вместо пожизненных пенсий, выплатить единовременную денежную компенсацию (половину — наличными, половину — облигациями государственного займа) и предоставить право приобретать государственные земли по льготным ценам. В идеале *сидзюку* должны были вложить полученные средства в развитие сельского хозяйства, торговли или промышленности и тем самым стимулировать экономическое развитие страны. Однако на предложение правительства откликнулись лишь немногие, причем многие из них в итоге очень быстро потеряли свои деньги.

По мере ухудшения их экономического положения *сидзюку* всё более озлоблялись. Ранее Сайто писал Окубо Тосимити, что чувствует себя так, словно «спит на пороховой бочке», потому что сацумцы в императорской

¹ Vlastos, Stephen. Указ. соч., с. 387—388.

Обсуждение плана нападения на Корею («Сэйканрон-но дзю»)

гвардии крайне недовольны положением дел. Возможно, Сайго преувеличивал, но война с Кореей, обещавшая скорый призыв *сидзоку* на военную службу и будоражившая воображение потенциальными приключениями, многим казалась вполне реальной возможностью разрезать острейшую социальную проблему. Всеобщая воинская обязанность только-только вводилась, простолудины еще только начали приходить в казармы, и *сидзоку* были единственной группой, имевшей хоть какую-то военную подготовку. Казалось, война не только обеспечит *сидзоку* службой и жалованьем, но и послужит возрождению традиционных воинских ценностей, позволит *сидзоку* вновь завоевать почет и уважение. Наконец, война могла бы укрепить позиции «старых солдат» — Сайго и Итагаки — в их противостоянии бюрократам.

Хотя первоначально «партия мира» была в меньшинстве, после того, как Ивакура Томоми был назначен председателем Государственного совета, ему удалось перетянуть на свою сторону ряд лидеров. Заручившись их поддержкой, Ивакура поставил план Сайго на голосование. План был провален, а результаты голосования немедленно доложены императору. Униженные и взбешенные коварной тактикой соперников, шедшей вразрез если не с буквой, то с духом договоренностей мэйдзійских лидеров о коллективном управлении, Сайго, Итагаки, Гото, Это и Седзима подали в отставку и покинули Токио. За ними немедленно последовали многие их сторонники в государственном аппарате и армии. В дальнейшем

Ивакура Томоми

эти бывшие члены Государственного совета, ушедшие в отставку осенью 1873 года, возглавили антиправительственные движения, в том числе — кровавые самурайские восстания¹.

Самурайское восстание в Сага в феврале 1874 года

Первое из самурайских восстаний вспыхнуло в префектуре Сага уже в феврале 1874 года. Его возглавил Это Симпэй.

Низкоранговый самурай по происхождению, Это еще в юности презрел приказы своего *дайме* и покинул Сага, чтобы примкнуть к сторонникам реставрации императорской власти и включиться в борьбу с сёгунатом. Авторитет его неуклонно возрастал, хотя, являясь выходцем из провинции Хидзэн, он, в определенном смысле, был аутсайдером. Назначенный в 1873 году в Государственный совет, Это также занимал ключевые посты в министерствах просвещения и правосудия, руководил разработкой законов, которые составили фундамент мэйдзійского законодательства. Причем он лично инициировал ряд гуманистических реформ, в частности, запрещение продажи женщин в публичные дома. В то же время Это выступал за агрессивную внешнюю политику, полагая, что только открытая демонстрация военной мощи поможет Японии пересмотреть неравноправные договоры с западными державами. Будучи убежден, что неспособность Японии «наказывать» Корею будет интерпретирована как свидетельство ее слабости, Это примкнул к «партии войны».

Пока Это отстаивал план «наказания» Кореи в Государственном совете, на его родине, в Хидзэн, образовалась «Партия нападения на Корею» (Сэйканто). Ее члены — преимущественно молодые *сидзоку* — рассчитывали выдвигаться из тисков нищеты и скуки, приняв участие в походе на Корею. Положение многих из них было настолько

¹ Vlastos, Stephen. Указ. соч., с. 388—389.

отчаянным, что они всерьез рассматривали возможность самостоятельного нападения на Страну Утренней Свежести даже без разрешения правительства, которое критиковали за «слабоволие», поскольку не стеснялась выражениях.

Во время первого собрания Сайканто, которое состоялось в декабре 1873 года, в партию записалось более тысячи человек. Вскоре в Токио была направлена делегация, чтобы предложить Это Симпэй возглавить организацию. Последний, разочарованный провалом милитаристского курса, немедленно дал согласие и таким образом оказался во главе весьма агрессивной группировки самураев.

Нет никаких данных о том, что Это вернулся в Хидзэн с намерением возглавить восстание, но когда правительство, встревоженное донесениями из Сага, решило направить туда войска для умирения бунтовщиков, у него не осталось выбора...

Когда сведения о посылке войск дошли до Сага, возмущению местных самураев не было предела. Теперь на стороне Сайканто выступила даже вгоря — еще более многочисленная группировка под названием «Партия патриотов» (Юкоккуто), которая прежде отказывалась от каких-либо контактов с Партией нападения на Корею. Лидером «патриотов» был Сима Ёситака, еще один ветеран движения за реставрацию. После поражения *биксуфу* он в течение некоторого времени занимал различные посты на средних этапах мэйдзайской администрации, но, в отличие от Это, оказался лишен умений и темперамента, необходимых для успешного бюрократа. Взгляды Сима отличались консерватизмом и ксенофобией. Он яростно протестовал против любых реформ, попахивавших вестернизацией, выступал за восстановление княжества и господства военного сословия, за запрещение христианства, возрождение традиционных боевых искусств как важного элемента в системе воспитания воли и за скорейшее наращивание военной мощи.

По иронии судьбы в то самое время, когда правительство направило в Сага отряд с приказом занять столицу префектуры, Сима как раз возвращался домой из Токио, где Ивакура Томоми упрямивал его вмешаться и предотвратить буйства разозленных самураев. Сима обещал принять меры, но когда узнал о предстоящей оккупации прежней княжеской столицей правительственными войсками, сразу поменял свое решение и поднал соратников, что дать отпор «предателям».

12 февраля на встрече в Нагасаки Это Симпэй и Сима Ёситака договорились о совместной вооруженной борьбе с правительственной армией. К этому моменту Это уже получил отказ Сайто Такамори принять участие в восстании, а без его поддержки не приходилось рассчитывать и на помощь фракции Игатаки Тайсэка и его сторонников из Тоса. Всё это означало, что восстание обречено. Это и Сима прекрасно осознавали это, но всё равно рвали извлечь мечи из ножен. Они были убеждены, что, раз правительство войска уже идет на Сага, точка возврата пройдена, и единственное, что остается, — «ударить в набат» и подороже продать жизни.

Немоща на встрече вождей, Сайканто и Юкоккуто свои позиции не согласовали и никакого плана не выработали. Восстание началось стихийно, после того, как «патриоты» вступили в перестрелку с дозором правительственных войск. За этой незначительной стычкой последовала успешная атака матежников на городской гарнизон — их

Это Симпэй

единственная победа, да и то не полная: гарнизон сумел отступить в полном порядке, не понеся больших потерь... Правительство отреагировало на маетеж чрезвычайной — быстро и решительно. Благодаря телеграфной связи, уже установленной между Токио и Нагасаки, информация поступила в столицу практически сразу, а поднятые по тревоге войска были быстро переброшены в Сага на пароходах, имевшихся в достаточном количестве. Спустя всего три дня главные силы экспедиционного корпуса под командованием самого Окубо Тосимити соединились с местным гарнизоном. Императорская армия перешла в контрнаступление и разгромила бунтовщиков.

Победа правительственных войск была предопределена их значительным численным превосходством и лучшей технической оснащенностью, но главную роль в поражении восставших, всё же, сыграла разобщенность воинов, по традиции хранивших верность своим феодальным сюзеренам и не осознававших общих групповых интересов. В действительности, в ходе операции, помимо пяти тысяч солдат регулярной армии, правительство задействовало столыко же добровольцев, набранных среди *сидзюку* соседних префектур. В предоставлении последних самураи из Сага отнюдь не защищали общие интересы воинов, а были всего лишь маетжниками из другого клана...

Восстание продолжалось менее двух недель. Перед лицом неизбежного разгрома маетжники либо капитулировали, либо обращались в бегство после первого же боя. Это и его командиры бежали в Кагосима. Там они снова обратились с мольбой о помощи к Сайго, но опять получили отказ: Такамоори не желал сражаться против правительственных войск, поскольку ими командовал его младший брат Цугумити. Тогда беглецы отправились в Тоса, где их и настигли преследователи. Бунтовщики были арестованы и отданы под суд. Это Симпай и ряд его ближайших сторонников подверглись казни. В то же

время наказания для рядовых участников бунта оказались сравнительно легкими: из нескольких тысяч человек лишь около сотни были приговорены к тюремному заключению на срок от трех до десяти лет¹.

Как и все последующие самурайские восстания, восстание 1874 года было чисто политическим и не выдвигало никаких экономических требований. Местные самураи протестовали против «слабой» позиции правительства в корейском вопросе. Подобные настроения были распространены чрезвычайной широко, и, даже расправившись с Это и его товарищами, правительство не могло надеяться, что этот пример сможет остудить горячие головы всех сторонников «наказания» Кореи. Буднюю энергию самураев требовалось направить в правильное — безопасное и одновременно «патриотичное» — русло... Не будучи готово воевать с Корею, правительство выбрало жертву послабее.

Еще в конце 1871 года несколько десятков рыбаков с островов Мияко (архипелаг Рюкю) потеряли корабле крушение у южного берега Тайваня и были перебиты местными аборигенами из племени полинезийского происхождения. Тайвань принадлежал Китаю, но последних, опасаясь неприятных осложнений с Японией, поспешил отмежеваться, заявив, что злобные аборигены не являются подданными китайского богдыхана. Теперь расправиться с «дикарями» не мешало уже ничто.

Экспедиция на Тайвань, возглавленная Сайго Цугумити, явилась первой агрессивной вылазкой нарождающегося японского империализма. Японские воюки «наказали» варваров, потеряв на поле боя всего 12 человек (плюс еще 525 человек, умерших от малярии...). С Китая, в обмен на возвращение оккупированного Тайваня, была получена значительная контрибуция. Кроме того, после долгих переговоров Средннее царство

¹ *Vlastos, Stephen.* Указ. соч., с. 390—391; *Мешеряков А. Н.* Указ. соч., с. 321—322.

было вынуждено признать юрисдикцию Японии над островами Рюкю, где ранее существовало королевство, находившееся в формальной васальной зависимости от Китая¹...

Но даже такая подачка самурайскому мнению не могла утихомирить воинов. Тем более что за следующие два с половиной года правительство нанесло ряд новых ударов по их финансовому положению и традиционным привилегиям.

Восстание Союза Божественного Ветра в октябре 1876 года

28 марта 1876 года был опубликован Указ о запрете ношения мечей. Отныне право ношения холодного оружия сохранялось только за полицейскими и армейскими чинами. «Гражданские» самураи лишились последнего зримого свидетельства того, что именно они являются «солью» японской земли, и растворялись в общей массе «подданных». Для многих указ явился тяжелейшим ударом, жизнь теряла всякий смысл, недовольство было колоссальным. Самураи буквально забросали правительство протестующими письмами, а в Кумамото в знак протеста они расхаживали по улицам с деревянными мечами. «Недовольство самураев перешло в отчаяние или, что было хуже для правительства, в отчаянную решимость» (А. Н. Мещеряков)².

Два самураи оправились от такого потрясения, как последовало новое: 5 августа 1876 года правительство издало распоряжение об отмене ежегодных пенсий для бывших самураев.

Мы уже говорили, что пенсия большинства самураев не обеспечивала даже их пропитания. Разовые компенсационные выплаты также не смогли сыграть роль стартового капитала, с которым самураи могли бы войти

в «гражданскую» жизнь, открыть какое-нибудь дело, чтобы в дальнейшем содержать самих себя, тем более, что многие из них, не имея ни навыков, ни привычки к регулярному труду, были способны лишь пускаться день-ги по ветру. В общем, самураи были крайне недовольны своими оскорбительно малыми пенсиями, а уж остаться вовсе без них не могли даже помыслить.

А между тем, даже эти скудные пенсии, в силу весьма внушительного числа «пенсионеров», ложились тяжелейшим грузом на государственную казну. Казну, пополнявшуюся главным образом налогами «черни», которая, обрета «почетное право и священную обязанность» защищать страну с оружием в руках, теперь всё чаще подвергла сомнению справедливость подобных пенсий, обзывала самураев «попрошайками», которые никого не защищают, а лишь жируют на «дармовщинку».

В августе 1876 года ввиду тяжелого финансового положения правительство приняло решение отменить ежегодные пенсии, заменив их единовременными выплатами в размере сумм за 5—14 лет (для этого пришлось прибегнуть к размещению займа за рубежом). При этом выплаты частично производились облигациями со сроком погашения от 5 до 14 лет и годовыми в размере 5—7% (процент зависел от размера пенсии, при маленких пенсиях он был выше). Такая пенсионная реформа гарантировала хорошие стартовые позиции для развития бизнеса торговле бывших *даймё*. Почти все они сумели обратить полученные деньги в капитал, вложив его в покупку земли, в торговлю, банки, фабрики, превратившись в крупных помещиков и предпринимателей. Зато финансовые поступления низкоранговых самураев оказывались совсем незначительным.

По сути дела, реформа окончательно уничтожила самурайское сословие, вбивая клин между самурайскими верхами и низами. Вчерашние *даймё*, сохранив принадлежность к элите и ощущая себя в новых условиях вполне

¹ Мещеряков А. Н. Указ. соч., с. 325—326.

² Мещеряков А. Н. Указ. соч., с. 342—343.

комфортно, уже никак не ассоциировали себя с делом своих обездоленных вассалов, которыми, по нормам *бусидо*, в обмен на верность и беззаветное служение, они должны были являть покровительство и милость. Как бы то ни было, факт остается фактом: ни один из князей не поддерживал своих бывших вассалов в их вооруженной борьбе против режима. Вассалы же, оставшись без своих признанных и веками почитаемых предводителей, уже не могли рассчитывать, что их протест будет восприниматься как сколько-нибудь легитимный.

Недовольство консервативно настроенных самураев подогревалось еще и безудержной вестернизацией, которую неуклонно проводило правительство. Западная культура и обычаи распространились далеко за пределы портов, открытых по договорам, и крупнейших городов страны. Она добралась теперь даже до провинциальных городков и деревень. Всё это вызывало крайнее озлобление шовинистов, для которых революционные лозунги «почитать императора» и «изгнать варваров» всё еще оставались нераздельными.

Наконец, правительство, в котором доминировали выходцы из Тёсю и Сацума, всё более решительно вмешивалось в местные дела. И если раньше это правительство казалось чем-то далеким, почти нереальным, то теперь начинало лезть буквально во всё, не считаясь ни с обычаями, ни с привычками. Оно добралось уже даже до волос: в июне 1876 года всем школьникам было велено обрезать самурайские узлы волос и носить причёску с коротко стриженными на западный манер волосами...¹

В Кумамото на Кюсю образовался «Союз Божественного Ветра» (Симпурэн), шовинистическое по своему характеру политическое общество. Его члены были убеждены, что им суждено очистить Японию от окверняющего влияния Запада — от христианских миссионеров,

европейских костюмов и варварских обычаев, которые насаждало правительство. Очистить примерно так же, как некогда «божественный ветер» — *камикадзе* (*симпу* — другое чтение иероглифов *камикадзе*) — очистил страну от скверны, которую ей в конце XIII века нес монгольский флот.

Костяк Симпурэн составили ученики синтоистского священнослужителя и ученого Хаяси Оэн. Хаяси ратовал за восстановление прямого императорского правления и одновременно звал к войне с агрессивным Западом. При этом он прекрасно осознавал отсталость Японии в военной области, но был убежден, что поражение может пойти на пользу самураюству как горькое, но целебное лекарство. Хаяси полагал, что война заставит слепиться самураев всех рангов, и они окажут агрессорам такое ожесточенное сопротивление, что навсегда отобьют у них желание связываться с Японией. И вот тогда, «изгнав Запад», Страна Восходящего Солнца сможет сделать свой бодный выбор, на каких условиях она будет контактировать с внешним миром¹.

Хаяси умер вскоре после Реставрации, но ученики остались верны его учению и объединились в Союз Божественного Ветра. Это были преимущественно низкоранговые самураи, активные участники ниспровержения сёгунаата, люди бывалые, с боевым опытом, и при этом — фанатично верящие в «божественную» исключительность Японии. Многие из них были синтоистскими священнослужителями и отчаянно противились вестернизации. Они настолько ненавидели всякое проявление западной жизни, что, как утверждали, прохода под телераффинными проводами, прикрывали голову белым веевром, чтобы зацитить себя от окверняющих иноземных флюидов, при виде человека в европейской одежде разбрасывали вокруг себя очистительную соль и даже брали бумажные деньги, навивно полагая их изобретением

¹ *Vlastos, Stephen*. Указ. соч., с. 391.

¹ *Vlastos, Stephen*. Указ. соч., с. 391.

Запада (на самом деле изобретены в Китае), палочками для еды!¹

Членов Симпурэн взбесил приезд в Кумамото Лероя Джейнса (Leroy L. Jones), молодого американца, который стал первым учителем в только что созданной иностранной школе. Джейнс был очень благожелательным и открытым человеком и своими христианскими добродетелями быстро завоевал любовь и уважение многих своих учеников. Можно представить себе, какой шок испытали сторонники сохранения «божественной чистоты» Страны Восходящего Солнца, когда в январе 1876 года тридцать пять учеников Джейнса публично поклонились «рассеять мрак империи проповедью евангелия», пообещав пожертвовать самой жизнью, если потребуется².

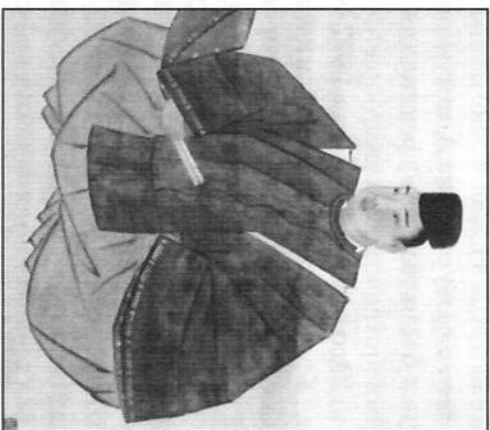
После смерти Хаяси Союз Божественного Ветра возглавил синтоистский священник Отагуро Томоо (1835—1876). Отагуро был убежден, что всю иноземную скверну можно смыть только кровью — кровью самих иноземцев и тех предателей, которые допустили оквернение страны. Под его руководством Симпурэн вполне традиционен — сверхась с гаданиями — начал готовиться к вооруженному выступлению.

Последним толчком к восстанию стало запрещение ношения мечей. Члены Союза Божественного Ветра искренне верили, что меч — это душа самурая, и что ношение мечей — священный обычай, без которого жизнь вообще не имеет смысла. Они были убеждены, что, встав на защиту самурайских святых, смогут вовлечь в борьбу тысячи отважных воинов со всей страны, и что именно в этом заключается их священный долг. Долг, который непременно нужно исполнить, даже если ради этого придется сложить голову, не добившись победы...

Определив с помощью гаданий удачный день для выступления, лидеры Симпурэн начали переговоры

¹ Мещеряков А. Н. Указ. соч., с. 344.

² Vlastos, Stephen. Указ. соч., с. 391—392.

Отагуро Томоо

с единомышленниками из Акицукки, Сага, Фукуока, Фурудзаки и Симабара, чтобы скоординировать свое восстание с восстаниями в соседних префектурах. Кое с кем — хотя и не со всеми — договориться удалось. Впрочем, вожди Союза Божественного Ветра больше доверяли мудрости богов, чем преимуществу скоординированных действий.

Вновь испросив оракул, Отагуро перенес начало восстания на 24 октября — на несколько дней раньше намеченного срока, не оставив, таким образом, своим союзникам из Акицукки и Тёсю времени для подготовки... Прогнозировал он и возможность объединиться с Гаккогэ — конкурирующей консервативной группировкой самураев, которая также замышляла свержение токийского правительства.

Ночью 24 октября 1876 года около 200 бойцов Симпурэн, облаченных в старинные доспехи и шлемы, вооруженные мечами и копьями внезапно атаковали казармы правительственного гарнизона в замке Кумамото, телеграф и управление префектуры. В постелях и на полу были убиты около 60 человек. Убиты «настолько» самурайским холодным оружием — от применения «варварского» огнестрельного оружия фанатики отказались по идеологическим причинам. Это во многом предопределило исход всего дела: когда гарнизон, имевший к тому же численное превосходство, перешел в контратаку, мечи оказались бессильны против винтовок. Отагуро и большинство его сподвижников распоролы животы, чтобы

не попасть в плен. То же самое чуть позже пришлось сделать и самураям из Акицукки и Хаги, выступления которых были также эффективно и быстро подавлены¹.

Юго-западная война 1877 года

Крупнейшим самурайским восстанием явилось восстание 1877 года в Сацума, которое японские историки вполне справедливо называют Юго-западной войной (Сэйнан сэнсо). В ходе этой войны сацумская армия под командованием Сайго Такамори сражалась против правительственных войск на протяжении целых семи месяцев. И хотя театр боевых действий был ограничен лишь южной частью острова Кюсю, размахом и интенсивностью они превзошли сражения войны за Реставрацию.

Как уже говорилась, лидер «партии войны» Сайго Такамори покинул Госсовет и сложил свои полномочия главнокомандующего сразу же после того, как его предложение начать вооруженную интервенцию в Корею было отклонено. Сайго понимал, что в создавшихся условиях он не сможет серьезно влиять на политический курс правительства. Более того, если бы он остался во власти, то ему пришлось бы смириться с этим курсом, явно направленным на ослабление позиций самураев. Сайго был разочарован притворством, продажностью и тщеславием многих коллег, взбешен тактикой, к которой прибегли Ивакура Томоми и Окубо Тосимити.

Уйдя в отставку в 1874 году, Сайго немедленно вернулся в Кагосима. Он неоднократно заявлял, что не желает более иметь отношения к политике. Он отказался поддерживать и восстание под руководством Это Симпэй, и кампанию Итагаки Тайкэ за создание национальной выборной ассамблеи. Но лидер такого масштаба едва ли мог расценивать провезти остаток жизни на тихой ферме. Как только о разрыве Сайго с правительством стало известно, большая группа офицеров и солдат императорской

гвардии собрала свое оружие и отправилась напрямую в Кагосима. Вскоре к ним присоединилось более трехсот полицейских из числа сацумских самураев. Причем все они преданно проитнорировали императорский приказ не покидать расположения частей. Эти люди, бесконечно преданные своему вождю, могли составить ядро его личной армии, готовой пойти за ним и в огонь, и в воду. Вопрос заключался только в том, куда именно их поведет Сайго.

Сайго не призывал своих сторонников дезертировать. И, вполне возможно, он был больше напуган, чем обрадован их поступком. Тем не менее, через полгода после возвращения в Сацума Сайго приступил к созданию системы «частных школ» (*сигако*) — фактически военных училищ, призванных воспитывать «настоящих» самураев, которые должны были составить ядро будущей армии для завоевательных походов за границу.

Первыми были открыты пехотная и артиллерийская школы. Большинство преподавателей и курсантов в них составили бывшие офицеры и солдаты императорской гвардии. Программа предусматривала изучение и таких академических предметов, как китайская классика, но главное место в распорядке дня школ занимали физические упражнения, боевые искусства¹, тактика, строевые приемы и маневры на территории, подаренной школам префектурой. В школах преподавали как японские, так и европейские специалисты военного дела, а лучших учеников даже отправляли на учебу в страны Европы. К 1876 году отделения школ были открыты во всех районах префектуры, чтобы в них могли проходить обучение сельские самураи *госи*. Обстановка в Кагосима была таковой, что посещение *сигако* стало практически обязательным для всех мужчин призывных возрастов.

Княжество Сацума традиционно было одним из самых милитаризованных. Здесь были особенно сильны

¹ Мещеряков А. Н. Указ. соч., с. 342—345.

¹ Дрезгер Д. Указ. соч., с. 35.

самурайские традиции, было особенно много самураев — около 25% от всего населения (включая членов семей; в других княжествах — 5—10%)¹. Принадлежа к классу *тодзама*, с самого начала эпохи Токугава князь Симадзу жили в постоянном страхе, что сёгун припомнит им былые обиды и двинет свою армию на Сацума. Сдавётся без боя Симадзу не желали и изо всех сил готовились к обороне: тайно закупали вооружения, рекрутировали выдающихся мастеров меча, покровительствовали боевым искусствам, но главное — создали многочисленный слой *госи*.

Госи жили в деревнях и владели значительными земельными участками, которые обрабатывали сами или с привлечением наемных работников. Если в других княжествах *госи* утратили свой самурайский статус еще в начале эпохи Токугава и влились в слой богатых крестьян (*gono*), то в Сацума *госи* до самого конца эпохи сохранили принадлежность к самурайскому сословию. В деревнях они выступали в качестве местных управлющих — уездных чиновников, полицейских или, чаще всего, деревенских старейшин. Такие старейшины управляли деревушками, насчитывавшими до двадцати хозяйств. Если в других районах Японии деревни обладали значительной автономией, а земля находилась в наследственной собственности обрабатывавших ее крестьян, то в Сацума старейшины-*госи* непосредственно управляли деревенской экономикой, обращаясь с крестьянами, как с арендаторами. Они имели власть передавать земли крестьянам и регулировать норму налогообложения год от года, чтобы изымать у крестьян все излишки, оставляя лишь необходимый для пропитания минимум.

В обмен на освобождение от всех налогов, *госи* были обязаны нести военную службу и поддерживать порядок

¹ Мещеряков А. Н. Указ. соч., с. 354. Тома Ситаки приводит еще более впечатляющие цифры: в 1871 году в княжестве Сацума самурайство составляло 30,19% всего населения — в 5 раз выше среднего процента во всей Японии.

в селениях, что и делали весьма успешно, пресекая на корню малейшие попытки бунта. Известно, что за все два столетия правления Токугава в Сацума произошло всего два незначительных по масштабу крестьянских выступлений¹.

Мэйдзийские реформы нанесли удар в самое сердце привилегий *госи*. Подобно городским самураям, они считали себя элитой общества, людьми более высокого статуса. И теперь они, вероятно, особенно остро ощутили утрату таких символов их элитного статуса, как право носить мечи. Кроме того, закон о пересмотре земельного налога 1873 года создал прямую угрозу их социальному и экономическому влиянию в деревне. Подтвердив право собственности крестьян на землю и введя налогообложение индивидуальных собственников, этот закон уничижил роль сацумских *госи* как мелких феодалов. Не удивительно, что они хлынули в отделения *сигаки*, а позднее влились в митежную армию Сайго.

Успех *сигаки* в значительной мере был связан с патронажем Сайго Такамоори, который выделял средства на их содержание из своего внутреннего жалования, которое он по-прежнему получал от правительства. Этот харизматический лидер, имевший едва ли не официальный статус «отца» Реставрации Мэйдзи, пользовался огромным влиянием у сацумских самураев — влиянием, которое только возросло благодаря его уходу из правительства. Не менее важной была и поддержка со стороны местных правительственных чиновников. В частности, губернатор Ояма Цунаёси, являясь близким другом Сайго и находя развитие *сигаки* благим делом, платил их преподавателям жалованье из фондов префектуры, кормил учащихся и даже закупал на казенные деньги «учебные пособия» — образцы различных вооружений и боеприпасы. Директора школ числились служащими администрации префектуры, а многие выпускники

¹ Тома Сигэки. Указ. соч., с. 60.

распределались на низовые должности в административном аппарате. В результате уже вскоре весь этот аппарат в Сацума оказался укрупнлёгкован потомками системы *сигако* и старшими чиновниками, которые симпатизировали антиправительственному движению.

Влияние центрального правительства на положение в Кагосима неуклонно слабело. Сацумские чиновники открыто критиковали его и не менее открыто не исполняли его директивы. Так, губернатор Ояма проигнорировал указания министерства финансов о том, что пенсии самураям должны выплачиваться преимущественно наличными, а не рисом, отказался ввести добавочный налог на доходы *сидзоку*. Выступая против обязательного начального образования для всех граждан и прогрессивной шкалы земельного налога, он отказался исполнять соответствующие законы. Но самым вопиющим, конечно же, было использование *сигако* для рекрутирования, оснащения и подготовки армии, враждебной центральному правительству.

Общее число «слушателей» «частных школ» составляло около 13 тысяч человек. Хотя они никогда не ставили цели свержения императора, они искренне верили, что Мэйзи окружен людьми неправедными, которые должны быть отстранены от власти, дабы не мешали «правильному» развитию страны.

Сведения о бурном развитии системы *сигако* и о той пропаганде, которая велась в них, не могли не тревожить правительство. Однако вплоть до конца 1876 года оно не предпринимало никаких мер, отчасти, видимо, потому, что просто не хотело замечать того, что происходило на самом деле. Тем более что чиновники префектуры, которые полностью симпатизировали движению *сигако*, не информировали правительство об антиправительственных настроениях учащихся и преподавателей. Более того, Окубо Тосимити и другие представители Сацума в правительстве не верили, что Сайто и другие

представители их клана способны к подстрекательству на бунт. Даже в ноябре 1876 года Окубо утверждал, что отказ Сайто поддерживать выступление Симпурэн, восстания в Акицукки и Хаги является достояточным доказательством его верности режиму. Он полагал, что до тех пор, пока в Кагосима командует Сайто, Сацума не поднимется на восстание. Однако Окубо жестоко ошибался: Сайто всё же возглавил восстание против правительства.

В конце 1876 года в Кагосима для проверки тревожной информации была послана группа тайных агентов с заданием проникнуть в *сигако*. По-видимому, им было поручено собирать сведения, сеять разлад среди учащихся и иными способами подрывать движение. Однако через несколько недель шпионы были раскрыты, и один из них под пытками показал, что агенты готовили покушение на обожаемого сацумскими самураями Сайто Такамори. Это вымученное признание было единственным доказательством существования плана покушения, но оно явилось последней каплей, переполнившей чашу терпения самураев. Они взялись за оружие, решив, что их вождю, которого они уже воспринимали как своего подлинного созерена, угрожает опасность. Да и сам Сайто, похоже, поверил в те «факты», которые были ему доложены.

В условиях резкого обострения ситуации в Сацума правительственные чиновники попытались в экстренном порядке вывезти оружие из арсенала Кагосима. Чтобы осуществить эту операцию скрытно, был нанят торговый пароход с гражданским экипажем, однако «курсанты» раскрыли обман. Не поставив Сайто в известность, они ворвались в арсенал, воспрепятствовали экипажу парохода в погрузке вооружений на борт. При этом местная полиция не сделала ни малейшей попытки помешать бунтовщикам, и в итоге всё оружие и боеприпасы оказались в руках сторонников Сайто, которые не были ретроградами, вроде членов Симпурэн, и не чурались

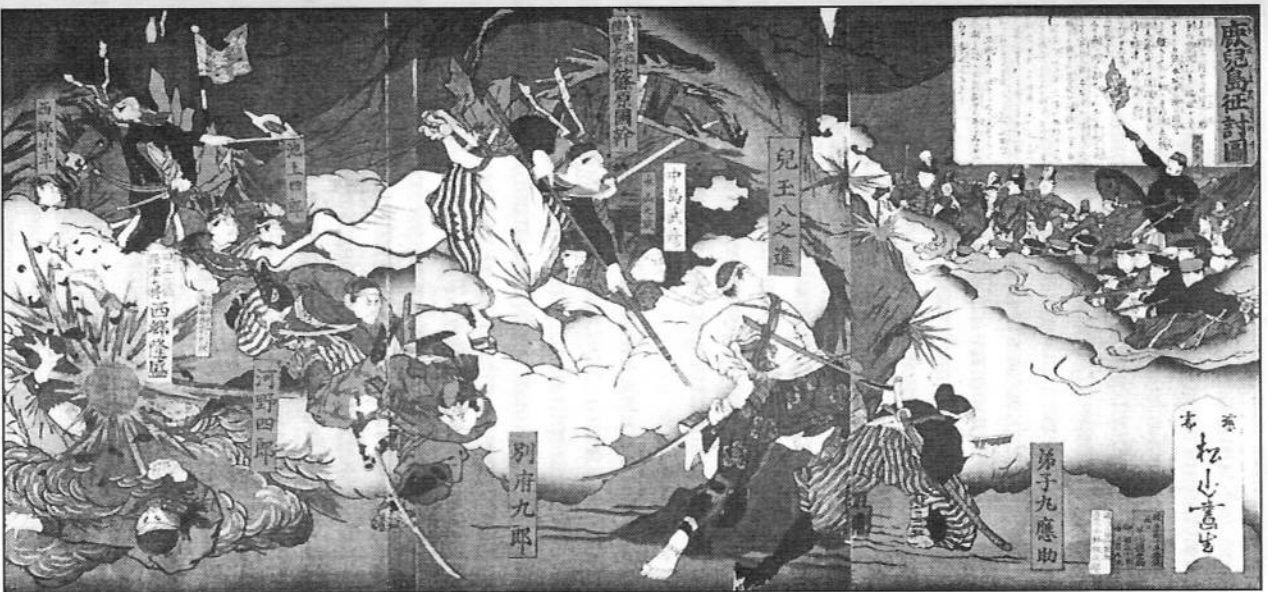
брат в руки винтовки. Капитан парохода немедленно вышел в море и, добравшись до Кубе, телеграфировал правительству о случившемся.

Узнав об атаке арсенала, Сайто был взбешен необходимыми и не согласованными с ним действиями курсантов, но, оценив ситуацию, собрал своих командиров и приказал им готовиться к войне, объявив, что они обязаны закончить с правящей олигархией во главе с двудичным Окубо. О свержении императора речь не шла — Сайто стремился сохранить хотя бы видимость легитимности своих действий.

Использование системы *сизакко* позволило произвести быстро мобилизацию. Уже к концу первой недели декабря 1876 года вооруженные «курсанты» начали собираться в Кагосима. За неделю был сформирован авангард и Первая дивизия в составе 4000 бойцов. Ядро сацумской армии составили 6 пехотных полков, каждый — из 2000 человек, плюс артиллерия и арьергард, всего около 15 тысяч бойцов.

Один европейский корреспондент так описывал эту армию: «Лишь часть солдат Сайто была вооружена винтовками. Большинство же были экипированы острейшими двуручными мечами, оставшимися от феодальных времен, а также ножами и копьями. Похоже, все они верили, что благородные самураи смогут быстро сойтись в рукопашной с простолюдными и моментально обработать их в беспорядочное бегство, даже несмотря на то, что эти простолюдны вооружены винтовками со штыками. Сообщают даже, что коварный Сайто приказывал своим солдатам не убивать несчастных плбеев из правительственной армии, но поддубать им ноги, чтобы выводить их из строя, одновременно вынуждая пару их здоровых товарищей выносить раненого с поля боя, и тем самым лишая вражеские силы не одного бойца, а сразу трех»¹.

¹ Цит. по: Turbull, Stephen. The Samurai Swordsman. Tuttle Publishing, 2008, с. 194.

Усмирение Кагосима (худ. Мацуяма)

Перед отбытием Сайто и его ближайшие помощники Синохара и Кирино 9 февраля 1877 года официально уведомили губернатора Ояма, что «вскоре покинут префектуру», взяв с собой «часть прежних войск», и направятся в Токио, чтобы провести расследование истинных обстоятельств готовившегося против Сайто покушения. При этом Сайто и его командиры облачились в старую униформу императорской армии, а Сайто отдавал приказы как главнокомандующий. Поняв, что Сайто даже отказывался принимать в свое войско добровольцев из соседних префектур, чтобы избежать обвинений в создании антиправительственной коалиции.

20 февраля сацумская армия вступила в префектуру Хито. Разбив заслон, высланный гарнизоном Кумамото — главного оплота правительства на юге Кюсю, самураи вступили в город и окружили старый княжеский замок, где теперь находились казармы правительственных войск.

Когда сацумская армия встала лагерем у стен замка Кумамото, в нее начали вливаться местные самураи. По сути, это был первый случай, когда наследным войнам в какой-то степени удалось преодолеть прежнюю клановую разобщенность. Главную роль в этом, видимо, сыграла личность Сайто Такамори — героя войны за Реставрацию и верного поборника интересов самурайства, который даже теперь, возглавив антиправительственное восстание, демонстрировал нерушимую преданность императору. Тем не менее, даже на пике восстания мятежная армия насчитывала не более 22 000 бойцов¹.

Когда последняя попытка утихомирить Сайто с помощью увещеваний окончилась провалом, правительство мобилизовало 3000 солдат из токийского гарнизона были немедленно переброшены морем в Коба, а гарнизоны из Осака и Хиросима двинулись напрямиком

в Фукуока, что на севере Кюсю. Спешно формируемую армию возглавил принц Арисугава, но реальное управление ею взял Ямагата Аритомо. Он немедленно выслал две дивизии на встречу сацумской армии, чтобы воспрепятствовать ее продвижению на север.

Тем временем Сайто Такамори одну за другой совершил стратегические и тактические ошибки, во многом предопределившие его поражение.

Во-первых, Сайто видел в составе своей армии только самураев и не пытался привлечь на свою сторону другие недовольные политикой правительства слои населения. Когда сацумская армия осадил замок Кумамото, местные крестьяне начали промывать дома и другую собственность местных помещиков и земладельцев. Хотя Сайто не сделал ничего, что могло бы подтолкнуть крестьян к таким действиям, очевидно, они восприняли его войско как силу, вставшую на защиту всех обездоленных в борьбе с богачами, которых — по их мнению — и защищали правительственные войска. Среди крестьян поплзли слухи, что Сайто собирается отменить введенный правительством тяжелейший земельный налог и простить все долги. Исполнившись энтузиазма, эти крестьяне были готовы встать под знамена Сайто, но последний видел в них только источник провианта, рабочей силы и тяглого скота. Более того, сацумцы обратились с местными крестьянами так грубо и бесчеловечно, что очень быстро отношение к ним стало крайне враждебным.

Во-вторых, Сайто не сумел слотить на борьбу с правительством все самурайство. Хотя десятки тысяч самураев по всей стране были крайне недовольны своим положением и политикой правительства, для большинства из них Сайто так и остался всего лишь мятежным полководцем из ненавистного сацумского клана, выходящий из которого захватили все ключевые посты в правительстве, во флоте, в полиции, закрывая дорогу к власти представителям других княжеств.

¹ *Ulastov, Stephen.* Указ. соч., с. 399. Некоторые авторы называют иную цифру: 30 000 человек. См.: *Мещеряков А. Н.* Указ. соч., с. 357.

Наконец, грубейшей ошибкой Сайго явилась затянувшаяся осада замка Кумамото. Вопреки его расчетам, обе попытки штурма замка с его массивными стенами и пятью десятками башен, несмотря на применение артиллерии и подавляющее превосходство атакующих, окончились неудачей. Сацумцы были вынуждены перейти к осаде. Потратив на нее 54 дня и ничего не добившись, Сайго продемонстрировал всем, что у него самого нет никакого стратегического плана на кампанию. Одновременно он предоставил правительству достаточно времени, чтобы собраться с силами и нанести ответный удар.

А между тем, в силу изначального стратегического преимущества правительственной армии Сайго едва ли приходилось рассчитывать на победу в затяжной войне. Единственной надеждой на успех было быстрое наступление и соединение с союзниками, прежде чем правительство успеет мобилизовать войска. Если бы Сайго не засгряд у стен замка Кумамото, а двинулся прямо на Фукуока и перенес восстание на север Кюсю, то к его армии могли бы присоединиться другие группы недовольных самураев. И можно только гадать, как долго смог бы оставаться в стороне другой лидер оппозиционеров — Итагаки Тайска и его сторонники, если бы армия Сайго пересекла Внутреннее Японское море и высадилась на острове Хонсю. Так или иначе, время было решающим фактором. И Сайго, утратив наступательную инициативу, потерял свой единственный шанс на успех — всеобщее восстание *сидзюку* против токийского правительства.

Впрочем, по мнению историков, поражение восстания было неизбежно. Оно определялось слишком узкой политической и социальной базой восстания. Хотя Сайго и его соратникам и удалось превратить Сацума в бастион контрреволюции, высокий уровень мобилизации контрреволюционных сил там в период 1874—1877 годов определялся совокупностью уникальных факторов: высоким

Атака при Такасэгути (худ. Эйтаку)

процентным соотношением самурайского населения, на личном многочисленном слое *госи*, практически полной автономией от центральной власти, одобрением и поддержкой со стороны властей префектуры, личным авторитетом Сайто Такамоори. Таких условий больше не было ни где, и княжество Сацума закономерно оказалось в изоляции. В действительности, его сила одновременно была и его слабостью, поскольку узко-местнические традиции верности своему клану препятствовали созданию обширных альянсов. По всей видимости, сам Сайто не осознавал этого. Именно поэтому с момента его возвращения в Кагосима осенью 1873 года до нападения на гарнизон Кумамото в феврале 1877 года антиправительственная армия создавалась на базе одной-единственной префектуры, без каких-либо попыток установить связи с другими организациями *сидзюку* за пределами Сацума, разделившими сходные цели и идеи. Более того, Сайто упорно держался в стороне, даже когда осенью 1876 года мятеж подняли недовольные самураи в соседней префектуре Кумамото, в Акицукки и Хаги. Когда же Сайто сам выступил против режима и стал рассылать своих эмиссаров в поисках союзников, оптимальный момент для всеобщего восстания самураев уже был упущен. Потенциальные союзники израсходовали силы в мелких самоубийственных бунтах. Несмотря на территориально близость, сходные беды и общего врага, мятежные самураи оказались не способны к согласованным действиям; изолированные и рассеянные, они были разбиты по одиночке.

Правительство не только мобилизовало части постоянной армии и резерв. Оно сумело призвать на службу тысячи добровольцев из числа *сидзюку*, сформировав из них вспомогательные «полицейские» отряды. Свежие части подошли к каждому дню. Наконец, собравшись с силами, прекрасно оснащенная императорская армия перешла в контрнаступление. В результате ожесточенных боев, в ходе которых город Кумамото был выжжен

до дна, правительственные войска переломили ход кампании. 20 марта 1877 года они овладели стратегически перевалом Тахарадазака и вынудили войска Сайто Такамоори отойти. Мятежники совершили организованное отступление на новую линию обороны, которую правительственные войска штурмовали в течение двух следующих недель, в то время как свежие части подошли к Кумамото с юга. Под угрозой окружения и полного уничтожения Сайто был вынужден снять осаду с замка и начать отступление на Кагосима.

Хотя сацумская армия еще не была разбита, восстание уже явно провалилось. Теперь правительство полностью контролировало ситуацию на севере и в центральной части Кюсю, отрезав мятежников от потенциальных союзников. К этому времени большинство боеспособных самураев из Сацума уже были призваны в армию, и Сайто под страхом смертной казни начал мобилизовать крестьян и даже осужденных уголовников, которые вове не горели желанием сражаться за интересы самураев и сложить буйные головы ради «великого дела». Сайто и остатки его армии продолжали драться все лето, но это уже была агония. К сентябрю под командой у Сайто осталось всего несколько сотен бойцов.

23 сентября 1877 года остатки войска Сайто столкнулись с многократно превосходящими силами правительственных войск на холмах к северу от Кагосима. К этому моменту из всей его армии с Сайто остались лишь 40 верных сподвижников. Безвыходность ситуации была очевидна для всех. Ямагата Аритомо на правах старшего друга направил Сайто личное послание с просьбой капитулировать, но это предложение было решительно отвергнуто. На следующий день правительственные войска начали последнюю атаку. Большинство мятежников были убиты, и Сайто Такамоори, понимая бессмысленность дальнейшего сопротивления, поклонился в сторону императорского двора в знак своей нерушимой верности

Мэйдзи и вспорол себе живот. Его *кайсэку* — помощник по *харакюри* Ваппу Синска недрогнувшей рукой срубил ему голову и схоронил ее. Через несколько минут он сам пал, сраженный пулей. Так закончилось последнее и самое масштабное из всех антиправительственных восстаний самураев¹.

Чтобы разгромить многочисленную и хорошо обученную матежнкую армию, правительству пришлось мобилизовать всю постоянную армию и резерв, а также нанять на службу 7000 *сидзоку* в качестве вспомогательных полицейских частей. Победа дала императорской армии дорожной ценой: из 65 000 солдат, участвовавших в подавлении матежа, 6000 были убиты, 10 000 получили ранения. На войну ушло 80 % годового бюджета страны! Бунтовщики же потеряли убитыми и ранеными 18 000 человек. Но, какую бы дорожную цену правительству ни пришлось заплатить, оно могло быть вполне удовлетворено исходом войны.

Во-первых, успешные действия императорской армии укрепили веру правительства в правоту его курса на введение всеобщей воинской обязанности. Примерно две трети гарнизона Кумамото составляли призывники. Несмотря на огромное численное превосходство противника и нехватку припасов, они выдержали 54 дня осады, сорвав продвижение армии Сайто на север Кюсю. Правда, утверждать, что призывники из простоголюдинов оказались лучшими солдатами, чем самураи, было бы неверно, потому что и в правительственной армии большинство солдат также принадлежали к сословию *сидзоку*. При этом в самых ожесточенных боях сацумским самураям противостояли именно императорская гвардия и вспомогательные «Полицейские» части, полностью укомплектованные экс-самураями. Тем не менее, общая эффективность, продемонстрированная правительством

в ходе войны, наглядно продемонстрировала преимущество модернизации армии и особенно централизованного командования и общей воинской обязанности.

Уже через три недели после начала боев армия Сайто имела дело с превосходящими и лучше оснащенными силами противника. Начитывая в начале войны 33 000 человек, к концу ее правительственная армия пошла под ружье еще 32 000 бойцов. Причем эта армия была прекрасно оснащена и бесперебойно снабжалась вооружениями и боеприпасами, тогда как матежники на протяжении всей войны испытывали нехватку винтовок и патронов. Захват арсенала в Катосима обеспечил им первоначальный запас ружей и пороха, но когда сацумская армия выступила в поход, каждый солдат имел с собой только 100 пуль — запас на два, максимум три дня боев. Матежники предприняли попытки закупить вооружения за рубежом, но они не увенчались успехом. И даже если бы им удалось заключить договор о поставке оружия, они едва ли смогли бы доставить его в Катосима, поскольку императорский флот господствовал на море. Наконец, в апреле 1877 года правительственные войска заняли Катосиму, отрезав матежную армию от поставок оружия, которое провоздвиглось в городе.

Во-вторых, истребление сацумской армии уничтожило единственную реальную силу в стане *сидзоку*, которая могла представлять угрозу для мэйдзийского режима. В этом смысле очень точную оценку значения Юго-Западной войны дал в 1882 году Отец Николай (будущий Святой Николай Японский): «...За ним (за Сайто Такамоори — *прим. авт.*) есть полза... это — кровопускание, через которое избыток беспокойных сил Японии испарился; Сайто — ланцет, который была пущена кровью Японии; жаль только что с застарелю — дрянной кровью самурайщины вытекло много свежей и питательной»¹.

¹ *Ulastos, Stephen.* Указ. соч., с. 393—398; *Мещеряков А. Н.* Указ. соч., с. 353—360.

¹ Дневники Святого Николая Японского. СПб., «Гиперион», 2004, т. 2, с. 146.

Движение за свободу и народные права

В отличие от Эго Симпэй и Сайто Такамоори, двое других членов Государственного совета, ушедших в отставку осенью 1873 года, лидеры фракции Тоса Итагаки Тайскэ и Гото Сёдзиро отвергли путь вооруженного восстания. Учредив Айкокуто — «Партию патриотов», 17 января 1874 года они направили правительству записку с предложением учредить выборное национальное собрание.

Записка была полна критики. Авторы возмущались тем, что выходцы из Сацума и Тёсю узурпировали власть, полностью отстранив от принятия решений императора, и «народ» — точно так же, как это было во времена ненавистного сёгуната Токугава. Обвиняли правительство в непоследовательности и неправильных действиях. Правда, пример таких действий приводился только один — отказ от военной экспедиции в Корею. Возможность исправления ситуации критики видели в публичном обсуждении проблем и в создании представительной власти в виде выборного национального собрания.

Правительство решительно отвергло предложения Айкокуто. Нет, в принципе идея представительной власти в той или иной форме разделяли многие его члены. Но большинство всё же считало, что народ, в силу «невежества» еще не готов подлечь представительной орган власти. В итоге часть разочарованных подписантов послания правительству выбрала путь вооруженного восстания, а Итагаки и Гото начали создавать массовое политическое движение, чтобы добиваться своих целей мирным путем.

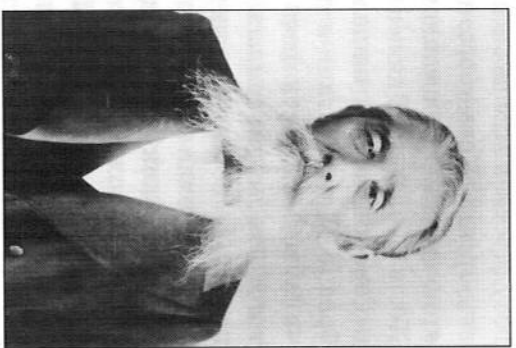
Это движение вошло в историю под названием «Дзю Минкэн ундо» — «Движение за свободу и народные права». С момента основания в течение примерно полтора десятилетия его противостояние официальному курсу правительства составляло главную интригу внутрисполитической жизни Японии.

Выдвигая идеи свободы, равенства, права выбирать

правительственных чиновников всех уровней, Дзю Минкэн ундо смогло вовлечь представителей различных слоев. В разные периоды своей истории оно объединяло бывших вождей борьбы за Реставрацию и интеллигентов, жителей городов и деревень, оппозиционно настроенных сидзюку и состоятельных простодюдинов, а также радикалов, склонных к терроризму, и разорившихся крестьян — всех, кто по тем или иным причинам выступал против правящего олигархического режима. Дзю минкэн ундо явилось в истории Японии первым действительно массовым политическим движением, которое основывалось не только на личной преданности вождю, но и на определенных идеях. Правда, личная преданность и харизма и в нем играли немаловажную роль: популярность Движения в незначительной степени способствовала фигура Итагаки Тайскэ, второго по значимости из героев войны за Реставрацию, после Сайто Такамоори.

Движение за свободу и народные права отражало

недовольство различных слоев населения, от высшего дворянства до крестьян, но ядро его составили сидзюку. Поэтому либеральные идеи в Дзю минкэн ундо оказались тесно переплетены с традиционными ценностями и представлениями самурайства. Так, будущее государственное устройство первоначально мыслилось идеологами Движения, по сути, как союз княжеств, хотя и при внесении элементов публичного обсуждения

Итагаки Тайскэ

государственных дел в предполагаемом представительном органе. Кроме того, идеи японских либералов имели ярко выраженную националистическую составляющую. Хотя название Движения звучало как гимн свободе и народовластью, на деле «свобода» понималась своеобразно. Для Итагаки и его соратников «свобода» означала возможность быть услышанными властью ради того, чтобы укрепилась национальная мощь. Именно на этом, а вовсе не на ценности индивидуальных свобод и прав сделали акцент в своем знаменитом обращении вожди Айкоккуто. А национальная мощь была нужна для скорейшего пересмотра неравноправных договоров, проведения агрессивной политики в Азии, в первую очередь — для покорения Кореи, разрешения территориальных споров с Россией на выгодных для Японии условиях...

Не встретив поддержки в правительстве, Итагаки вернулся на родину, в Тоса. Там он открыл частную школу и на ее базе основал Общество по определению целей (Риссися). Оно состояло, в основном, из местных самураев, выступало за самоуправление, учреждение национального собрания и равенство всех сословий.

Публикация обращения Итагаки и его единомышленников в прессе вызвала широкую дискуссию и способствовала пробуждению политического сознания населения страны. Как в городе, так и в деревне начали создаваться различные политические общества, которые пропагандировали необходимость защиты прав народа и распространения просвещения. Руководители Риссися начали рассылать эмиссаров, призывая все либерально настроенные оппозиционные группы объединить усилия ради общей цели. В результате в феврале 1875 года в Осаке было учреждено Общество патриотов (Айкоккуся), которое на несколько лет стало руководящим центром Движения за свободу и народные права.

В ответ на активность оппозиционеров правительство усилило контроль над прессой, ввело предварительную цензуру всех публикаций, начало штрафовать и заключать в тюрьмы издателей, журналистов и политических активистов. Одновременно принимались меры, чтобы снизить накал противостояния. Так, в 1876 году был создан совет губернаторов префектур, который должен был выполнять роль форума для обсуждения насущных проблем. Правительство пригласило Итагаки и других видных оппозиционеров вернуться в его ряды в качестве советников. Впрочем, никакой перемены магистрального курса не последовало, и Итагаки вскоре вновь покинул правительство. Более того, некоторые его соратники, разочаровавшись в возможности договориться с олигархией, поддержали сацумское восстание.

В дальнейшем Движение за свободу и народные права, отрываясь от своих самурайских корней, постепенно приобретало всё больший размах, смыкаясь с крестьянскими выступлениями на левом фланге и с частью не связанной с правительственными кругами буржуазии — на правом. В 1878 году состоялся восстановительный съезд Айкоккуся, который вновь выказался за необходимость учреждения парламента.

Встревоженное правительство в спешном порядке приняло закон о создании выборных собраний в префектурах, в чью компетенцию входило исчисление местных налогов и составление бюджета. Однако эти наметившиеся компромиссные действия власти были прерваны убийством в 1878 году самурайскими оппозиционерами фактического главы правительства Окубо Тосимити, что привело к усилению репрессий против всех оппозиционных сил.

На последующих съездах Айкоккуся наметился раскол. Одна часть членов склонялась к радикальным действиям и организации всенародного восстания, вторая, более многочисленная, призывала обрушить на правительство

петиции. В марте 1880 года Айкоккуся было преобразовано в Ассоциацию за создание парламента (Коккай кисэй домэйкай), обозначив таким образом свою главную цель. На съезде на имя правительства была составлена соответствующая петиция, но власти отказались принять ее. По их распоряжению съезд был закрыт, а уже в апреле был введен в действие закон о контроле за собраниями и организациями. Он представлял собой детально разработанную систему всевозможных ограничений свободы. Петиции представлялись практически неограниченные права: «Поліцейские чины могут распустить собрание, если отсутствует свидетельство о его официальном разрешении; если доклады или дискуссии выходят за пределы тем, указанных в представленной информации; если ораторы обнаруживают тенденцию склонять или подстрекают аудиторию к преступлению или нарушению закона; если те, кому из-за их положения запрещено присутствовать на подобных собраниях, не подчиняются приказу покинуть его».

Несмотря на подобные запретительные меры, Дзюю Минкэн унао продолжало набирать силу. Петиционное движение за создание парламента приобрело колоссальный размах. Лишь на протяжении 1880 года в нем приняли участие 240 тысяч человек.

Власти разгоняли митинги, собрания, арестовывали их участников, закрывали газеты и журналы. Подобные репрессивные действия правительства имели двоякий результат: был несколько сдержан рост Дзюю минкэн ундо в крупных городах, но зато движение активизировалось в сельской местности. В ноябре 1880 года на втором съезде Ассоциации была принята резолюция, отразившая изменения в характере Движения за свободу и народные права, — определенным образом отход от петиционного движения и смещение в сторону радикализма. «Прежнее обращение к правительству о создании парламента не дали никаких результатов. Вновь обращаясь к нему

бесполезно. Теперь народ должен силой добиться парламента и конституции», — говорилось в ней¹.

29 октября 1881 года была образована Либеральная партия (Дзююто) — первая настоящая политическая партия — под председательством Итагаки Тайска. В это время правительство находилось в тяжелом положении. Разоблачение правительственных планов распродажи государственных активов, собранных для колонизации Хоккайдо, вызвало целую волну недовольства и череду отставок высокопоставленных членов военного руководства. Члены правительства, не являвшиеся выходцами из Сацума или Тёсю, активизировали борьбу против их более влиятельных коллег. Недовольство затронуло и придворных, имевших почти неограниченный доступ к императору. Когда роптание достигло весьма серьезного масштабов, министр финансов Окума Сигэнобу напрямую обратился ко двору с предложением как можно скорее учредить парламент, которому правительство было бы подотчетно. За эту «выходку» Окума пришлось уйти в отставку, но власти всё же были вынуждены пойти на уступки.

12 ноября 1881 года был опубликован, возможно, самый важный Императорский рескрипт эпохи Мэйдзи — рескрипт об учреждении парламента. Он обязывал чиновников принять меры во исполнение императорского решения и одновременно предупредил, что всякий, кто попытается ускорить процесс и тем самым повредит великим и дальновидным планам, будет наказан. Вскоре в Европу выехала официальная делегация с поручением изучить конституции ведущих держав. В результате ее трудов в 1889 году родилась Конституция Мэйдзи, которая была введена в 1890 году и действовала вплоть до окончания второй мировой войны.

Императорский рескрипт не охладил пыл радикалов в Движении за свободу и народные права, они вели

¹ Цит. по: История Японии, с. 90.

подготовку к государственному перевороту, формировали боевые группы, подготавливали террористические акты против членов правительства. Выступления 1882—1884 годов были жестоко подавлены, а вожди Либеральной партии столь напуганы потерей контроля над радикалами, что в конце октября 1884 года объявили о самороспуске Дзюго. После введения в действие Конституции они включились в политический процесс уже в качестве кандидатов на выборные должности.

Как ни странно, на определенном этапе с Дзюно мин-кан ундю оказались тесно связаны боевые искусства. И связи эти носили сложный, многоплановый характер. Так, введение в действие закона о контроле над собраниями и организациями, резко ограничившего возможности проведения политических мероприятий и вообще публичного выражения политических взглядов, заставило активистов Движения пересмотреть методы своей работы. На смену полемике в прессе и на дискуссионных вечерах на первый план стали выдвигаться культурно-массовые мероприятия, в которых сочетались элементы публичных выступлений, дружеских посиделок и спортивных состязаний.

На таких мероприятиях, организовывавшихся сторонниками Движения, боевые искусства играли роль затравки или являлись одним из видов спортивной программы, призванным формировать боевой настрой, крепить единство рядов. Не случайно несколько шоу-трупп *будзюцу* (об этом явлении мы будем подробно говорить далее), возродившихся в конце 1870-х годов, были напрямую связаны с Дзюно мин-кан ундю. Эти труппы устраивали свои показы на собраниях сторонников Движения, что позволяло вовлекать в работу свежие силы. К примеру, Общество единения патриотов (Айкоку косинся) в префектуре Айги использовало для привлечения сторонников шоу-труппу из высококвалифицированных фехтовальщиков, в числе которых был, в частности, Синкай

Оси конца 1880-х годов. В правой руке, возможно, трость со скрывтым клинком (*сикомидзю*). Рисунок из «Фудзюку гахо» (номер от 10 августа 1892 г.). В оригинале рисунок сопровождается самурайскими стишками:

«Ни меча, ни наик не познавши,
Плечи подняв, как крылья
орлиные, гуды сжав,
Плывешь друг на друга без конца,
словно быки на слугу,
И в пыльных словах прожигают
всю жизнь...»

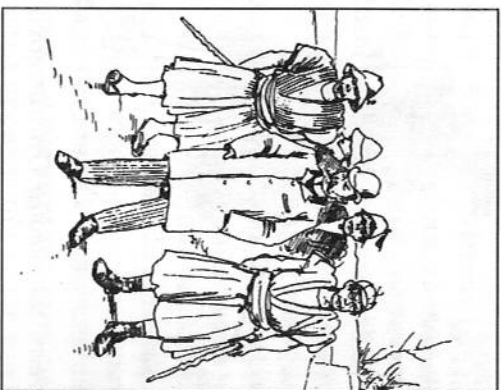
Торао, позднее — преподаватель *кэндзюцу* Столичного полицейского управления.

Упомянутое Общество единения патриотов активно вело обучение *кэндзюцу* членов своего крестьянского отделения. Многие из вступивших в это Общество тренируются в *кэндзюцу* и активно участвуют в состязаниях; в деревнях, где много членов этого общества, обязательны устраиваются тренировочные площадки (*кэйкодзё*), на них с утра до ночи собираются неогорожденные мужчины, выставляв залды, усердно упражняются под боевые крики «*Си То! Си То!*», — сообщила 7 ноября 1881 газета «*Лифу нитинити симбу*»¹.

Крестьяне — члены Общества, изучавшие *кэндзюцу* в деревенских *додзё*, периодически устраивали «*Великие полевые состязания по фехтованию*» (*Дзюнай дайгэкан-кай*). Эти состязания собирали великое множество участников — иногда в них участвовало свыше полутора тысяч человек — и еще больше зрителей, «число которых даже и неведомо — то ли несколько тысяч, то ли целых десят тысяч тысяч»². Упоминание состязаний с большим числом

¹ Цит. по: Юаса Аккура. Указ. соч., с. 309.

² «Дзюно симбу» от 26 августа 1883 г., раздел «Хроника». Цит. по: Юаса Аккура. Указ. соч., с. 309.

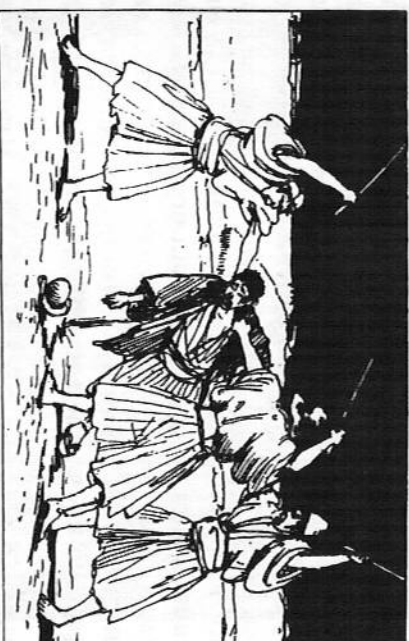
Денгитат парлажента и соси
(худ. Виго. 1890 год)

участников весьма показательно: судя по имеющимся данным, инструктора боевых искусств в ячейках Дзю минкэн уудо отлавали предпочтению не личным, а командным соревнованиям — полевым командным сражениям с использованием бамбуковых мечей и защитного снаряжения, играм типа «войны за флаг» (*хататори*) и т. д., призванным крепить спайку, чувство локтя, вырабатывать умение действовать в группе¹.

Занятия *бюдзюцу* в организациях Движения за свободу и народные права имели целью не только укрепление единства, но и подготовку так называемых *соси* — «крепких молодых», ударной силы Движения, по сути — боевиков. Влияние последних усилилось в период радикализации Движения в конце 1870-х годов и особенно после введения в 1882 году Исправленного закона о собраниях, еще более ограничившего политическую деятельность членов Дзю минкэн уудо. В это время сторонники решительных мер выдвинули и пропагандировали «теорию насилия» (*ванрёкурон*), оправдывавшую силовые методы политической борьбы. Многие активисты Дзю минкэн уудо были готовы вступить с правительством в вооруженное противоборство, и этот настрой в конечном итоге сыграл важную роль в массовых протестных выступлениях в Фукусима (1882), Кабаяма (1884), Титибу (1884) и других местах, которые были жестоко подавлены правительственными войсками.

¹ Беннет А. Указ. соч., с. 209.

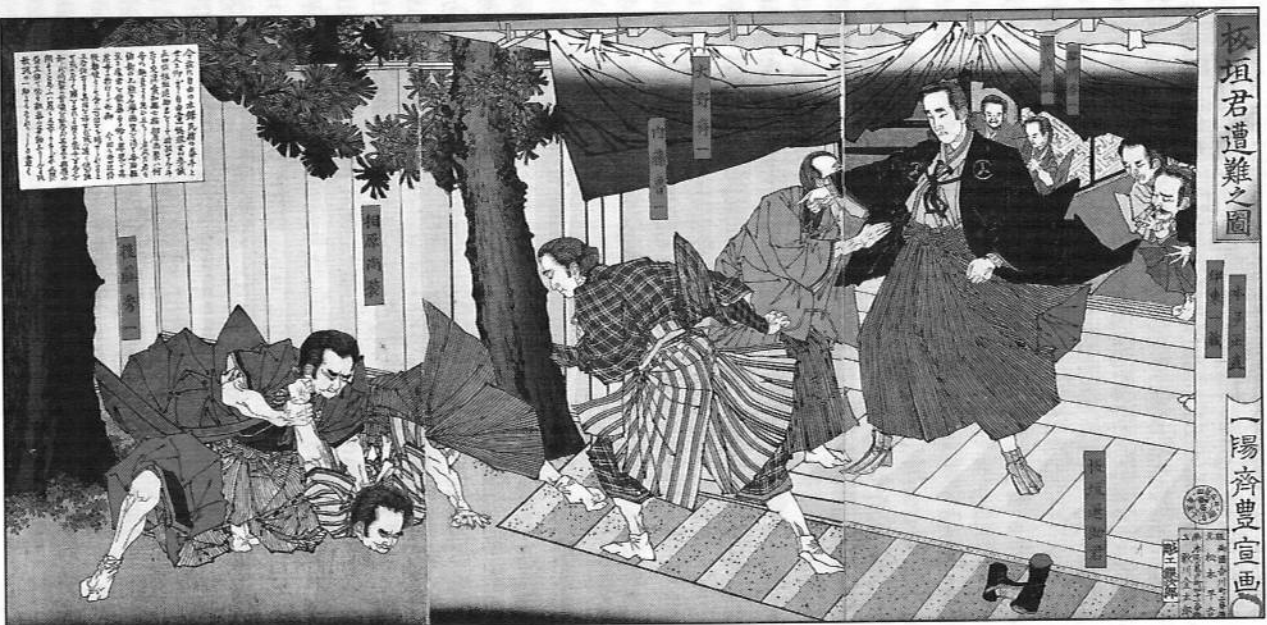
В условиях ожесточения политической борьбы лидеры Дзю минкэн уудо стремились привлечь на свою сторону энергичную молодежь, из которой формировались фактически боевые отряды. Для их подготовки многие местные организации Движения привлекали в качестве инструкторов мастеров *кэндзюцу* и других боевых искусств. Они были призваны воспитывать в *соси* революционный дух и боевой настрой и просто готовить их к столкновениям с полицией, противниками из других политических группировок.

Нападение соси на денгитата от соперничающей политической группировки (худ. Виго. 1890 год)

Вообще, политический процесс в Японии того времени протекал весьма бурно. Соборания и митинги нередко выливались в массовые столкновения, в том числе с применением холодного оружия. В стране свирепствовал терроризм, жертвами которого становились как правительственные чиновники, так и представители оппозиции. В этих условиях от владения боевыми искусствами нередко зависела сама жизнь. За примерами далеко ходить не нужно — именно навыки, полученные при изучении *дзюдо* спасли жизнь лидеру Дзю Минкан ундю Итагаки Тайскэ.

Дело было в 1882 году. Итагаки колесил по стране, вербуй сторонников и устраивая митинги. 6 апреля после выступления в городе Гифу на него бросился с ножом молодой учитель, возмущенный антиимперскими высказываниями «народного трибуна». Произошедшее в одной из газет того времени было описано так: «Вдруг выскочил какой-то верзилка. Обозвав Итагаки государственным преступником, он подскочил к нему с правой стороны и, блеснув лезвием, ткнул Итагаки ножом в грудь. Итагаки в этот момент был совершенно безоружным, у него не было с собой даже трости. В гневе он громко закричал нападающему: «Что ты делаешь?!» Итагаки сильно ударил нападающего локтем, метя в сердце, но из-за того, что вложил в удар слишком много силы, попал ему в живот. Его противник пошатнулся и отскочил назад, потом развернулся и снова бросился в атаку с фронта. Его нож летал со скоростью молнии, спена была поистине жуткая. Итагаки попытался схватить противника за запястье, но оступился и ухватил его прямо за кулак. В этот момент лезвие ножа коснулось левой стороны груди Итагаки. Развернувшись, Итагаки запитилился от этого удара. Поняв, что не достиг своей цели, нападающий отдернул нож и нанес удар по правой руке Итагаки, рана получилась глубокая — до самой кости. Итагаки пустился в ход свою левую руку, чтобы помочь правой, и так

Покушение на Итагаки Тайскэ

противостоял противнику»¹. Подскочивший на помощь Игатаки его помощник Найто Рюити сбил убийцу на землю и зафиксировал боевым приемом. Во время нападения «киглер» был вооружен ножом с лезвием в 27 см. Он нанес Игатаки семь ранений: по одному в правую и левую стороны груди, по два в правую и левую руки и одно в левую щеку, — но политик остался жив.

В контексте противостояния правительства и Движения за свободу и народные права следует рассмотреть искусство введены в конце 1870-х годов занятии боевыми искусствами в полиции, о чем подробнее будет говорить-ся далее. С одной стороны, это был симметричный ответ на радикализацию Дзюю минкэн ундо, которое старалось рекрутировать мастеров *будоцу*, недовольных политической правительством, и организовывать ширококомандное обучение членов Движения боевым искусствам. С другой, создавая посты преподавателей *кэндзюцу* и *дзюдоцу* в полицейских участках и приглашая на них известных наставников, полиция стремилась перенести их на свою сторону и так нейтрализовать возможный вред от их участия в Движении за свободу и народные права.

В одной из газет была опубликована любопытная заметка, позволяющая предполагать, что полицейские, на высоком уровне владевшие *кэндзюцу*, даже пытались проникать в организацию Дзюю минкэн ундо со шпионскими целями под видом *муса сюгэ* — традиционного «воинского искусства» для испытания себя и совершенствования мастерства. В заметке, в частности, говорится: «В Столичном полицейском управлении были отобраны трое молодых людей, достигших хороших результатов в овладении *кэндзюцу*, и отправлены в поездку по стране. О том, что такая поездка планируется, наше издание уже информировало. Теперь же, уточнив детали, мы можем

¹ Газета «Асано симбун», 18 апреля 1882 г. Цит. по: *Ямада Минору*. Сиравадзэру Нихон дзюдоэндо-но сэйкай («Неизвестный мир японского до *дзюдоцу*»). Токио, «ВАВ Дзипан сюппанкёку», 1997, с. 260.

сообщить, что двое из отобранных полицейских, господа Кавасаки Дзэндзабуро и Такахаши Кюсабуро, выехали в район Тютоку... Поскольку все трое совершают поездку, оставалась на полицейской службе, все заработанные ими в ходе поездки деньги будут пересылаться в распоряжение Столичного полицейского управления»¹.

Меры правительства и полицейского руководства по рекрутированию мастеров меча едва ли были вполне адекватными, ведь Дзюю минкэн ундо, зародившись как движение самураев, недовольных реформами, постепенно влинуло в политическую борьбу огромные людские массы, включая сельских богачев, крестьян и городскую бедноту, и превратилось в широкое движение, охватившее всю страну. В местных организациях Движения, которых насчитывалось 2055², боевыми искусствами занимались десятки тысяч молодых людей. Не вызывает сомнений, что организационная деятельность Дзюю минкэн ундо на этом направлении сыграла огромную роль в повышении массовости занятий боевыми искусствами. В значительной степени, именно благодаря ей, *будоцу* перестали быть достоянием только самурайского сословия, проникли в народную массу. На следующем этапе, когда с целью поощрения занятий традиционными боевыми искусствами была учреждена Ассоциация воинской добродетели Великой Японии (Дай Ниппон Бутюкुकай), она смогла быстро развиваться в массовую организацию, во многом благодаря тому, что поле уже было вспаханно и удобрено ячейками Движения за свободу и народные права³.

* * *

¹ Цит. по: *Беннет А.* Указ. соч., с. 210.

² *Беннет А.* Указ. соч., с. 210.

³ *Беннет А.* Указ. соч., с. 210. К сожалению, тема занятий боевыми искусствами в ячейках Дзюю минкэн ундо еще не стала объектом глубокого изучения, и мы можем указать лишь на несколько публикаций японского исследователя Юаса Акира, показавшего роль Движения за свободу и народные права в истории японских боевых искусств в эпоху Мэйдзи.

«Открытие» Японии западными державами в 1850-е годы обнажило несоответствие государственного и социального устройства Страны Восходящего Солнца угрожающим ей вызовам, ее военную слабость и неадекватность традиционных боевых искусств как средств боевой подготовки войск требованиям и задачам дня. Соответственно, основные усилия мейдзийских реформаторов были направлены на слом устаревшей феодальной системы, создание современного централизованного государства и современных вооруженных сил, организованных, вооруженных и обученных по западным образцам. Ради достижения цели — создания «богатой страны и сильной армии» (*фуюку кэхэй*) — реформаторы решились пожертвовать очень многим и пойти на огромные риски. Осознавая, что самурайство с его устаревшими традициями является серьезным тормозом в проведении реформ, в конце 1860-х — в 1870-х годах мейдзийские лидеры предприняли самые решительные шаги к ликвидации самурайства, не постеснявшись объявить его традицию никому не нужной «рухлядью» и «наследием варварства». Не найдя применения в новой армии, боевые искусства лишились теперь и всей своей социальной базы, на которой они развивались столетиями.

Широкомасштабное наступление на права, традиции и привилегии самурайства многих воинов привело в ряды антиправительственных движений. Тяжелейшим испытанием для мейдзийского режима стали самурайские восстания 1870-х годов. Приверженность их участников самурайским традициям, вкупе с элементарной недоступностью и нехваткой современных западных вооружений, вполне закономерно вынуждали их сражаться старинным самурайским оружием с применением приемов *будзюцу*. Нашли себе применение боевые искусства и в деятельности «мирного» антиправительственного движения Дзю Минкэн Ундо, первоначально

самурайского по составу, а в дальнейшем охватившего самые широкие круги японского общества, недовольные характером проводимых реформ. Таким образом, в начале эпохи Мейдзи более десятилетия традиционные *будзюцу* выступали, в первую очередь, орудием борьбы обозленных и обобранных самураев с «просвещенным» «прозападным» правительством, осмелившимся посягнуть не только на кошельки, но и на сами святыни самурайства¹.

Хотя правительство вышло победителем в борьбе с оппозиционерами, напутанное масштабами протестных выступлений, оно, в конечном итоге, осознало, что игнорировать интересы и попираять святыни самураев неверно, да и жизненно опасно. События 1870-х годов убедили ориентировавшихся на Запад реформаторов в необходимости пересмотра курса на насаждение «просвещенная и цивилизация» и искоренение варварских (читай: самурайских) традиций. С конца 1870-х годов начинается постепенное, очень выборочное и осторожное встраивание самурайской традиции, в том числе боевых искусств, в искусственно создаваемую императорскую традицию новой Японии, формирование новой концепции боевых искусств как общенационального (а не только самурайского) достояния, воплощающего лучшие качества японской нации, чему и будет посвящена следующая глава данного исследования.

Продолжение следует

¹ К сожалению, насколько мне известно, роль боевых искусств в самурайских антиправительственных выступлениях 1870-х годов еще не стала объектом специального изучения.

Наталья Демченко
Алексей Горбылёв

КАТА В ТРАДИЦИОННЫХ БОВЕВЫХ ИСКУССТВАХ САМУРАЕВ ЭПОХИ ТОКУГАВА (1603—1867)

Исследования ката каратэдо¹

На протяжении столетий в Японии, раздираемой кровавыми междоусобицами, воинское мастерство было необходимым условием выживания воина и важным средством достижения его целей. Не удивительно, что самурай XI—XVI веков овладению воинскими искусствами *будзюцу* — верховой ездой, стрельбой из лука и мускетом, фехтованием, борьбой, плаванием и др. — придавали первостепенное значение.

С XIV века, по подобию других традиционных искусств и ремесел, в *будзюцу* начинают оформляться первые школы — *рю*. Судя по всему, раньше всего в виде школ с четко очерченными и структурированными программами обучения (*содэн тайкай* 相伝体系 — досл. «система передачи») было канонизировано искусство стрельбы из лука — *кюдзюцу*. Существовало позднее — в XVI столетии — возникают первые школы в искусстве фехтования мечом — *кэндзюцу* и в искусстве рукопашного боя без оружия и с малым оружием — *дзюдзюцу*.

Каждая школа представляла собой особую организацию (*рюкай*), в рамках которой наставники передавали

¹ Данная статья является логическим продолжением первой статьи цикла «Исследования ката каратэдо», опубликованной в выпуске I «Хидэн». См.: Горбылёв А., Демченко Н. Становление концепции ката в традиционной японской культуре // «Хидэн», выпуск I, с. 12—31.

ученикам знание, «канон школы» — *рюги* (流儀), представленный многочисленными ката и различными наставлениями, касающимися тактики ведения боя, поражения уязвимых точек, управления собственным психическим состоянием, манипулирования психическим состоянием противника и т. д.

Если до конца XVI столетия число школ воинских искусств было относительно невелико и не превышало, по видимому, нескольких десятков, то с начала XVII века процесс становления *рю* резко ускорился, и к середине XIX века их было уже несколько тысяч¹. Именно эпоха мира, длившаяся с начала XVII по середину XIX столетия, и в особенности первая половина XVII века, когда еще были живы многие выдающиеся воины периода междоусобных войн, стала временем активной разработки техники и методики *будзюцу*, поскольку именно в это время у самураев впервые появились время и возможности осмыслить и систематизировать накопленный боевой опыт, приемы и методы обучения и тренировки.

В теоретическом осмыслении своего боевого опыта мастера боевых искусств широко использовали терминологию, методологию и теоретические построения различных буддийских школ, конфуцианства (в первую очередь, неоконфуцианских² школ Чжу Си³ и Ван Янмина⁴),

¹ Draeger D. F. Classical Bujutsu («Классические будзюцу»). Tokyo, 1977, с. 21.

² Неоконфуцианство — одно из главных направлений даляневосточной философии, обновленное и преобразованное конфуцианство, сложившееся в Китае в XI—XII вв. в результате деятельности таких мыслителей, как Чжоу Дунчи, Чжан Цзай, Чэн Хао, Чэн И, Чжу Си, и их учеников.

³ Чжу Си (1130—1200) — выдающийся китайский философ, ученый-энциклопедист, главный представитель и систематизатор неоконфуцианства.

⁴ Ван Янмин (1472—1529) — выдающийся китайский философ, создатель оригинальной философской доктрины в русле так называемого «учения о сердце» (кит. *синьсюэ*, яп. *сингисю*).

а также изыщных искусств, в особенности театра *Но*, опержавших *будзюцу* в разработке теории.

В этот период в школах боевых искусств была выработана эффективная методика психофизической тренировки воина, направленная не только на обучение конкретным боевым приемам, но и, прежде всего, на соответствующую подготовку его сознания. Последний аспект имел особое значение, поскольку мастерство воина, в соответствии с дальневосточными организмическими представлениями, трактовалось как абсолютная послушность тела командам духа (*син*, кит. *шэнь* 神)¹, достигаемая только тогда, когда сознание (*син*, кит. *синь* 心)² — «дворец духа» — пребывает в абсолютном покое и способно чутко и адекватно реагировать на любые изменения ситуации³.

¹ Син (кит. *шэнь*) — «дух» — категория дальневосточной культуры. В физиологическом аспекте *шэнь* — духовная субстанция, одна из составляющих психофизического комплекса человека, наряду с жизненной энергией (пневмой) *ки* (кит. *ци* 氣) и «семенем» *сай* (кит. *цзин* 精), регулирующая психоэмоциональную деятельность человека.

² Син (кит. *синь*) — «сознание», «сердце», «психика» — категория дальневосточной культуры. *Син* — исконный дворец духа-*син*, который возвращается в этот дворец лишь при условии его очищения — освобождения от страстей.

³ В централизованном и недвусмысленном виде важность специфического состояния сознания, без которого приемы мало действенны, выражена в классической фундаментальной работе по школе *дзюдо-зюцу* Тэндзин сингё-рю «Тэндзин сингё-рю дзюдоку токуи дзюкай» («Иллюстрированное разъяснение высших секретов *дзюдо-зюцу* школы Тэндзин сингё-рю»), написанной патриархами школы Ёсида Тихару и Исо Матэмон и изданной в 1893 году: «Непоколебимое сознание — это такое состояние сознания, когда сознание не приходит в волнение ни при каких измененных ситуациях. Когда сознание ясно, а жизненная энергия-*ки* наполняет все тело, даже если глаза видят клинок меча противника, состояние сознания человека таково, словно он не видит меча; даже если его ухо слышит гром пушечного выстрела, состояние его сознания таково, словно он не слышит выстрела. Такое состояние сознания, когда оно ничему не удивляется и не приходит в движение, называют "непоколебимым сознанием великого

Центральное место в методике обучения боевым искусствам занимала практика особых комплексов *ката*, конденсировавших всю «практическую мудрость» (*тай-кэнри*), приобретенную отцами-основателями школ *будзюцу* в смертельных поединках на поле боя и воплощавших ее в конкретных практических примерах¹.

В данной статье предпринята попытка анализа методологии основных практики *ката* в самурайских боевых искусствах Японии эпохи Токугава (1603—1867) как интeгрального метода подготовки воина — метода развития физических возможностей, формирования специальных навыков, совершенствования технического мастерства и достижения особого состояния сознания, полагаемого оптимальным для боя.

человека». Приводить свое тело в движение с помощью сознания и печени (печень, по представлениям японцев, — внутренний орган, «ответствующий» за смелость человека; ср. русск.: «у него печенька слаба» — *приж. авт.*), применять бесчисленные приемы и не испытывать ни малейшего страха в бою с врагом значит обладать "подлинным непоколебимым сознанием". В былые времена, хотя люди от рождения, естественно, путались грохотания пушек и слышали свист мечей, раскаты оницх воздуш, они должны были надресировать свои сознание и печень таким образом, чтобы, по достижении мастерского уровня, поединок на мечах был для них обыденным делом. Более того, в те времена воины для овладения *хара* (*хара* — живот, брюшная полость; по представлениям японцев, основной жизненный центр человека, среднего жизненных сил, местонахождение души — *приж. авт.*) уходили в дикие поля и горы, в места, куда не ступала нога человека. Должно быть, те из них, кто всецело отдавался овладению непоколебимостью сознания, достигали состояния подлинного непоколебимого сознания. Но в наши дни многие так называемые "занимающиеся практикой совершенствования" упражняют лишь руки и ноги, и, по-хоже, у них есть лишь внешнее мастерство, но нет искусства в *хара*. Тщательно обдумай все сказанное и повяжи себя достижению непоколебимого сознания». Цит. по: Исо Матэмон, Ёсида Тихару. Тэндзин сингё-рю-но синпо («Учение о сознании школы Тэндзин сингё-рю») // *Маруяма Сандзо*. Сэкай дзюдо си («Всемирная история дзюдо»). Токио, 1967, с. 166—167.

¹ Кэндо-но ракиси («История кэндо»). Токио, «Дзайдан ходзин Дзэн Нихон кэндо рамэй», 2003, с. 232.

Основными целями исследования являются выявление места, значения и особенностей практики *ката* в системе методов обучения и тренировок в боевых искусствах эпохи Токугава, связей методики *ката* с представлениями и психотехнической практикой Дзэн-буддизма¹ и неоконфуцианства, оказывавших в то время большое влияние на развитие теории и методики японских *будо*.

Данное исследование проведено в основном на материале школ фехтования мечом *кэндзюцу*. Такой выбор объекта исследования продиктован тем, что именно *кэндзюцу* занимало главенствующее место в системе боевых искусств самураев токугавского периода.

Долгое время главным оружием в арсенале самурая был лук со стрелами. Не случайно одним из названий системы морально-этических воззрений японских воинов в эпохи Хэйан (794—1192) и Камакура (1192—1333), этого раннего прообраза *бусидо*, было *кэсэн-но мити* — «путь лука и стрел». И, опять-таки, не случайно именно искусство стрельбы из лука и тесно связанная с ним система самурайского ритуала *райхо* ранее всего, уже в эпоху Муромати (1333—1573), оформились в виде ряда школ — *рюха*. Важную роль здесь сыграло и то обстоятельство, что уже в Древнем Китае стрельба из лука считалась одним из шести благородных искусств (кит. *люи*, яп. *рикугэй*), и что под влиянием традиций китайской аристократии стрельба из лука уже в древности вошла в жизнь японского императорского двора как составляющая часть ритуала и развлечения, подобающее знати. Однако, под влиянием серьезных изменений, произошедших в организации войск, военных технологиях, тактике вооруженной борьбы, в XVI столетии искусство стрельбы из лука стало постепенно утрачивать свое практическое

значение. На смену луку и стрелам приходит ручное огнестрельное оружие. Одновременно возрастает значение холодного оружия ближнего боя, среди которого главенствующее место занимает меч — символ самурая.

Во второй половине XVI — начале XVII столетий искусство меча *кэндзюцу* выступало комплексным боевым искусством, призванным в полной мере подготавливать воина к сложным условиям рукопашной схватки на поле битвы. В школах *кэндзюцу* изучались различные приемы боя не только с мечом, но и с алэбардой, с копьем, приемы связывания (*торинава*, *хобаку*), рукопашного боя (*явара*) и др. Не случайно в тот период это искусство обычно называли обобщающим термином *хёхо* (*хэйхо* 兵法) — «воинское искусство». Лишь позднее, с прекращением междоусобных войн и установлением мира в начале XVII века, начался процесс постепенного выделения из состава *хёхо* в качестве самостоятельных дисциплин искусства боя копейм *содзюцу*, рукопашного боя *дзюдо* и т. д. На смену комплексным школам боевого искусства, в которых главным элементом выступало искусство фехтования мечом, приходят школы со всё более узкой специализацией. В этом смысле чрезвычайно показательны постепенное разделение *хёхо* на искусство собственно фехтования *кэндзюцу* и искусство выхватывания меча из ножен для атаки или защиты *идзюцу*. При этом, несмотря на обретение организационной самостоятельности системами обращения с различными видами второстепенного оружия, именно *кэндзюцу* сохраняло свое главенствующее положение в глазах самураев, почиталось наиболее благородным и привлекало наибольшее число последователей, причем из высших слоев самурайства, тогда как *дзюдо* и *идзюцу* всё еще занимали подчиненное положение, а общественный статус их мастеров был заметно ниже. В силу указанных причин именно многочисленные школы *кэндзюцу*

¹ Дзэн (кит. Чань) — одна из наиболее влиятельных дальневосточных школ буддизма, направление махаяны, делала акцент на выявлении в самом себе природы будды с помощью различных методов психотренинга.

явились главными центрами разработки теории и методики боевого искусства, и именно в них методика *ката* получила наиболее полное развитие и осмысление¹.

Основные особенности структуры и практики ката в кандзюцу

Итак, каждая школа *будзюцу* может рассматриваться как особая организация (*рюкай*), в рамках которой осуществляется передача знания, «канона школы» — *рюги*, представляемого, в первую очередь, многочисленными *ката*.

В сочинениях по *будзюцу* эпохи Токугава слово *ката* чаще всего записывается одним из двух иероглифов, имеющих разные значения: 1) 型 — «шаблон, трафарет; модель, форма, фасон; обыкновение, традиция»; 2) 形 — «форма, вид». В некоторых школах для обозначения *ката* использовались иные термины: *кумитатаи* — «соединенные приемы с мечами» (組太刀), *каку* — «образец» (格), *какухо* — «образцовый метод» (格法), *кирикуми* — «набор ударов» (切組), *куми* — «набор» (組) и др. В школе Синкагэ-рю для записи слова *ката* использовалась иероглифическая комбинация 勢法 — «метод силы» (при чтении по правилам — *сайхо*)².

На практике в токугавских школах боевых искусств *ката* представляли собой стандартные комбинации приемов защиты и нападения или иных действий, выполняемые в паре или индивидуально. В фехтовании мечом, алебардой, копьем и др., в борьбе без оружия в подавляющем большинстве случаев практиковались парные (исполняемые в паре) *ката*, а в стрельбе из лука, мушкета,

в метании дротиков, в искусстве выхватывания меча и др. — индивидуальные.

Каждое *ката* имеет свой сюжет — развитие ситуации в бою, который воин ведет против одного или нескольких противников, вооруженных тем или иным оружием в каких-то конкретных условиях места (чистое поле, помещение с низким потолком и т. д.) и времени (светлый день, темная ночь и др.). Конечно же, легче всего сюжет просматривается в парных *ката*, представляющих собой зримый обмен ударами и блоками, при котором каждый из участников играет свою роль, ни в чем не отходя от «текста»; причем один партнер разыгрывает роль нападающего, который, в конце концов, терпит поражение, а другой применяет приемы, для обучения которым и разработано данное *ката*, и побеждает.

Каждая школа располагает собственным фиксированным набором *ката*, названия которых перечисляются в специальных «каталогах» (*мокуроку*).

Последовательность изучения *ката*, как правило, фиксируется традицией и / или верховным наставником школы.

Фрагмент мокуроку школы Катори синто-рю

¹ Кандо-но ракиси, с. 231—232; *Naohara Kōji*. Окинава данго каратэ Ти-но хэяё («Трансформации традиционного окинавского каратэ Ти»). Нисихара, «Кюё», 2007, с. 123.

² Кандо-но ракиси, с. 234.

Происхождение, развитие и место катя в методике овладения будзюцу

Формирование методики *катя* в школах *кэндзюцу* не получило отражения в письменных источниках и реконструируется лишь в самых общих чертах. Однако документы, оставленные мастерами *будзюцу* XV—XVI столетий, свидетельствуют, что уже в то время *катя* являлись главным методом обучения и тренировки в боевых искусствах. Это было предопределено целой совокупностью различных причин.

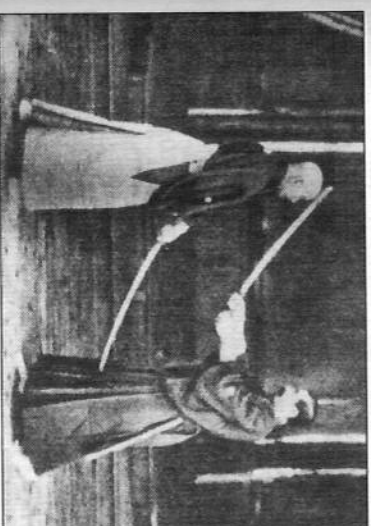
Во-первых, *катя*, по сути дела, — единственный метод тренировки, позволяющий отрабатывать все возможные приемы боевых искусств почти со всеми видами оружия, большинство из которых невозможно тренировать и опробовать в учебных поединках по причине их чрезвычайной опасности. Это особенно хорошо видно при сравнении старинных школ боевых искусств, сохранившихся в своих арсеналах многочисленных смертельно-опасных приемов, делающих акцент в обучении на практику *катя*, и таких популярны ныне направлений *будо* как *дзюдо* или *кэндо*, в которых на первый план вышли свободные поединки с большим количеством ограничений на применение опасной техники.

Во-вторых, применение *катя* в подготовке воинов уходит корнями в глубокую древность. У нас есть все основания полагать, что самым ранним их прообразом являлись ритуально-магические воинские танцы. Отголоски того, что такие танцы использовались для боевой подготовки воинами древней Японии, мы находим уже в древнейшем мифологическо-летописном своде «Кодзики» (712 г.), где в «Предисловии Ясумаро» говорится о воинах первого императора Дзимму: «Танцуя рядами, уничтожили они матежников; внимая песне, ниспровергли они врагов»¹.

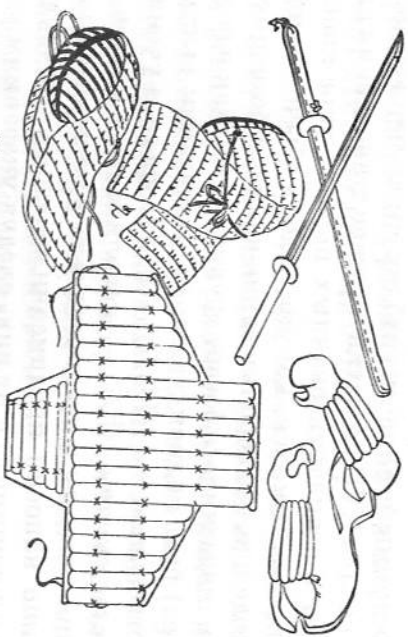
¹ Кодзики. Записи о деяниях древности. Т. 1, СПб., 1994, с. 30.

В доступный нашему наблюдению период конца XVI — начала XVII столетий на этапе становления школ *кэндзюцу* в стандартизованных парных упражнениях *катя*, проводившихся, как правило, в обычной повседневной одежде, без использования каких-либо защитных средств, применялось боевое оружие. Урок (как и вообще обучение) был индивидуальным. Наставник выступал в качестве *ушиката* (打手方) — атакующего, а ученик — в качестве *сиката* (仕方) — исполнителя приемов, для обучения которым и предназначалось конкретное *катя*. *Ушиката* наносил предписанные «по тексту» удары, а *сиката* защищался от них, следуя указаниям учителя, и контратаковал в моменты, когда его противник, учитель специально раскрывался для контакта, показывая «брешь» (*ски* 隙) в своей психической концепции (*синки* 心気) или в позиции (*синтай* 身体). Так, ученик постепенно осваивал искусство фехтования мечом, приобретал техническое мастерство, учился адекватно реагировать на действия противника и атаковать в моменты его раскрытия.

Существенным недостатком такой методики было то, что удары приходилось постоянно сдерживать, останавливая оружие в нескольких миллиметрах или сантиметрах от тела партнера. Это, с одной стороны, не позволяло работать на реальной скорости и с полной силой, а,

Выполнение *катя* кэндо с использованием мечами

Тренировочное снаряжение кэндо

с другой, совсем не гарантировало безопасности участников *ката*, особенно при отработке технически сложных приемов.

Очевидно, вопрос травматизма при практике *ката* стоял очень остро. Поэтому мастера *кэндзюцу* приложили массу сил для совершенствования тренировочного снаряжения. Сначала, вместо отточенных боевых мечей, фехтовальщики начали применять специально затупленные мечи — *синкэн хабикэ*. Чуть позже были изобретены дериванные тренировочные мечи (*бокито*, *боккэн*), еще позднее — различные варианты макетов мечей из бамбуковых полос (*фукуро синай*, *синай*). Применение этих средств, особенно в сочетании с различными защитными приспособлениями (специальными шлемами, масками, наручами, кирасами и т. п.), позволило фехтовальщикам при выполнении *ката* наносить удары «в контакт» и действовать гораздо энергичнее, чем прежде, а в дальнейшем открыло дорогу практике свободных поединков¹.

Однако *ката* не были единственным методом обучения и тренировки воинов второй половины XVI — начала XVII веков. Каждый из этих воинов имел богатый боевой опыт, каждый участвовал в сражениях и дуэлях,

¹ Кэндо-но рэкиси, с. 233—234.

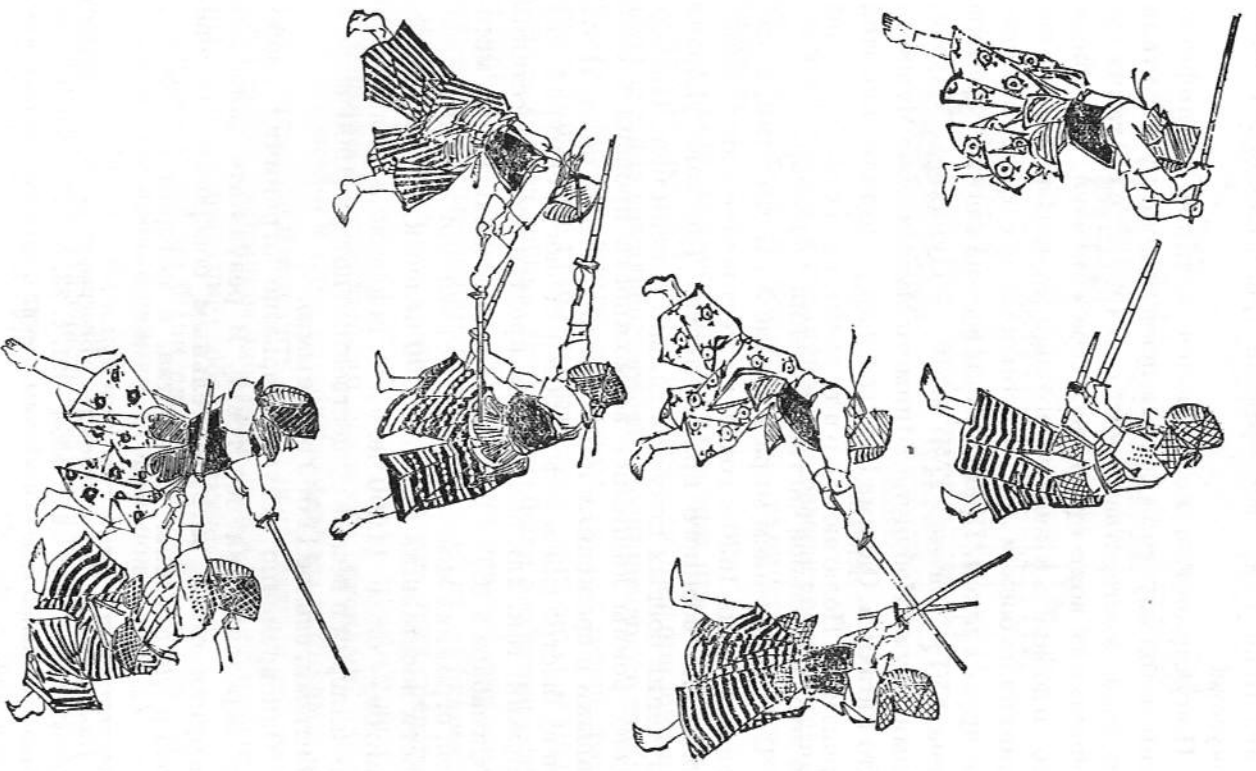
и это тоже было своеобразной тренировкой в боевом искусстве.

Популярностью пользовался и такой специфический метод изучения боевых искусств как путешествие в поисках мастера — *муса сюгэ* (武者修業). В таких путешествиях воин отыскивал себе учителя, способных что-то добавить в копилку его знаний, проверил себя в поединках на боевом или учебном оружии с представителями других школ. Практически все знаменитые мастера меча XVI — начала XVII веков — Цукахару Бокудэн, Камидзүми Нобуцуна, Миямото Мусаси, Ягю Мунэеси, Ито Кагэхиса, Окуяма Кюгасай и др. — отдали дань этой практике¹. Полагают, что в то время *муса сюгэ* было едва ли не обязательной частью обучения в *будзюцу*.

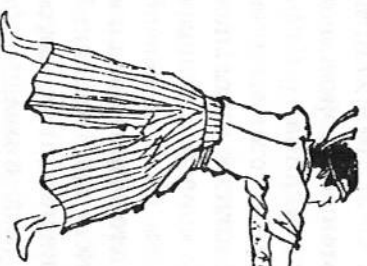
С установлением мира в начале XVII столетия, и особенно с конца 1630-х годов, с ужесточением внутренней политики военного правительства Токугава условия изучения боевых искусств сильно изменились. Прежде всего, воины лишились возможности проверить свои навыки в сражениях и приобрести боевой опыт. И это очень быстро сказалось на боеготовности самурайских дружин: так, для подавления крестьянского восстания в Симабара в 1637—1638 годах потребовались пять месяцев, огромная армия (125 800 человек при общей численности оставших около 27 000 человек, из них комбатантов — около 14 000 человек), поддержка голландской артиллерии и весьма существенные потери (1900 человек убитыми, свыше 11 000 ранеными).

Одновременно сгунат серьезно ограничил свободу передвижения по стране. В результате даже для самурая стало затруднительным совершать путешествия за пределы княжества, в котором он состоял

¹ *Нандзэ Норио*. Нихон кэнси дэн («Биографии японских мастеров меча»). Токио, «Бунгэй сюнсю», 1991, с. 22, 38, 47—48 и др.; *Тоба Синдзюро*. Хэйко хидан ко («Размышления о секретах фехтования»). Токио, 1995, с. 244—251.

第三圖

● 乙、打込手首
振返シ
各棒
先左
方ヨリ
打落ス

● 勢ヲ入乙
其棒ヲ受止
又甲ハ棒ヲ振替
体モ入替

第四圖

× 乙ヨリ(正モ)真向へ又
打込勢ヲ振替

第九ヨリ
十一ニ至
ノ立合
一組
上ス

乙又我体ヲ足下
ヲ受止メ甲ノ体ノ入替ヲ又内ニ

一足進ニ
右ノ方ヨリ
右ノ足ヲ拂

на службе, и возможности *муса сюге* оказались резко ограниченными.

Наконец, в середине XVII столетия сгубнат официальной запретил поединки между последователями разных школ, которые нередко приводили к убийствам или тяжелым увечьям участников, а иногда сопровождалась погромами тренировочных залов противника — *додзэ айбури*. Одновременно многие школы сами стали запрещать поединки с представителями других школ, поскольку проигрыш даже одного бойца мог серьезно подорвать репутацию всей школы.

Все эти обстоятельства в конечном итоге привели к появлению многочисленных «наставников» крайне низкой квалификации, к быстрому размножению школ, которым более не нужно было доказывать свою жизнеспособность в жестокой и кровавой борьбе с конкурентами, к замыканию их на самих себе и к постепенной деградации. Пришло время учителей и учеников, которые не имели никакого боевого опыта и не могли опробовать свои навыки в поединках или сражениях. Одновременно в практике *ката* акцент смещается с приобретения реальных навыков боя на чистое копирование внешней формы, имитацию, без проникновения в содержание, главное внимание уделяется красоте движений и соблюдение ритуала. Подобный формализм в тренировках вел к выхолащиванию самой сути *будоцу*¹.

В результате уже во второй половине XVII столетия в обиход входит выражение «цветочное фехтование» — *кахо кампо*, которым обозначали деградировавшие школы фехтования.

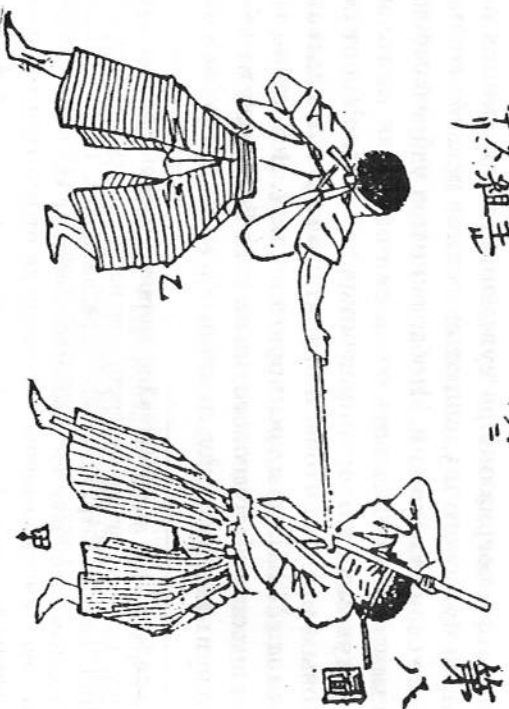
На рубеже XVII—XVIII веков крайне пессимистическую оценку современным ему *будоцу* в своем сочинении «Кэнгэн хироку» («Секретные записки школы «Кэнгэн»»)

¹ *Friday K. F., Humitate S. Legacies of the sword: the Kashima-Shingu and the Martial Arts Culture* («Наследие меча: Касима син-гю и культура воинских искусств»). Honolulu, 1997, с. 117—119.

дал выдающийся японский мыслитель того времени Ото Сорай (1666—1728). В частности, он писал: «В настоящее время все воинские дома проявляют усердие в изучении воинских искусств, но из-за того, что эпоха войны [нашиком от нас отдалась, и [на протяжении долгого времени] сохраняется мир, становится всё больше школ *будоцу*, которые совершенно непригодны. Наставники, которые им обучают, забыли, что все *будоцу* предназначены для использования на поле боя; они превратили *будоцу* исключительно в средство добывания жалованья... Военачальники же, со своей стороны, забыли о том, что воинские искусства служат для применения на поле боя и стали заставлять всех до единого воинов своих кланов изучать те школы, в которые верят сами... Все существующие ныне *будоцу* — и искусство боя копьем, и искусство боя мечом — изобретены людьми, жившими в мирную эпоху, и по большей части на первое место ставят красивую победу в честной схватке с одним противником на глазах у большого числа зрителей. Сейчас, когда ученики учились условиям жизни, когда самурай привык жить в тепле, они погрязли в рассуждениях о принципах выскокого и чудесного и уделяют внимание исключительно красоте своих движений. Чтобы даже при ударе бамбуковым мечом не испытывать боли, они надевают на голову защитную маску; в тренировочных залах поливают пол ореховым маслом, чтобы не падать; а еще они надевают брюки *нагабакама*¹ и тренируются в них. Всё это — вершина выскокого и чудесного, но на поле боя толку от всего этого нет никакого...»².

¹ *Нагабакама* — необычайно длинные брюки, они волочатся по полу, человек при ходьбе постоянно на них наступивает, что, естественно, сильно затрудняет его передвижения. Использовались придворными как знак их освобожденности от «низкого» физического труда и одновременно как гарантия от попытки нападения на правителя.

² Цит. по: *Инагаки Сисэй*. Сангоку буга дзитэн («Энциклопедия по самурайству эпохи «Сангоку»»). Токио, 1962, с. 213.

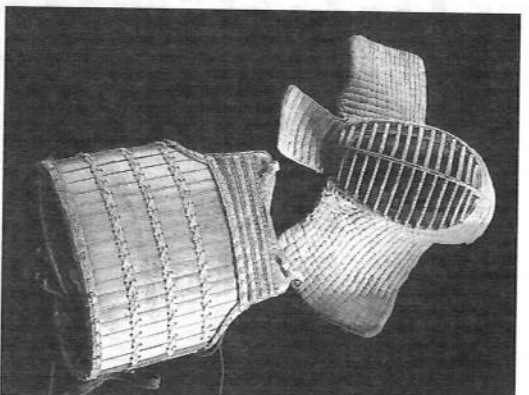
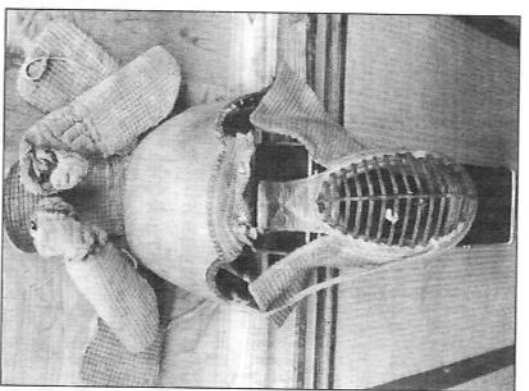
В то же время очевидно, что не все школы *будзюцу* деградировали до уровня «цветочного фехтования». По-видимому, формализм и деградация не были неизбежными пороками практики *ката*, а лишь потенциальной проблемой этой практики. И это хорошо понимали последователи боевых искусств. Например, в классической работе по школе *дзюдзюцу* Тэндзин сингё-рю «Тэндзин сингё-рю дзюдзюцу гокү дзүкай» («Иллюстрированное разъяснение высших секретов *дзюдзюцу* школы Тэндзин сингё-рю»), написанной патриархом этой школы Ёсида Тихару и Исо Матэмон, изданной в 1893 году, мы читаем: «Что касается практики *ката дзюдзюцу*, то некоторые сомневаются, являются ли эти *ката* живыми, или они мертвы. [В действительности] *ката дзюдзюцу* не являются мертвыми, хотя и живыми их трудно назвать. Во время тренировки о партнере следует думать как о враге, нужно занимать правильную позицию и при этом соблюдать правила *дзэнсин¹*, *цусин²* и *дэнсин³*... Если тренироваться, собрав жизненную энергию-ки в *тандэн⁴* и не допуская бессмысленных внешних проявлений отваги, думая о своем противнике как о живом, даже если он выглядит мертвым, с полной концентрацией духа, то тренировка будет живой. Если

1 Дэнсин — букв. «предшествующее сознание» — состояние сознания в промежутке от испускания начального боевого клича до начала исполнения действий *ката*.

2 Цусин — букв. «пронизывающее сознание» — состояние сознания во время исполнения действий *ката*.

3 Дэнсин — букв. «остаточное сознание» — состояние готовности продолжать бой после окончания исполнения действий *ката*.

4 Тандэн (кит. *даньтянь*) — «поле киновари» («поле пилюли» или «аликвир бессмертия») — средоточие жизненной энергии *ки* в теле человека. Выделяют 3 «поля киновари» — верхнее (расположено в голове), среднее (расположено в области солнечного сплетения) и нижнее (расположено в нескольких сантиметрах ниже пупка). В методах накапливания жизненной энергии *ки* и управления ею (кит. *цзун*, яп. *кико*) главное внимание уделяется нижнему «полю киновари», которое поэтому часто называют просто *тандэн*.

Тренировочные доспехи кэндо

же тренироваться, думая о противнике, будто он мертвый, то и тренировка будет мертвой»¹.

С другой стороны, в начале XVIII века спасение от оков формализма практики *камата* некоторые школы *будзюцу* стали искать на пути развития свободных учебных и тренировочных поединков. В это время основатель школы фехтования мечом Дзикасинкага-рю Ямада Хэйдзаэмон разработал защитное снаряжение для проведения учебных поединков с применением бамбуковых мечей, что позволило наносить многие удары в полную силу. В дальнейшем разработанные им учебные доспехи были усовершенствованы и переняты многими другими школами фехтования, что привело к широчайшему распространению соревнований в поединках на бамбуковых мечах и открыло дорогу переждению боевого фехтования в популярный вид спорта².

¹ Исо Матаэмон, *Ёсида Тихару*. Указ. соч., с. 163.

² Нандзё Норико. Указ. соч., с. 175—176.

Новшества Ямады и его последователей вызвали бурную дискуссию в мире *будзюцу*. Сторонники учебных поединков и соревнований упорно доказывали, что практика *камата* не позволяет развить смелость, решительность, агрессивность и терпеливость, чувство времени и дистанции, которые являются необходимыми составляющими истинного мастерства воина. Такие способности, говорили они, могут быть развиты лишь через свободные поединки. Они критиковали *камата* также за то, что при их исполнении с использованием деревянных или стальных мечей требовалось останавливать удары, не поражая реально мишень. По их мнению, такая практика мешала

Тренировка в школе кэндоюцу Маннэва Нэн-рю

развитию скорости и силы ударов. Наконец, с точки зрения критиков *ката*, поединки были необходимы для того, чтобы научить учеников «читать» действия противника и своевременно и правильно реагировать на них.

Со своей стороны, сторонники практики только *ката* отвечали, что соревновательный поединок коренным образом отличается от реального боя; в частности, в нем не могут применяться реальные боевые приемы, а, следовательно, такие поединки ничуть не реалистичнее, чем практика *ката*. Они указывали, что учебный волевой бой неизбежно требует введения правил и модификации снаряжения, что еще дальше уводит учеников от реальных условий дуэли или сражения. Кроме того, вполне справедливо указывали они, спортивные поединки провоцируют учеников разрабатывать особые «спортивные» приемы, чтобы добиться преимущества, из-за чего классическая боевая техника не усваивается должным образом.

Эта дискуссия продолжается по сей день, и в обозримой перспективе она вряд ли прекратится. В настоящее время существуют как школы, в которых *ката* признаются практически единственным методом тренировки, так и школы, полностью отрицающие *ката* и практикующие исключительно свободные поединки по различным правилам. В то же время в подавляющем большинстве школ используются оба метода тренировки, причем, как правило, подчеркивается первостепенная важность в учебном процессе именно *ката*.

Сердцевинной и источником *рюги* любой самостоятельной школы (не являющейся лишь дочерней школой — отвлечением от большой магистральной школы) являются *ката*, переданные ее основателем — *рюсо* или первопреемом — *гансо*. В школах *кэндзюцу* такие *ката* были признаны обозначать терминном *итто* (—*じ*), что дословно означает «первый прием (или первые приемы) с мечом»¹.

¹ Кэндо-но рэкиси, с. 232.

Согласно преданиям, основатели самых первых и магистральных школ боевых искусств (каждая из которых дала жизнь целому клусту дочерних школ) получали такие *итто* в дар от божества.

Многочисленные предания о получении основателями школ *будзюцу* знаний от богов можно найти в ставшей уже традицией жизнеописаний мастеров японских воинских искусств «*Хонгё бутэй сёдан*» («Краткие биографии мастеров воинских искусств Японии»), опубликованном в 1716 году. В частности, об основателе школы Сингю-рю Идзаса Иэнао в этом памятнике сообщается: «Фехтовальщики из школы Сингю-рю рассказывают: “Поскольку искусство боя мечом [нашей школы] было даровано Идзаса богами храмов Касима и Катори, в письменных наставлениях оно именуется *Тэнсинсё-дан* — «Переданное богами *Тэнсинсё*». *Тэнсинсё* — это почетительное именование богов [Касима и Катори]»¹.

В преданиях контакт воина с божеством часто происходит во сне. Например, об Оцубо Додзэн, основателе школы верховой езды (*бадзюцу*) Оцубо-рю, «Хонгё бутэй сёдан» сообщает: «Однажды он направился в провинцию Хитаги, помогил богу Касима и во сне узнал [правильные] размеры седла и стремян. Это правильное седло называлось «седлом, [переданным] во сне». Оцубо хранил его как секрет и не поверял его другим людям. Говорят, что Додзэн — прямой ученик Великого бога Касима»².

Можно привести еще немало примеров этого же рода. Так, в том же источнике об основателе школы боя копьем Мухэн-рю Оуги Мухэн говорится: «В письменном наставлении говорится: “Мухэн помогил богу горы Самбоку Маюми-яма, что в уезде Ёкота области Усю. [бог] наслал

¹ *Хинанцу Сиродзэмон Сигэтакэ*. Хонгё бутэй сёдан («Краткие биографии мастеров воинских искусств Японии») // *Будзюцу сосё* («Собрание письменных памятников воинских искусств»). Токио, 1995, с. 52.

² *Хинанцу Сиродзэмон Сигэтакэ*. Указ. соч., с. 92.

Тренировка в школе кэндоюцу Маньика Нэн-рю

на него вещей сон, и Мухэн постиг божественную чудесную [сущность копейного искусства]¹».

Конечно, современные исследователи, как правило, отрицают достоверность подобных преданий, предлагая более рационалистическое объяснение происхождения *итто* (хотя, как мы увидим далее, возможна и вполне рационалистическая трактовка, не отвергающая с ходу такие предания как всего лишь выдумку). Так, Кобаяси Ёсио, автор раздела о *ката* в *кэндоюцу* в фундаментальной «Истории кэндо» пишет, что основатели пикол фехтования мечом, прошедшие через горнило кровопролитных сражений смутной эпохи Сэнтоку (1467—1568), в которых, чтобы выжить, им приходилось задействовать по максимуму свои физические и психические возможности, и имевшие достоверные знания о природе рукопашного боя и о требованиях, предъявляемых им к воину, прилагали все силы, чтобы найти наиболее эффективные способы достижения быстрой победы в бою не на жизнь,

¹ Хинацу Сиродаэмон Сигэтакэ. Указ. соч., с. 48.

Тренировка в школе кэндоюцу Маньика Нэн-рю

а на смерть, и столь же эффективные методы обучения необходимым техническим приемам и методам контроля за психическим состоянием воина¹.

При этом каждый *рюсю* находил свои варианты решения поставленных задач: разрабатывал свои особые технические приемы (*гихо*), свои специфические методы психической регуляции (*синно*) и т. д. В этом отношении чрезвычайно интересно точка зрения на природу пикол боевых искусств выдающегося мастера меча XIX века Ямаока Тэсю. В своем сочинении «Перечень знаний воинского искусства пиколы Итто-рю» («Итто-рю хэйхо кадзэ мокуроку») он пишет: «[Пиколом (*нагара* 流刀; дословно — течение, поток — *прим. авт.*)] — это мощь (*икиид*) водного потока (*мидзунэ нагара*), а также ширина его разлива. Поток огибает горы и заливает долины. С учетом этого пиколы можно рассматривать как воплощения индивидуальных привычек, склонностей, слабостей (*кусэ*) их первопредков (*эносо*). Иттосай, основатель пиколы Итто-рю, называет сильные стороны (*икиид*) этих привычек (*кусэ*) в искусстве меча «ученьем» (*саку* 学). Смысл этого «ученья» в том,

¹ Кэндо-но ракиси, с. 231.

что обычно называют «подражанием» (*манэ*). Как же ученик осваивает эти индивидуальные привычки? Он осваивает их благодаря сознанию (*короо* 心). Когда же потомки изучают индивидуальные привычки наставника, то это и называется «школа (*нагара*)»¹.

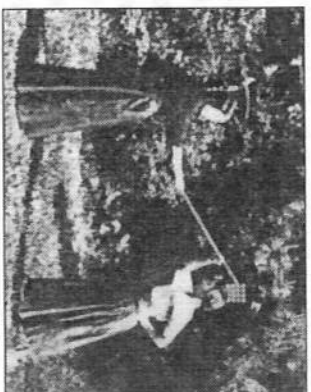
Несмотря на все различия этих индивидуальных привычек, конкретных вариантов решения стоявших перед наставниками боевых искусств задач, форма реализации их находит практически всегда была одна и та же — *набор ката*, что является лишь подтверждением универсальности этого механизма фиксации и передачи знаний в японской культуре.

Идеи, заложенные в *итто*, развивались преeminиками основателей школ боевых искусств, создававшими все новые и новые *ката*. Вследствие этого происходило возрастание объема и усложнение структуры *рюги*. В этом отношении показательна система *кумитати* (*ката*) школы Итто-рю, которая включает:

- 50 *кумитати* с *омати* (Длинный меч),
- 10 дополнительных *кумитати* с *омати*,
- 9 *кумитати* с *кодати* (короткий меч; в этих *кумитати* фехтовальщик, вооруженный *кодати*, противостоит фехтовальщику, вооруженному *омати*),
- 8 *кумитати айкодати* (в этих *кумитати* фехтовальщик, вооруженный *кодати*, противостоит фехтовальщику, также вооруженному *кодати*),
- 1 *кумитати* с *сандзю нагаомати* (сверхдлинный меч²),

¹ Цит. по: Кяндэ-но ракиси, с. 232.

² Описание, детальная классификация, анализ технико-тактических данных различных вариантов мечей и других видов холодного оружия, защитного снаряжения и т. д. выходит далеко за рамки темы данной статьи. В силу этого, чтобы не утяжелять текст излишними в данном случае техническими деталями, авторы, рискуя навредить на себя гнев знатоков японского оружия, позволили себе в ряде случаев при характеристике того или иного вида оружия ограничиваться лишь самыми общими сведениями.

Кумитати с кодати

- 11 *кумитати* с *хабуки* (затупленный меч),
 - 1 *кумитати хосамэ* (с метанием меча в противника) и множество других.
- Кроме этого, в Итто-рю имеются еще 170 *ката*:
- 5 *ката* Готэн («Пять точек»),
 - 12 *ката* Хакириай («Рубка оточенными мечами»),
 - 9 *ката* Кюкка-но тати («Девять приемов с мечом тати»),
 - 11 *ката* Тарюсё-но тати («Победные приемы с мечом тати, использованные в поединках с предстателем другими школами»),
 - 17 *ката* Цумэдза батто (*ката* выхватывания меча из ножен в положении сидя на пятках, опустившись на колени),
 - 5 *ката* Татай батто (*ката* выхватывания меча из ножен в положении стоя) и сверх того:

— 40 секретных *ката* Сэйдзэ рэйкэн («Чистый священный меч»),
— 7 *ката* Гунсин о-огами-но сики («Обряд поклонения воинским божествам») и другие¹.

Современные исследователи, исходя из различий в методических акцентах разных школ, выделяют три типа школ токутавских *будзюцу*: 1) школы, в которых в методике обучения и тренировки главный упор делается на психорегуляцию (на применение «методов работы с сознанием» — *синно 心法*); 2) школы, в которых в методике обучения и тренировки главный упор делается на техническое совершенствование (на применение «методов работы с техникой» — *гихо 技法*; 3) школы, в которых в методике обучения и тренировки главный упор делается на работу с «телом» (в данном случае под «телом» имеется в виду единый психофизиологический комплекс человека, рассматриваемый в контексте дальневосточных организмических представлений; на применение «методов работы с телом» — *синно 身法*). Соответствующие различия просматриваются и в *ката* школ этих трех типов².

Примером школы первого типа является широко известная Ягю Синкагэ-рю. О том, что мастера этой школы уделали первостепенное значение именно психорегуляции, свидетельствуют и ее теоретические построения³, и даже сами названия *ката*, содержащие массу

¹ Кэндо-но ракиси, с. 234.

² Кэндо-но ракиси, с. 232.

³ К примеру, в сочинении знаменитого мастера Ягю Синкагэ-рю Ягю Дзюбэй (1607—1650) «Тэккансю» («Собрание мыслей, родившихся при любовании луной» [月見集]) говорится: «В искусстве фехтования-хэйхо секрет победы в бою заключается в постижении своих сознания (*кокоро*) и жизненной энергии (*ки*) и создания и жизненной энергии противника». И далее: «Именно четыре вида *ки* — *ки* самосдерживания (*ひ*), *ки* отступления (*退*), *ки* грусости (*籠*) и *ки* лени (*懶*) суть величайшие враги фехтовальщика». Цит. по: Кэндо-но ракиси, с. 232.

дзэнских аллюзий¹. Вышим приемом в этой школе считается *гасси-ути* (相撃打ち) — «удар навстречу», успешное применение которого требует исключительного самообладания и интуитивного чувства момента. Как указывает известный исследователь теории *кэндзюцу* эпохи Эдо профессор Като Дзюнчиги, отрабатывая *гасси-ути* в паре, ученик неизбежно вынужден идти путем проб и ошибок, преодолевая свои сомнения и закалять дух (*сайсин*), в конечном итоге достигая необходимого для эффективных действий в бою состояния сознания. Иной подход реализуется в школе Итто-рю — типичной школе второго типа, где в методике обучения и тренировки основной упор делается на техническое совершенствование. Бесчетное число раз повторяя классический удар школы — вертикальный удар сверху вниз *кири-отоси*, ученик постепенно познает себя и достигает состояния единства тела и сознания.

Наконец, школы третьего типа делают акцент на работе с «телом», на применение так называемого «искусства тела» (*тайдзюцу 体術*). Здесь все действия в *ката* соотносены с энергетическими (в дальневосточном смысле слова) процессами, протекающими в космосе и в организме человека, — согласуются с «испусканием *ки*» (*коки 呼吸*, т. е. выдохами) и со «всасыванием *ки*» (*кюки 吸気*, т. е. вдохами). Для активизации энергетических процессов в организме в определенных местах *ката* применяются специальные боевые выкрики *какэгоэ*, широко используется работа с образами — символами космических энергетических процессов. Примером школы этого типа является Дзюкисинкагэ-рю. Наиболее характерным ее комплексом *ката* является комплекс «Ходзэ» (*法定*) — «Установления закона».

¹ Группа самых старых *ката* (*содэн корай*) в Ягю синкагэ-рю называется Сангяку энгаи (三学門太刀) — «Совершенный меч трех учений». И большинство этих *ката* названы дзэнскими терминами: Итто рёдан (一刀両断) — «Одним ударом на полях», Дзантэй сайгэцу (斬釘截鉄) — «Рубить гвозди, резать железо» и т. д.

«Ходзэ» состоит из четырех парных *ката* — *кумитатами*, причем каждое *кумитатами* соотносено с одним из четырех времен года — весной, летом, осенью или зимой. Таким образом, «Ходзэ» воплощает гармонию (*дайсидзэн-но киаи*) и циклическую пульсацию космической энергии *ки*. Выполнение комплекса «Ходзэ», как утверждают мастера школы, позволяет фехтовальщику наполниться космическим *ки*, стать единым с космосом¹.

Несмотря на эти различия в методических акцентах школ и, соответственно, в присутствии им *ката*, между *ката* школ всех трех типов всё равно гораздо больше общего, чем отличного, ибо во всех трех случаях *ката* выступают методами интегральной подготовки воина к эффективному действию в рукопашном бою.

Ката как метод интегральной подготовки воина

Для понимания позиции сторонников практики *ката* необходимо разобратся в том, из каких компонентов складывается мастерство воина, и как эти компоненты представлены в *ката*.

С точки зрения теоретиков японских *будзюцу*, боевое мастерство включает четыре основных компонента: «стратегию» *хэхо* (兵法), особые «навыки» *тэнюми* (手刃), «приемы» *вадза* (業) и специфическое состояние сознания (*и*).

«Стратегия» *хэхо* — это важнейшие принципы воинского искусства, обосновывающие выбор тактики и конкретных приемов в той или иной ситуации, способов сближения с противником и направлений, с которых его выгоднее всего атаковать, траекторий нанесения ударов, дистанции, подходящей для использования различных

видов оружия, целей, которые следует преследовать в бою, и т. д.

Тэнюми — фундаментальные навыки, необходимые для реализации «стратегии»: умение правильно оценивать дистанцию, позицию противника, рассчитывать время атаки, правильно использовать силу в ударах и т. д.

Вадза — собственно приемы, т. е. варианты реализации «стратегии» и «навыков» школы в конкретных условиях места и времени.

С функциональной точки зрения, «приемы», «навыки» и «стратегия» неразделимы, поскольку в действительности в бою все эти три компонента мастера должны реализовываться одновременно в каждом действии. Так, нанесение удара противнику должно быть тактически рациональным, соотноситься с условиями места и времени (*хэхо*); тактический замысел реализуется через конкретные технические действия (*вадза*), которые не будут эффективны без наличия у исполнителя особых навыков (*тэнюми*). В *ката*, представляющих собой, как уже говорилось, конкретные сюжеты боя с одним или несколькими противниками, в которых исполнитель демонстрирует наиболее рациональную, с точки зрения своей школы, технику и тактику, эти важнейшие компоненты боевого мастерства представлены в скрытом, невыраженном виде, благодаря чему, как считают некоторые специалисты, ученик может интуитивно постичь в процессе тренировки¹.

Однако владение «приемами», «навыками» и «стратегией» еще не обеспечивает подлинной эффективности в бою, которая возможна только в особом состоянии сознания воина. Это состояние сознания должно обеспечивать мгновенную оценку ситуации с мгновенным же спонтанным и правильным ответом на нее. Такое действие в *будзюцу* считается идеалом и называется «удар без размышлений» *мусоуми* (無想打ち). Но как достичь

¹ Кэндо-но ракиси, с. 232—233.

¹ Friday K. F., *Humitate S.* Указ. соч., с. 117—119.

этого состояния? «Через практику *ката*», — отвечают теоретики *будзюцу*.

Японские воины прекрасно осознавали, что всё многообразие боевых ситуаций невозможно втиснуть в узкие рамки клише. В действительности, идеалом *будзюцу* всегда была способность эффективно действовать в любых условиях, при любых изменениях ситуации. Подлинное мастерство трактовалось как абсолютная свобода в действиях в том смысле, что воин не зависит от конкретных приемов, или, обращаясь к терминам традиционных японских боевых искусств, от конкретных «форм» (*ката*, *катами-ши*), является «бесформенным» (*микэйи-мүши*), т. е. не связан какими-либо ограничениями технических, тактических и стратегических стереотипов. В связи с этим, мастера *будзюцу*, постоянно подчеркивают, что *ката*, т. е. «формы», — это не наборы клише, не своеобразные базы данных, которые можно и нужно механически использовать в бою по принципу: если противник атакует приемом А, нужно использовать контрприем Б из *ката* 1, а если он парировает контратаку и применит прием В, то нужно перейти к приему Г из *ката* 3 и т. д. У них другое назначение: через овладение этими конкретными «формами» воин должен в итоге прийти к «бесформенности».

В общетеоретическом, философском плане возможность достижения «бесформенности» через конкретные «формы» обосновывалась при помощи чжусианской концепции постижения «Великого предела» (кит. *тайцзи*, яп. *тайкёку* 太極). Чжу Си (1130—1200) рассматривал «Великий предел» как совокупность всех «принципов» (кит. *ли*, яп. *ри* 理), которые, по определению А. И. Кобзева, выступают в качестве структур, упорядочивающих начал, закономерностей всей тьмы вещей¹. В каждой конкретной «вещи» — в предмете, явлении, которые представляют собой «оформленное»

в соответствии с определенным «принципом» проявление общеприродной пневмы-чи, «Великий предел» присутствует сполна, как образ луны в любом ее отражении. Поэтому, не отделяясь от реального мира в качестве идеальной сущности, «Великий предел» определяется как «бесформенный и безместный», т. е. нигде не локализованый в виде самостоятельной формы. Основная задача человека состоит в постижении «Великого предела» через постижение конкретных вещей, в которых «Великий предел» представлен сполна. Нужно особо подчеркнуть, что имеется в виду постижение не как понимание или знание, а как интуитивная и естественная способность следовать закономерностям всей тьмы вещей.

Эти идеи были хорошо усвоены японскими последователями боевых искусств и приложены к их практике. Например, в «Хэйхо кадан сё» («Книга о семейной традиции *хэйхо*», 1632)¹ говорится: «Когда исчерпаешь все формы и достигнешь успеха, продавай упражнения в достаточном объеме, при движениях рук, ног и тела твоё сознание не будет приходить в движение; когда осведобишься от форм, но твои движения, что бы ты ни делал, не будут расхолаживаться с ними, тогда всё будет совершенстваться с легкостью. Когда достигнешь такого [уровня мастера], сам не будешь знать, где пребывает твоё сознание, и ни демоны, ни еретики не смогут обнаружить его местопребывание. Формы нужны для того, чтобы достичь этого уровня. Но когда достигнешь его, все формы исчезнут. Это высший смысл и вершина всех искусств. Вершина любого искусства — уровень, когда забываешь формы, отбрасываешь сознание и достигнешь поставленной цели,

¹ Китайская философия. Энциклопедический словарь. М., 1994, «Чжу Си», с. 466.

¹ «Хэйхо кадан сё» («Книга о семейной традиции фехтования») — название по искусству боя мечом кисти крупнейшего мастера *будзюцу* первой половины XVII века, наставника военного правителя Японии Ягю Тацумата-но ками Мунанори (1571—1646) из школы Ягю Синкагэ-рю, написано под сильным влиянием духовного наставника Ягю Мунанори знаменитого дзэнского монаха Такуана Сохо (1573—1645).

сам не осознавая как. Первая ступень [на этом пути] — изучение форм, [конечная] — устранение форм»¹.

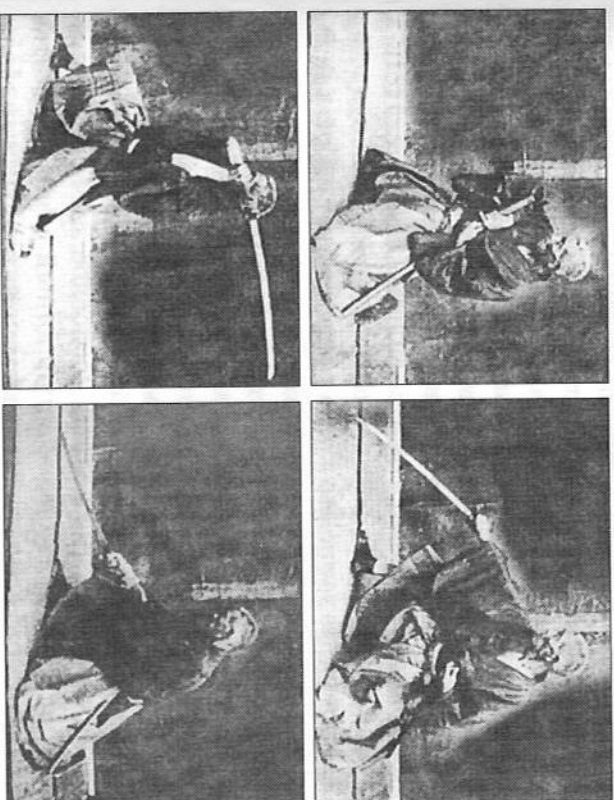
Как видно из приведенной цитаты, «бесформенность» непосредственно связана с особым состоянием сознания бойца, который действует максимально эффективно, но «сам не осознавая как».

С точки зрения современной психологии, мгновенная оценка ситуации и столь же мгновенная двигательная реакция на нее возможны при условии отключения в бою абстрактно-логического уровня мышления и перехода на наглядно-действенный и наглядно-образный уровни. Это достигается с помощью специальной психотехники, позволяющей активизировать правое полушарие головного мозга при одновременном торможении работы левого. Установлено, что на абстрактно-логическом уровне мышление человека способно перерабатывать не более 100 бит информации в секунду, а на сенсорном (наглядно-действенном) и образном уровнях — до 10 миллионов бит в секунду. Это и объясняет удивительную способность настоящего мастера рукопашного боя мгновенно и адекватно отражать любое нападение².

Но каким образом, с точки зрения последователей *будзюцу*, практика комплексов *ката* позволяет трансформировать сознание? Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к их взглядам на происхождение *ката*. Как уже говорилось, в письменных памятниках старейших школ *будзюцу* мы нигде не найдем сведений о том, что *ката* были кем-то придуманы или разработаны. Зато мы найдем там множество преданий о передаче Знания — «оформленного» в виде *ката* — мастеру тем или иным

¹ Яю Мундори. Хэйхо кадан сё («Книга о семейной традиции фехтования») // Цит. по: Ёсида Ютака. Будо хидэнсё («Секреты неоставления будо»). Токио, 1973, с. 31.

² См.: Тарас А. Е. Система психологической подготовки к ближнему бою. Научно-исследовательский проект на соискание звания доктора психологических наук. Минск, 1999.

Ката иайдзюцу

божеством. И это очень важный момент, требующий, по нашему мнению, самого пристального внимания.

Как нам представляется, для интерпретации преданий о получении Знаний основателями школ *будзюцу* от божества может быть продуктивно использована теория религии, которую разрабатывал видный отечественный востоковед, специалист по духовным традициям Дальнего Востока Е. А. Торчинов¹. С точки зрения Е. А. Торчинова, опиравшегося на достижения современной глубокой психологии, подобные предания вполне достоверно описывают трансперсональные переживания, связанные со специфическими измененными состояниями сознания и воспроизводимые с помощью психотехники. Если принять эту точку зрения,

¹ См.: Торчинов Е. А. Религии мира. Опыт запрещенного. Трансперсональные состояния и психотехника. СПб., «Петербургское востоковедение», 1998.

Мы сможем высказать предположение, что, будучи рождением измененного состояния сознания мастера, *ката* несут его в снятом виде. В этом отношении они схожи с буддийскими текстами Махаяны, приписываемыми Будде, хотя в действительности они созданы гораздо позднее ухода исторического Будды в нирвану, или с дзэнскими коанами¹.

Как показал в своих работах эстонский буддолог Л. Мадль, махаянская сутра представляет собой как бы объективацию просветленного состояния сознания ее автора. Она наделена суггестивной функцией, т. е. способностью порождать аналогичное состояние в сознании воспринимавшего ее в ходе психотехнической практики и подготовленного к этому восприятию субъекта².

Ту же функцию, как показал С. П. Нестеркин³, выполняют и дзэнские коаны. Дословное значение термина *коан* (кит. *гуньдань*) — «публичный отчет». Имеется в виду отчет о просветлении дзэнского монаха, своеобразная запись прецедента, которая в снятом виде фиксирует

¹ Коан (яп.; кит. *гуньдань*) — один из основных методов психотренинга и психической саморегуляции в буддийской школе Дзэн (кит. Чань), парадоксальная задача, не имеющая рационального решения на уровне дискурсивно-логического мышления. Коаны представляют собой тексты эмпиратического (шифрованного, наполненного сокровенным содержанием) характера, содержащие высказывания, вопросы, диалоги или относительно развернутые описания ситуаций общения наставника с учеником. Предлагаются адептам в качестве объекта для размышления и медитации с тем, чтобы вызвать у них просветление при попытках постичь скрытый смысл этих текстов.

² Мадль Л. Е. Основные термины праджнапарамитской психологии. Статья I. — Труды по востоковедению, II // Ученые записки Тартуского государственного университета, 1973, Вып. 309; Мадль Л. Е. Основные термины праджнапарамитской психологии. Статья II. — Труды по востоковедению, III // Ученые записки Тартуского государственного университета, 1976, Вып. 392.

³ См.: Нестеркин С. П. Гун-ань в культурно-психологической традиции чань-буддизма // Буддизм и культурно-психологические традиции народов Востока. Новосибирск, 1990, с. 22—43.

просветленное состояние сознания адепта. С точки зрения последователей Дзэн, это состояние одинаково у всех просветленных мастеров и является «абсолютным». Поэтому практика коана выступает гарантией достижения просветления адептом¹. Такова же, по-видимому, и функция *ката* в боевых искусствах.

Подытоживая, можно сказать, что в самурайских *будзюцу* эпохи Токугава *ката* выступают методом интетральной тренировки, позволявшим одновременно овладевать всеми основными аспектами мастерства воина: «стратегией» *хёхо*, особыми «навыками» *мэноути*, «приемами» *вадза* и специфическим состоянием сознания *коро*, выступающим залогом эффективности в бою. В этом смысле *ката* действительно можно рассматривать как универсальный «шаблон» мастерства.

Практика катя и основные этапы овладения мастерством воина

Японская традиция признает возможность моментального постижения всех компонентов воинского мастерства, точнее даже не постижения, а изначального их «знания». Например, в «Хэйхо кадэн сё» говорится, что «есть такие, кто от природы живет в согласии с Путем, ничему не участь»². Однако, как правило, «постижение Пути» требует длительного времени. «Если мы окинем взором людей прошлого и настоящего, то увидим, что бывали среди них такие, кто, не учившись, постигали Путь и овладевали правильными принципами. Однако несомненно должны идти иным путем — путем каждодневных упражнений», — читаем мы в наставлении по школе фехтования мечом Катори синто-рю «Тэнсинсё-дэн

¹ Нестеркин С. П. Указ. соч., с. 22—23.

² Яёу Мунёнори. Указ. соч., с. 30.

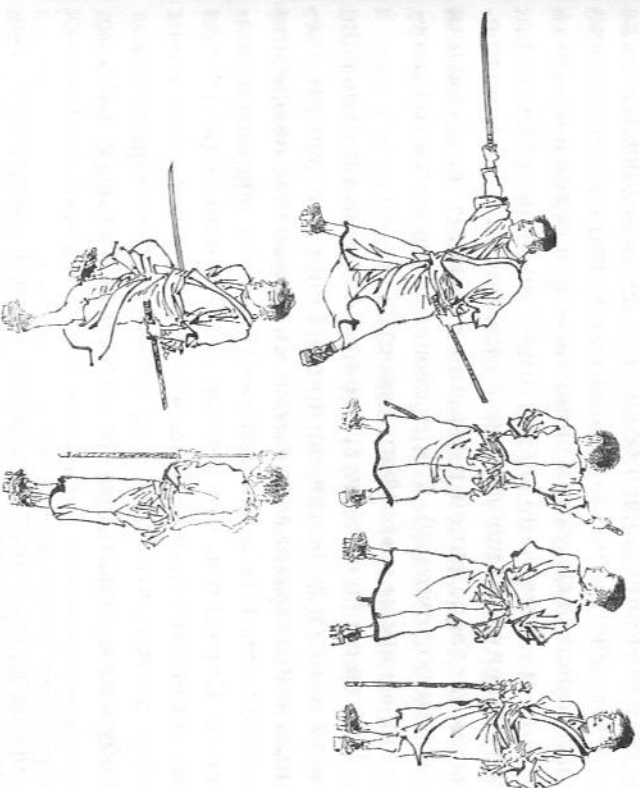
Катори синто-рю хэйхо» («Воинское искусство школы Тэнсинсё-дэн Катори синто-рю», 1867 г.)¹.

Эти каждодневные упражнения, собственно, и состоят в бесконечных повторениях *ката*, которые начинают изучаться, как только ученик освоит базовые технические элементы: научиться правильно стоять, перемещаться, держать оружие, выполнять простейшие удары.

В процессе овладения мастерством через практику *ката* выделяют три этапа, которые описывают формулой *сю* — *ха* — *ри*. В сочинении известного мастера меча XIX века Тибя Сюсяку «Кампо хикацу» («Секретные ключи к фехтованию мечом») предлагается следующее толкование этой формулы: «[В фехтовании мечом] существуют такие понятия как *сю*, *ха* и *ри*. *Сю*, или *мамуру* (守), означает «хранить верность сущности избранной школы», «соблюдать сущность школы». Это означает атаковать противника, не нарушая боевых изюмов избранной школы... *Ха*, или *ябуру* (破) — «разбивать», «нарушать» и др., означает, что фехтовальщик не должен «цепляться за сущность» [избранной школы] и тренироваться так, чтобы разрушить [изученные формы] и [подняться] на следующую ступень. *Ри*, или *ханаруру* (совр. *ханарару* 離) — «отделяться», «отходить» и др., означает «отойти от *сю* и *ха*, которые описаны выше, и в состоянии «безмыслия» (*мусо* 無想) подниматься выше и достигать уровня, выше которого уже ничего нет. Значения нероглифов *сю*, *ха* и *ри* нужно очень хорошо прочувствовать, ибо это важнейшие этапы практики [фехтования]»².

Таким образом, на первом этапе изучения боевого искусства ученик пытается как бы слиться с *ката*, подвить свою индивидуальность, в точности имитируя движения и позиции своего учителя и не допуская никаких отступлений от предписанного образца. Сначала он должен запомнить последовательность движений, научиться

ся правильно их воспроизводить. Затем акцент переносится на формирование навыков, необходимых для той, чтобы техника начала «работать»: на овладение правильной концентрацией силы в ударах, умением правильно подбирать дистанцию для атаки и защиты, держать паузу и ускоряться в нужные моменты и т. д. На следующем этапе ученик должен понять, почему приемы выполняются именно так, а не иначе, в какой ситуации их надлежит использовать и т. д. Так, шаг за шагом, он овладевает «приемами», «навыками» и «стратегией». О трансформации же сознания пока речи нет. Главная задача — достичь такого усвоения техники, когда ученик способен воспроизводить ее автоматически в ответ на стереотипные действия противника.

Ката татай с сикми-оэу (клинком, скрытым в трости)

¹ Цит. по: Тоба Синдзюро. Указ. соч., с. 350.

² Цит. по: Тоба Синдзюро. Указ. соч., с. 284.

Достигнув этого уровня, ученик начинает экспериментировать с вариациями в *ката*. В тренировке комплексов появляется момент неожиданности, необычности за счет варьирования скоростью выполнения отдельных элементов или комбинаций (противник может неожиданно ускориться или, наоборот, сделать паузу, нарушая ритм), углов атаки, мишеней. В некоторых школах практикуется переход от одного комплекса к другому, когда после выполнения стандартной комбинации атакующий продолжает ее комбинацией из другого *ката*, и защищающийся тоже должен переключиться на соответствующее *ката*. Задача ученика — научиться действовать не механически, а по ситуации, соотнобразясь с действиями противника, видеть различные возможности развития ситуации и быть готовым к ним.

В конце концов, ученик должен достичь уровня, когда он будет действовать совершенно спонтанно и естественно, изменения ситуации оценивать мгновенно и отвечать на них максимально эффективно, не испытывая никакой скованности шаблонами *ката*, но одновременно пребывая в совершенной гармонии с ними (т. е. применяя освоенную технику). Так постепенно совершенствуется переход от «формы» к «бесформенности».

Нужно особо отметить, что при изучении и практике *ката* акцент делается на пробуждение интуиции ученика, и наставник дает самые минимальные пояснения о смысле тех или иных движений и о способах их исполнения. Считается, что передать всё на словах (не говоря уже о письме¹) просто невозможно, и ученик должен сам постичь *ката* в процессе практики. Причем такой подход к обучению использовался далеко не только в *будоцу*.

¹ Показательно, что в старых текстах школы Каттори синто-рю описания необычайно длинных парных *ката*, каждая из ролей в которых включает несколько десятков движений, сводятся к нескольким строкам, в которых перечисляются лишь названия технических элементов, без сообщения каких бы то ни было подробностей.

На самом деле он типичен для всей дальневосточной педагогики.

* * *

Подводя итоги, мы можем сделать вывод, что в японских *будоцу* эпохи Токугава *ката* являлись специфическим методом интегральной психофизической подготовки, позволяющим целенаправленно овладевать всеми основными компонентами воинского мастерства («техника», «навык», «стратегия», особое боевое состояние сознания).

Методика *ката* формировалась, по-видимому, на основе синтеза традиционных способов тренировки воина (боевые танцы, повторение отдельных приемов и их комбинаций индивидуально или в паре) и психотехнических практик буддизма (прежде всего, практики дзэн-буддийских коанов), а для ее теоретического обоснования наставники *будоцу* привлекали положения неоконфуцианской философии Чжу Си и учения Ван Янмина.

Ката будоцу демонстрируют типичный для дальневосточной гносеологии подход к знанию, которое понимается не как информация, помещенная в память, а как практическое знание, естественно воплощающееся в действии, — умение. В этом отношении можно сказать, что методика *ката* развивалась в русле магистрального направления дальневосточной гносеологии и педагогики.

Об авторе

Демченко Наталья Сергеевна — преподаватель специализации Киокусинкай Кафедры теории и методики восточных боевых искусств Российского государственного университета физической культуры, спорта и туризма, вице-президент Федерации Кёкусин-кан каратэ-до России, 4-й дан Кёкусин-кан, главный тренер сборной команды Федерации Кёкусин-кан каратэ-до России по *ката*, чемпионка Европы по *ката* 2008 года.

師範 摩文仁賢和 著

攻防自在

護身術空手拳法

大南洋社

昭和九年

Сихан Мабуни Кэнва

ИСКУССТВО САМОЗАЩИТЫ КАРАТЭ КЭМПО

Эффективно в нападении и защите

Издательство «Дай Нангё сян»

1934

Фотография автора

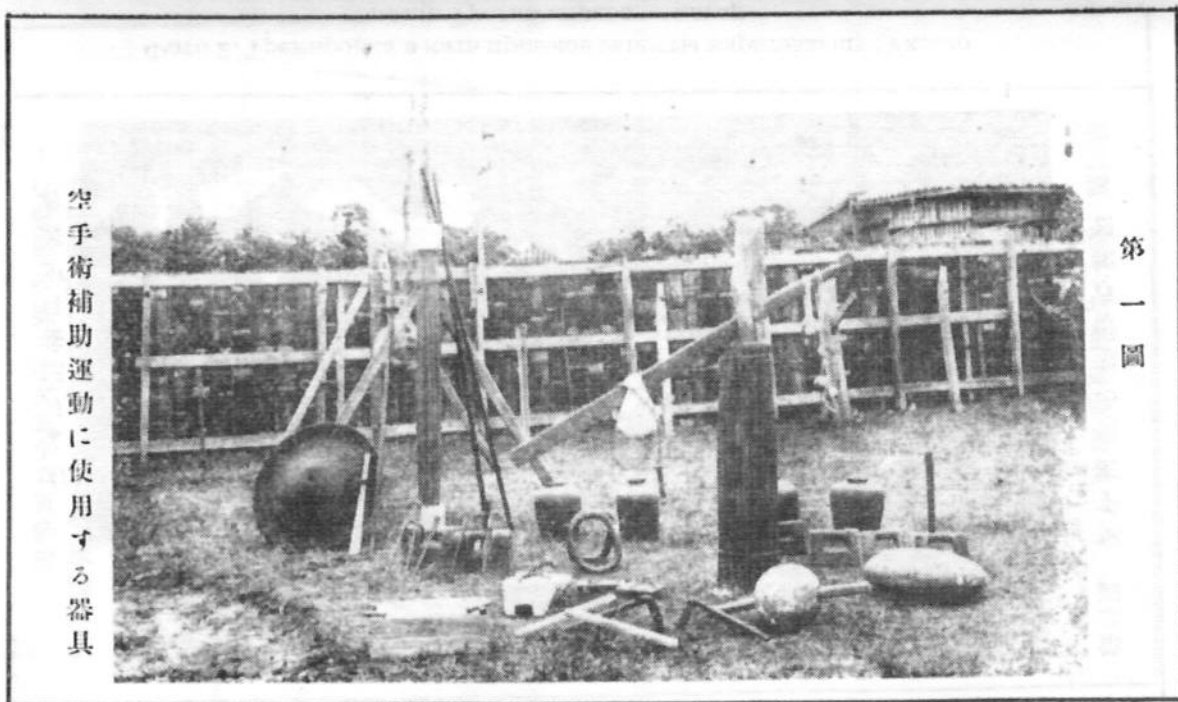

Фото 1. Снаряды, используемые при выполнении дополнительных упражнений (ходзэ ундо)

右より三番目が著者

第二圖 空手術受の型稽古練習

Фото 2. Тренировка в ката приемов защиты каратэджюцу (Укэ-но ката). Третий справа — автор

握力増進法に使用する力石鐵輪及び下げ巻藁の圖(本文五十六頁参照)

第三圖 握力増進運動器具

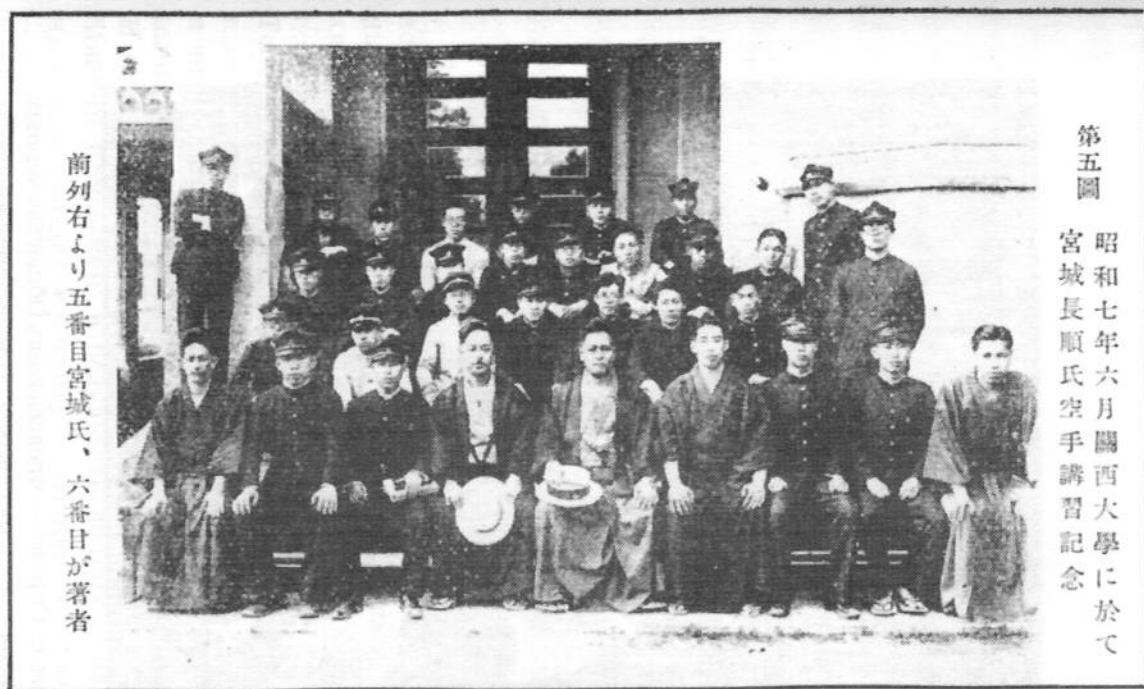
Фото 3. Снаряды, применяемые для развития силы хвата. На фото показаны «камни силы» (тикараиси), «железные кольца» (тэцува) и «подвесная макивара» (сагэ-макивара). См. с. 56 настоящей книги

第四圖 秩父宮殿下御台臨演武記念

後列右より二番目が著者

Фото 4. Памятная фотография, сделанная по случаю показательных выступлений по каратэдзюцу перед принцем Титибу. Во втором ряду второй справа — автор

第五圖

昭和七年六月關西大學に於て
宮城長順氏空手講習記念

前列右より五番目宮城氏、六番目が著者

Фото 5. Памятная фотография, сделанная в июне 1932 года в Кансайском университете по случаю семинара по каратэдзюцу господина Мияги Тёдзюн. В первом ряду пятый справа господин Мияги, шестой — автор

Фото 6. Справа — председатель Общества черных поясов дзюдо префектуры Нара (Нара-кэн дзюдо юдансякай) господин Мацубара, слева — автор

ПРЕДИСЛОВИЕ

Япония, которая недавно представлялась нам страной покоя и блаженства, страной, окруженной спокойными морями с невысокой волною, обдуваемой легкой тишиной ветрами, какие не могут засгавить трещать ветви деревьев, ныне воспринимается уже словно давний сон. Теперь наша империя содрогается под натиском бешеных шквалов и волн, обрушивающихся со всех сторон; и внутри страны, и вокруг нее ситуация поистине чрезвычайная, когда нельзя расслабиться ни на мгновение. И вот в такое время мой дорогой и очень близкий друг Мабуни Кэнва-кун¹ в результате долгих и напряженных трудов создал эту книгу — «Искусство самозащиты

¹ «Кун» — суффикс, добавляемый при обращении или назывании к фамилии или имени товарища — сверстника или младшего по возрасту или положению — А. Г.

каратэ кэмпо¹. Эта книга появилась как раз вовремя, она не только указывает новое направление нашему сообществу будо, которое в настоящий момент никак не определится с выбором пути, но и, по моему глубокому убеждению, представляет огромную ценность с точки зрения развития нашей национальной физической культуры.

Главный секрет каратэ кэмпо — в том, что в этом боевом искусстве сознание, дух играет главную роль, а тело исполняет его приказы. Поистине, это весьма действенная система самосовершенствования, практического морально-нравственного воспитания.

В нашем обществе, к сожалению, есть еще немало людей, которые, посмотрев разбивание досок и кирпичей, полагают, что знают о каратэ уже абсолютно всё. Но, на самом деле, эти демонстрации — не более чем, как говорят поговорка, один волосок на шкуре быка. И я думаю,

¹ Слово сочетание «каратэ кэмпо» буквально означает «разновидность кэмпо под названием „Каратэ“». Ко времени издания книги слово «кэмпо» как обозначение искусства рукопашного боя без оружия давно вошло в японский язык, тогда как слово «каратэ», обозначающее окинавскую разновидность искусства рукопашного боя, было еще мало известно. Кроме того, параллельно с написанием «пустая рука», которым пользуется Мабуни, для записи слова «каратэ» использовались и другие нероглифы: «китайская рука» (или «танская рука» — по названию китайской династии Тан, правившей в Китае в 618—907 гг.), которые могли прочитываться также, как «тодэ» (это чтение использую и я, чтобы обозначить разницу в написании названия «каратэ» в разных частях текста книги), что, вероятно, вело к путанице. По всей видимости, учитывая эти обстоятельства, Мабуни Канва и Кониси Мисухиро предпочли использовать на титуле и в тексте книги словосочетание «каратэ кэмпо» (которые я решил оставить без перевода, чтобы не утяжелять текст). Точно так же поступали и другие авторы работ по каратэ этого времени. Так, Фунакоси Литин назвал свою первую книгу «Рюкю кэмпо тодэ» (1922) — «Рюкюский вид кэмпо» — «Китайское искусство рукопашного боя», Мотобу Теки свою первую книгу назвал «Окинава кэмпо тодэдзюцу» (1926) — «Окинавский вид кэмпо» — «Китайское искусство рукопашного боя» и т. д. — А. Г.

что всякий, кто прочтет эту книгу, поймет, сколь глубоко и высоко, сколь богато искусство каратэ кэмпо.

Это поистине великолепная книга, содержащая подробности и ясные указания, дающая исчерпывающе-полное знание, разбiraющая предмет в мельчайших деталях и, ко всему тому, не лишняя литературных достоинств, благодаря чему книгу читаешь с огромным интересом, а закрываешь с сожалением.

Автор книги — человек, широко известный на Окинаве — родине каратэ. Он обучался у наставника Итосу и у великого мастера Хигаонна и у других учителей. Благодаря упорству и прилежанию в учебе, он проник в сокровенные тайны каратэ кэмпо и долгое время профессионально преподавал его у себя на родине в Рыболовецком техникуме, в полиции и в других местах, тем самым зарабатывая себе на жизнь. Устранившись от дел мирских и не позволяя себе разбрасываться, он с головой погрузился в изучение каратэ, отрепившись от всего прочего, и десять лет пролетели, как один день, и в результате сегодня он — один из главнейших авторитетов в искусстве каратэ кэмпо.

Несколько лет назад, когда президент Кодокана — главной школы дзюдо — господин Кано Дзигоро посетил остров Рюкю (*т. е. Окинаву* — А. Г.), по его просьбе, автор вместе с главным мастером школы Годзю-рю господином Мияги Тэдзюн, который ныне, не имея ни минуты отдухиновения, всецело посвящает себя воспитанию подрастающего поколения, продемонстрировал ему некоторые плоды своих упорных многолетних трудов на ниве изучения каратэ, и это показательное выступление буквально поразило самого Кано. Господин Кано Дзигоро не только купился на хвалы в отношении каратэ, сказав, что это боевое искусство наделяет его мастера абсолютной свободой в нападениях и защите. Рассказы об этом событии по сей день передаются из уст в уста, прославляя автора этой книги и дополняя блеска каратэдо — Пути каратэ.

И не сложно представить, сколь большое впечатление произвел на господина Кано показ карата, коль скоро в созданной им системе «Национальной физической культуры в форме приемов нападения и защиты» (Кобосики кокумин тайкку) совершенно явно и естественно ощущается вкус искусства карата кампо.

Под влиянием этого случая несколько лет назад автор, считая своей жизненной миссией распространение карата, приехал в метрополию и, поселившись в Осаке, создал Кансайское¹ общество изучения искусства карата (Кансай каратэдзюцу канкюкай). Он продемонстрировал свое божевственное искусство и преподавал его в Кансайском университете, клубом карата которого самоотверженно руководит в настоящее время, и во множестве других мест. Его бескорыстие, бесэгоистичность, его самоотверженный и самозабытый труд, его неустанное стремление к совершенству беспрецедентны, ставя его совершенно особняком и ярко выделяя на фоне твердолобых подражателей. И нынешний проект автора, человека, который не устает восхищаться такой патриарх этого искусства, как сансай Фунакоси Литин, говоря, что «по богатству изученного им материала он, вероятно, первейший знаток карата нашего времени», видится мне как лучик света в ночной тьме. И, как мне кажется, в этом случае в высшей степени уместно вспомнить пословицу, по которой, «коль учитель хорош, то и книга его хороша». И, наконец, оттого, что я так много мечтал о такой книге этого выдающегося представителя карата кампо, искусства с древнейшей историей и одновременно наисовременнейшего, о книге, которая внесет огромный вклад в будущее карата кампо и укажет пути совершенствования боевых искусств в целом, и так долго ждал ее появления, теперь, отбросив всякий стыд за свою литературную бесталан-

¹ Кансай — регион, охватывающий западную половину центральной зоны главного японского острова Хонсю, где расположены такие города, как Киото, Нара, Осака, Кобе и др.

ность, я взялся за свою облезлую кисть, чтобы написать это сбивчивое предисловие и рекомендовать этот шедевр предельно широкой читательской аудитории.

Тысяча извинений за многословие!

Январь 1934 года

Директор штаб-квартиры

Общества пропаганды каратэдзюцу

(Каратэдзюцу фукюкай)

Кониси Ясухиро

АВТОРСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

В юго-западном углу Японии есть группа островов, вытянувшаяся в море, словно веревка, она носит название «Окинава» — «Веревка в открытом море». Окинава истари известна как страна, не имеющая вооружений, но в то же время вооруженная.

Что же это за оружие без оружия? Это оружие называется «каратэ-кэмпо» — «кулачное искусство «Каратэ» — «Пустая рука»¹.

В последние годы каратэ-кэмпо стало объектом серьезного изучения. Ему посвящены такие книги, как «Искусство каратэ» (дословно «Искусство китайской руки» — «Годэдзюцу») господина Фунакоси и «Черк кулачного искусства» («Кэмпо гайсацу»), изданный клубом каратэ Токийского императорского университета, но работ, посвященных нашей школе — Годзю-рю кэмпо, пока еще не издавалось. Поэтому я и решился взяться за перо, чтобы написать этот труд, хоть и не обладаю глубокими знаниями предмета и лишен писательского дара.

Январь 1934 года

Мабуни Кэнва

¹ «Пустая рука» — дословный перевод слова «каратэ», но, с учетом значения слова «тэ» в окинавском языке, более правильным является перевод «искусство рукопашного боя без оружия». Однако в тексте я оставил перевод «пустая рука», исходя из того соображения, что окинавское значение слова «тэ» — «рукопашный бой», «искусство боя» (о котором в этой своей публикации Мабуни Кэнва не говорит ни слова) не было известно массовому японскому читателю книги — А. Г.

Всегда сохраняй почитительность и благовоспитанность

Два иероглифа — «почтительность» и «благовоспитанность» — это корень и верхушка, ритуал и его «применение». Если человек хранит в своем сознании почитительность, то она проявляется в форме благовоспитанности. Если внутри человека хранится почитительность, то в движениях его рук и ног, в том, как на нем сидит одежда, проявляется благовоспитанность. Общась с друзьями, имея дело с почетными гостями, нужно соблюдать этикет и держаться почитительно, но не сверх меры, и не допускать невежливости (цитата из «Класифицированных высказываний господина Ямата» — «Ямага горуй»).

Ямага Соко

ИСКУССТВО САМОЗАЩИТЫ КАРАТЭ КЭМПО

Эффективно в нападении и защите

Оглавление

(страницы указаны по изданию «Дай Нангё ся» 1934 года)

ИЖ

Иллюстрации	
Недавняя фотография автора	
Снаряды, используемые при выполнении дополнительных упражнений (ходёе ундю)	
Тренировка в ката приемов защиты каратэдзюцу (Ука-но ката)	
Снаряды, применяемые для развития силы хвата	
Памятная фотография, сделанная по случаю показательных выступлений по каратэдзюцу перед принцем Титибу	
Памятная фотография, сделанная по случаю семинара по каратэ господина Миаги	
Автор и господин Мацубара	
Книги Ясухиро	Предисловие 1
Мабуни Кэнва	Авторское предисловие 5
ЧАСТЬ 1. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ	
	Глава 1. Что такое каратэ. 15
	Краткий исторический очерк каратэ 15
	Глава 2. Школы каратэ 19
	Глава 3. Каратэ и закалка духа и тела 21

Глава 4. Практическая польза от занятий каратэ 24

ЧАСТЬ 2. ЧАСТНЫЕ ВОПРОСЫ

Глава 1. Подготовительные упражнения каратэдзюцу	31
А. Упражнения для ног	31
Б. Упражнения для шеи	33
В. Упражнения для талии	33
Глава 2. Дополнительные упражнения каратэдзюцу	35
1. Правильное сжимание кулака (кобуси-но нигириката) и техника прямых (тычковых) ударов руками (цуккиката)	35
А. Тёку-дзюки — «прямой удар»	36
Б. Агэ-дзюки — «восходящий удар»	37
В. Фури-дзюки — «маховый удар»	38
Г. Ва-дзюки — «круговой удар»	38
2. Кэриката — «техника ударов ногами»	40
А. Кингэки (инно)-но кэриката — «удар ногой в пах (по мошонке)»	40
Б. Фукуубу-но кэриката — «удар ногой в живот»	42
В. Кансацу-но кэриката — «удар ногой в колено»	43
3. Утиката — «хлесткие и рубящие удары руками»	45
4. Хидзи-ягэ — «удары локтем»	45
5. Татиката — «техника стоек»	52
А. Хатимондзи-дати — «стойка в виде иероглифа Восемь»	52
Б. Тэйдзи-дати — «стойка в виде буквы Т»	52

В. Мусуби-дати — «стойка с сомкнутыми пятками»	52
Г. Нако-аси-дати — «стойка — копчабы лапки»	52
6. Тэнсинхо — «техника поворотов»	55
7. Акурёку дзосин хо — «способы развития силы хвата»	55
А. Тикараси сиёхо — упражнения с «каменными силами»	56
Б. Тэцува — «железные кольца»	56
В. Сагэ-макивара — «подвесная макивара»	56
Глава 3. Базовые упражнения (кихон ундо) каратэ кэмпо	57
А. Сантин	57
Ката Сантин (иллюстрированное описание: иллюстрации с 1-й по 18-ю)	58
Б. Мастерские ката (кайсё)	79
Ката Сэнтин (иллюстрированное описание: иллюстрации с 1-й по 23-ю)	79
В. Аналитическое объяснение (буккай сэдзумэй) ката Сэнтин (иллюстрированное описание: иллюстрации с 1-й по 19-ю)	105
Глава 4. Правила для изучающих каратэ	128

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ (ПРИЛОЖЕНИЯ)

1. Заповеди сэнзэя Итосу Анко, основателя школы Итосу-ха и моего благодетельного учителя	135
2. Восемь ступок о важнейших составляющих кулачного искусства	137

Фунакоси Литин, инструктор клуба каратэ Университета Кайо	3. Вспоминания десятилетней давности	138
Конииси Ясухиро, инструктор каратэ Главного полицейского управления	4. Правила для рук и ног, определяющие будут они «живыми» или «мертвыми»	140
Мацумото Дэси	5. Стихотворение, воспевающее тодэ кэмпо	145
Танака Кигитаро, инструкторный жилетёр дикких гор	6. Заключительное слово	146

Глава 1.

Что такое каратэ.

Краткий исторический очерк каратэ

Что такое каратэ?

Мы убеждены, что среди всех многочисленных систем укрепления здоровья (кёкэндзюцу) и боевых искусств (будзюцу), которые существуют в настоящее время, нет, пожалуй, другой такой замечательной системы, как каратэ, которой легко и свободно мог бы заниматься любой человек, независимо от возраста и пола, получая при этом огромную пользу.

Во-первых, занятия каратэ не требуют много времени. Даже короткие занятия каратэ определено и эффективно позволяют занимающемуся достигать его цели. Во-вторых, для занятий каратэ требуется очень немного пространства, причем тренироваться в каратэ можно практически в любом месте. В-третьих, занятия каратэ дешевы, так как для них не требуется никакого специального тренировочного снаряжения. В-четвертых, поскольку фундаментом тренировки в каратэ является тренировка в ката — индивидуальных нормативных комплексах, занятия каратэ совершенно безопасны, кроме того, в них отсутствуют чрезмерные нагрузки, и совершенно нет угрозы переутомления, которое может быть вредно для организма. В-пятых, каратэ можно в удовольствие заниматься как в одиночку, так и в большой группе и независимо для самого себя сформировать столь великолепные тело и дух, что останутся только поражаться эффективности своих занятий.

В деятельности и в отдыхе, в сидении и лежании

Путь воина таков, что, стоит воину, хоть на короткое время, утрапить бдительность, действует ли он или отдыхает, сидит или лежит, как непременно наступает смута, и утрачивается постоянство (*m. e. норма, нормальное состояние* — *A. I.*). А посему всю жизнь служи усердно и отдавайся без остатка одному делу. Если не хочешь узнать, что бывает, когда наступает смута, разве можно лениться? (из «Начал обучения самурая» — «Букё сётаку»)

Ямага Соко

Чрезвычайно велик и психологический эффект от занятий каратэ. Оглядывая различные ката и кихон — базовыми техническими элементами, прямо и ясно воплощающими в себе сущность этого боевого искусства, каратист вырабатывает смелость, укрепляет мужество, становится обладателем неустранимого духа, который, наряду с могучим телом, когда-нибудь в чрезвычайной ситуации рукопашной схватки позволит ему повергнуть внешнего агрессора.

Но, с другой стороны, чем больше всего может гордиться тодэ, чем оно выделяется среди других систем, так это тем, что его великое наставление «Каратэ-ни сэн-тэ наси» — «В каратэ не нападают первыми» — постоянно напоминает последователю о необходимости самоконтроля и сдержанности, учит избегать необдуманных поступков, быть скромным, не относиться с пренебрежением к противнику, сколь бы слабым он ни казался. Элементарная статистика свидетельствует, что среди занимающихся каратэ очень много долгожителей, но самое главное — что, благодаря такой закалке тела и духа, каратист учится преодолевать свои слабости, побеждать самого себя.

Краткий исторический очерк каратэ

Описание системы изучения каратэ я хочу начать с краткого исторического очерка этого искусства.

Мы не знаем в деталях, как зародилось и развивалось кулачное искусство кэмпо, поскольку письменные источники, распекающие об этом, крайне скудны. Но, согласно преданиям, кэмпо зародилось в древнем Китае, в монастыре Шаолинь-сы, что на горе Суншань в провинции Хэнань. Шаолинь-сы — это монастырь, в котором, по преданию, знаменитый Великий Учитель Дамо просидел в медитации лицом к стене девять лет. Этот славный буддийский монах, пришедший в Китай из Индии,

разработал для монахов монастыря Шаолинь-сы, которые в то время, по причине чрезмерной аскезы, были в состоянии крайней слабости и болезненности, ката из восемнадцати форм и преподал его монахам, и вот это ката и явилось истоком каратэ.

Стили кэмпо делат на стили «внутреннего управления» (кит. *найчжи цюаньфа*, яп. *найти кэмпо*) и стили «внешнего управления» (кит. *вайчжи цюаньфа*, яп. *гай-ти кэмпо*), а еще на южные стили кэмпо (кит. *наньлай цюаньфа*, яп. *нанли кэмпо*) и северные стили кэмпо (кит. *байлай цюаньфа*, яп. *хонли кэмпо*¹).

Когда же эти стили были занесены в нашу страну и куда именно?

По всей видимости, это произошло в Эпоху Северной и Южной династий (1336—1392 — А. Г.), когда рюккюский король Сагто впервые вступил в сношения с Китаем и положил начало проникновению на остров Окинава китаяской духовной и материальной культуры. Возможно также, что кэмпо было привезено на Окинаву 36 китайскими семьями, которые переселились на остров в ту эпоху.

Позднее королевство Рюккю распалось на три княжества: Нандзан — «Южная гора», Тюдзан — «Средняя гора» — и Хокусан — «Северная гора», — и на острове началась эпоха междоусобиц — прямо как эпоха Воюющих княжеств в Японии (1467—1568 — А. Г.). В то время выдвинулся знаменитый богатырь Сё Хаши (*правили*

¹ В китайских источниках деление стилей «кулачного искусства» на стили «внутреннего управления» (кит. *найчжи цюаньфа*, яп. *най-ти кэмпо* — 内治拳法) и стили «внешнего управления» (кит. *вайчжи цюаньфа*, яп. *гай-ти кэмпо* — 外治拳法) не встречается. Однако китайские источники говорят о стилях «внутренней семьи» (кит. *найчжи-цзя*) и стилих «внешней семьи» (кит. *вайчжи-цзя* — 外家). Возможно, китаяские термины «найчжи» и «вайчжи» попали на Окинаву в искаженном звучании при устной передаче, а затем кто-то, возможно сам Мабуни, пытаясь записать их, постарался подобрать подходящие — как ему казалось — по смыслу иероглифы.

в 1422—1439 гг. — А. Г.), который объединил «Три горы» и стал королем Рюкю. По прошествии 460 лет¹ наступило правление короля Сё Син (*правил в 1477—1526 гг.* — А. Г.). Проводя политику, направленную на укрепление централизации власти, Сё Син издал первый Указ о запрещении ношения оружия, и по этой причине на Окинаве началось активное изучение кэмпо, которое уже давно было принесено на остров из Китая. То был, можно сказать, период младенчества каратэ-кэмпо.

В 14-й год Кэйтё (1609 — А. Г.) Окинава оказалась под властью японского феодального дома Симадзу, и тогда был издан второй Указ о запрещении ношения оружия. В результате изучение кэмпо продвинулось еще более, началось период становления современного каратэ-кэмпо; одновременно многие окинавцы, благодаря имевшимся связям с Китаем, стали ездить туда изучать каратэ.

Нашу школу Годзю-рю кэмпо — «Кулачное искусство Школы гармонии твердого и мягкого» — наш Учитель сэнсэй Хигаonna Канрё изучал в Китае (школа Годзю-рю наследует традицию фуцзяньского направления китаевского кулачного искусства). Кроме того, мой старший товарищ господин Мияги Тедзюн также ездил учиться в Китай. Вот так школа Годзю-рю и дошла до наших дней.

¹ Вероятно, в тексте ошибка, и следует читать «160 лет». Это с очевидностью следует из элементарного сопоставления дат правлений государей Сё Хаси и Сё Син — А. Г.

Глава 2.

Школы каратэ

Первое ката, которое Великий Учитель Дамо разработал для укрепления здоровья, называлось «Восемнадцать форм» (кит. *Шибашу*, яп. *Дзюхатисики*). Позднее число форм увеличилось и достигло тридцати шести, потом форм стало семьдесят две, а еще позднее — сто восемь. Так появились различные ката. Самыми известными и широко практикуемыми ныне являются такие замечательные ката, как «Супаринпай» («Сто восемь»), «Годзюсикхо» («Пятьдесят четыре шага»), «Сансэру» («Тридцать шесть»), «Сэпай» («Восемнадцать») и другие. По мере того, как развивались знания древних, китайский народ смог многое подметить, наблюдая за тем, как сражаются птицы и звери, и создал различные птицы и звериные стили кэмпо. Среди этих стилей можно выделить 3 группы:

а) «жесткие методы» (кит. *инфа*, яп. *кохо*): Стилль льва (Метод льва — кит. *Шуцзыфа*, яп. *Сиси-но хо*), Стилль тигра (Метод тигра — кит. *Хуфа*, яп. *Тора-но хо*);

б) «мягкие методы» (кит. *жоуфа*, яп. *дзюхо*): Стилль собаки (Метод собаки — кит. *Цюаньфа*, яп. *Ину-но хо*), Стилль обезьяны (Метод обезьяны — кит. *Юаньфа*, яп. *Сару-но хо*);

в) «полужесткие методы» (кит. *баньинфа*, яп. *ханкохо*): Стилль журавля (Метод журавля — кит. *Хэфа*, яп. *Цуру-но хо*).

Стили, принадлежащие к этим трем группам, отличаются друг от друга своими стойками (*татикама*), способами концентрации и приложения силы (*шикара-но цзэката*), использованием «жестких» и «мягких» методов и т. д. В Китайской республике в Фучжоу и в Шанхае

широко практикуется кулачное искусство монастыря Шаолинь-сы, а на Тайване — Стиль обезьяны и Стиль журавля.

На Окинаве в настоящее время существуют такие стили каратэ, как Хигаонна-ха, Игосу-ха, Мадзато-ха, Симабуккуро-ха, Арагаки-ха, Исимина-ха, Адзато-ха и другие. Среди молодых практиков боевых искусств мастером считается господин Мияги Тедзюн. Являясь старшим учеником сансэя Хигаонна, он дважды выезжал в Китай, чтобы изучать каратэ кэмпо, а в настоящее время на Окинаве активно исследует каратэ кэмпо и преподает школу Годзю-ха кэмпо — «Кулачное искусство Стиля гармонии твердого и мягкого».

Глава 3.

Каратэ кэмпо и закалка духа и тела

Сердцевина будо — дух. Техника — всего лишь его отражение. Поэтому в занятиях каратэ чрезвычайно важно на закалка духа. Соответственно, тренироваться нужно так, словно сражаешься не на жизнь, а на смерть. В отличие от других боевых искусств и систем самозащиты, в тренировках по каратэ нет ни оружия, ни противника, но только практика индивидуальных нормативных комплексов ката и закалка духа.

Выполняя ката, нужно постоянно следить за соблюдением следующих требований:

- 1) грудь должна быть расправлена, а плечи опущены;
- 2) глаза широко раскрыты, а подбородок опущен;
- 3) сила собрана в «нижнем киноварном поле» (*сайка тандэн*¹), а ноги прочно упираются в землю.

Все эти требования должны соблюдаться одновременно: бить кулаком нужно так, словно хочешь пробить насквозь железную калку; перемещаться вперед и назад нужно с максимальной скоростью, словно ведешь реальный бой с противником. В результате таких тренировок вы естественным образом создаете воинский дух и великолепно развитое тело.

Пословица гласит: «Здоровой дух живет в здоровом теле». Мы должны неуклонно следовать этому древнему поучению, закаляя тело и воспитывая дух.

Чего же можно добиться тренировкой в ката? Во-первых, укрепить мускулы и обеспечить гармоничное физическое развитие.

¹ По традиционным дальневосточным представлениям нижний энергетический центр, расположенный в точке, находящейся в центре живота на плоскости, горизонтально проходящей через живот на высоте трех пальцев ниже пупка — А. Г.

Во-вторых, научиться правильно изменять положение центра тяжести.

В-третьих, овладеть правильной техникой дыхания.

Изучая эти три аспекта, вы не только сможете понять сущность техники кампо, но и воспитать могучее здоровое тело и здоровый дух.

Остановимся более подробно на этих трех аспектах.

В первом случае имеется в виду, что изначально целью каратэ не является особо выдающееся развитие какой-то одной стороны тела — правой или левой, у каратиста не должно быть одностороннего перекоса в подготовке, он должен равно владеть и правыми, и левыми конечностями. От него требуется совершенная свобода в распоряжении конечностями; если он правша, то левой рукой он должен управлять так же, как правой; а если он левша, то правой он должен управлять так же, как левой.

Второй пункт подразумевает умение сохранять равновесие тела. При перемещениях, выполнении поворотов в результате применения неправильной, нерациональной техники перемещения или поворота центр тяжести также перемещается неестественным образом, а если его перемещение неестественно, то каратист оказывается уязвим для атаки противника.

Третий аспект относится к регулированию дыхания. С помощью дыхания мы регулируем наше физическое состояние, по дыханию узнаем намерения противника, место на нашем теле, куда будет нацелена его атака. Какой бы совершенной не была техника нападения каратиста, если он не знает правильной техники дыхания, то все его усилия будут напрасны — всего лишь пена на воде. Такого каратиста можно сравнить с паровозом с поврежденной трубой: какими бы первоклассными не были рельсы, сколь хорошо бы не был мотор, если у паровоза повреждена труба, он не покатит по рельсам.

Глава 4.

Практическая польза от занятий каратэ

Каратэ, как уже говорилось, представляет собой систему созидания духа и тела посредством практики ката и требует постоянного совершенствования и поиска. Серьезные занятия каратэ позволяют вам отразить внешние нападения врага или предотвратить его. Для этого каратист должен постоянно сохранять бдительность. Неустанно и каждодневно тренируясь так, словно он ведет бой не на жизнь, а на смерть, каратист естественным образом обретает уверенность в себе, отвагу, развивает смелость и боевой дух. Так, совершенствуясь в боевом искусстве, даже если он был робок в начале пути, он обретет великую смелость в конце его, станет человеком волевым и нестигаемым. Примеров этому можно привести великое множество как из времен прошлых, так и из нынешних, как из истории нашей страны, так и из истории других стран.

В каратэ существует очень много ката. Однако знать множество ката еще не означает быть сильным. Лучше знать немного ката, и пусть ваше знание их будет обширным и глубоким. А еще чрезвычайно важно, чтобы вы действительно поняли суть тех ката, которые изучаете, и сделали их своими. В старину лишь немногие мастера каратэ знали по многу ката.

В действительности, только о том человеке, который, зная всего несколько ката, глубоко изучает их, можно сказать, что он действительно изучает каратэ. Мой старший товарищ, господин Мияги Тедзюн один только фундамент кампо — ката Сантин изучал на протяжении нескольких лет. Зато сегодня на Окинаве всякий человек,

независимо от того, знает он сам каратэ, или нет, знает имя господина Мияги.

Гораздо полезнее глубоко-глубоко изучить одно ката, нежели, не вкладывая в дело душу, выучить десять. Дело в том, что ключ к мастерству заключен в самом человеке. И мне хотелось бы пожелать читателю проникнуться сознанием того, что основательно знать немного гораздо важнее, чем знать многое, но поверхностно. В любом виде боевого искусства от ученика требуется поиск и копание вглубь, но в каратэ это требуется в гораздо большей степени, чем где-либо еще.

Некоторое время назад главный священнослужитель храма Майдзи-дзингу генерал армии Итиноэ дал каратэ такую оленку: «В наше время, в эпоху сокращения вооружений, особенно важно патристическое воспитание, чтобы весь народ в критической ситуации мог грудью встать за наше государство, будучи подготовлен к защите Родины. На Западе уже давно существует такая система военной подготовки населения. У нас же, на Дальнем Востоке, такой системы пока нет. С этой точки зрения, мне представляется, что каратэ — чрезвычайно эффективный способ психологической подготовки».

В январе 2-го года Сева (1927) президент Кодокана, основатель дзюдо сэнсэй Кано Дзигоро посетил Окинаву и на протяжении двух дней наблюдал показ ката и бункай — расшифровок ката, в котором принимали участие господин Мияги Тэйюн и автор. Тогда сэнсэй Кано Дзигоро дал каратэ очень высокую оценку. «Искусство каратэ — эффективное искусство нападения и защиты, его следует пропагандировать и распространить по всей стране», — сказал он.

Благодаря занятиям каратэ, каратист достигает такого умения, когда может запросто с одного удара уложить противника. Но, именно благодаря занятиям каратэ, он знает, что пускаться в ход кулаки и ноги, чтобы причинить

другому человеку вред, — самое последнее дело, самое низкое, что только может быть.

Пословица гласит: «Обнаженное оружие влечет тяжёлую рану». Чем больше мы изучаем каратэ, тем осторожнее и скромнее мы должны становиться. Мы всегда должны стремиться только к миру.

Старая поговорка гласит: «Умелый сокол прячет когти». Каждый, кто изучает каратэ, должен глубоко почувствовать смысл этой поговорки. Иероглиф «бу» (武), которым обозначаются боевые искусства, состоит из двух частей, которые вместе означают «останавливать оружие» или «пресекать насилие». Помните, что бездумно пускаться в ход кулаки и ноги, чтобы сделать другим больно, — это вовсе не боевое искусство.

Боевое искусство, в первую очередь, требует от человека обуздывать себя и быть скромным. Особенно большое внимание этому должен уделять человек, изучающий каратэ.

Боевые искусства изучают не для того, чтобы размахивать кулаками и пинать ногами. Истинное назначение боевых искусств — поддерживать равновесие и порядок, а высшими их целями являются гармония и мир.

Стоять за справедливое дело значит проявлять мужество; принимать сторону зла значит совершать преступление.

Задумайтесь, как кончали в старину жизнь те последние воители боевых искусств, которые осмеливались выступить на стороне зла, запятнать имя учителя, осквернить память предков?

Мне хотелось бы видеть, что ученики каратэ изо всех сил стремятся стать людьми, которые за правое дело не побоятся пойти и против десяти тысяч врагов.

Во время событий Реставрации Майдзи в 1868 году святой искусства меча сэнсэй Ямаока Тэсю, исполнивший решимость отдать свою жизнь ради спасения

Горожан сёгунской столицы Эдо, отправившись в лагерь командующего императорскими войсками Великого Нансю — господина Сайто Такамори и, окруженный великим множеством враждебных воинов из Сацумы, величаво обратился к ним: «Я — вассал врага императора Токугава Кэйки по имени Ямаока Тэцутаро!» — и затем рассказал, зачем прибыл в их лагерь, выказав так свою непреклонную веру в торжество справедливости.

Основа в деле совершенствования

Великий китайский мудрец Конфуций (552/551—479 гг. до н.э. — А. Г.) сказал:

«Основой должно быть всеобщее совершенствование в единении, начиная с Сына Неба до простого люда» («Луньью»).

ЧАСТНЫЕ ВОПРОСЫ

Часть 2.

各論

Глава 1.

Подготовительные упражнения карата

Перед любыми упражнениями, сопряженными с большими нагрузками, чрезвычайно важно выполнить подготовительные упражнения (*ёбу ундо*).

Особенно важны подготовительные упражнения в карата, где в тренировке задействуются силы всего тела, где тренируются с полной самоотдачей. Подготовительные упражнения, которые описаны далее, предназначены для развития гибкости и эластичности мышц и связок суставов, а также для их укрепления и развития выносливости. Они также помогают в полной мере понять ката Сантин и Тэнсё, которые являются важнейшими базовыми ката карата, которые значительно облегчают освоение высших ката карата (*кайсё-но камид*).

Упражнения для ног

А. Встать прямо в прочную устойчивую стойку, руки поставить на пояс, ступни развести на ширину плеч и повернуть носками наружу (стойка *хамидзи-дани*), подобрать стопы, оторвать ее пятку от пола, затем медленно опустить и вернуться в исходное положение. Выполнять упражнение попеременно правой и левой ногами по несколько раз подряд.

Б. Упереться пальцами обеих стоп в пол, одновременно оторвать обе пятки от пола и медленно опуститься в исходное положение. Повторить упражнение несколько раз.

В. Исходное положение — такое же, как в упражнении А. Упереться пятками в пол, расправить грудь, поднять носки стоп вверх и медленно опустить в исходное положение. Повторить упражнение несколько раз.

Питье, еда, половое влечение и жадность

Когда превышают меру в питье и еде, рождаются болезни, вспыхивают раздоры. Если же выпадают в спячку, кости и плоть становятся тяжелыми. Когда ленятся заниматься делами, то пренебрегают домашними заботами, в службе наступают застой, а расходы чрезвычайно возрастают. Когда предаются похоти, часто случаются внутренние распри, а в главнейших делах ищут личную выгоду; когда семья и жизненная энергия *ци* загрязнены, то плечут разговоры, и этого нужно опасаться больше всего. Ответственность тяжела, а Путь далек, но его нужно пройти до конца, имея всё это в виду («Начала обучения самурая» — «Буке сёгаку»).

Ямага Соко

Г. Широко расставить ноги, присесть на левую ногу, максимально вытянуть правую, левой ладонью надавить на левое колено, а правой ладонью — на правое колено. Повторить упражнение несколько раз, переходя в приседе с левой ноги на правую и наоборот.

Д. Поставить ноги вместе, выпрямиться, наклониться вперед, положить руки на колени, присесть на корточки и встать. Повторить упражнение несколько раз.

Е. Попеременно выставлять ноги вперед, мягко вращая стопами. Выполнив по несколько вращений.

Упражнения для шеи

А. Встать прямо в прочную устойчивую стойку, руки поставить на пояс, прикрыть глаза, голову немного наклонить вниз. Вращать головой — влево, вверх, вправо, вниз и снова влево. Выполнив вращение в противоположном направлении. Повторить упражнение три-четыре раза.

Б. Прикрыть глаза, руки поставить на пояс, прогнуть-ся в пояснице и медленно вернуться в исходное положение. Повторить упражнение три-четыре раза.

В. Исходное положение прежнее, широко открыть глаза, поворачивать головой вправо-влево. Выполнив по три-четыре поворота в каждую сторону.

Упражнения для талии

А. Принять стойку хатидзи-дзуги с расставленными ногами; наклониться вперед и опустить руки вниз; выпрямить ноги в коленях, нажимая на колени руками, выполнить наклоны вниз. Повторить упражнение несколько раз.

Б. Исходное положение прежнее. Завести руки за спину и одновременно присесть максимально низко, развести ноги в положение *сико* («четырехугольника»), выпрямить ноги и вернуться в исходное положение; од-

новременно сильно сжать руки в кулаки за спиной и поднести их к подмышкам. Повторить упражнение несколько раз.

В. Вытянуть руки над головой; наклоняясь в стороны, потянуть туловище. Повторить упражнение несколько раз (описание других подготовительных упражнений опущено).

Глава 2.

Дополнительные упражнения каратэ

Дополнительные упражнения (*ходзэ ундо*) — это упражнения с различными снарядами, необходимые для овладения и совершенствования в «мастерских ката» (*кайсюгата*), для приучения всех частей тела к специфическим движениям, а также для максимального развития силы всех частей тела.

Кобуси-но нигириката — правильное сжатие кулака

Четыре пальца ладони от указательного до мизинца, за исключением большого, сильно сжимаются, после чего большой палец накладывается на вторые фаланги указательного и среднего пальцев и сильно прижимает их сверху.

Пужиката — техника прямых (тычковых) ударов руками

А. Тёку-дзюки — «прямой удар»

Плечи опустить, грудь расправить, поясницу поставить строго вертикально, ногами сильно упереться в пол, силу сосредоточить в «киноварном поле» *мандэн* и нанести прямой удар по прямой линии, как показано на рис. 1.

Б. Агэ-дзюки — «восходящий удар»

Исходная стойка такая же, как при ударе *тёку-дзюки*. Нанести удар, как показано на рисунке, метя противнику в подбородок снизу (см. рисунок для удара *агэ-дзюки* на странице 38).

В. Фури-дзюки — «маховый удар»

Удар наносится кулаком маховым движением по кругу вправо или влево, метя противнику в лицо, как показано на рисунке.

Г. Ва-дзюки — «круговой удар»

«Круговым ударом» *ва-дзюки* называется удар кулаком, наносимый с изменением траектории, который применяется в том случае, если противник сумел заблокировать ваш первый прямой удар кулаком.

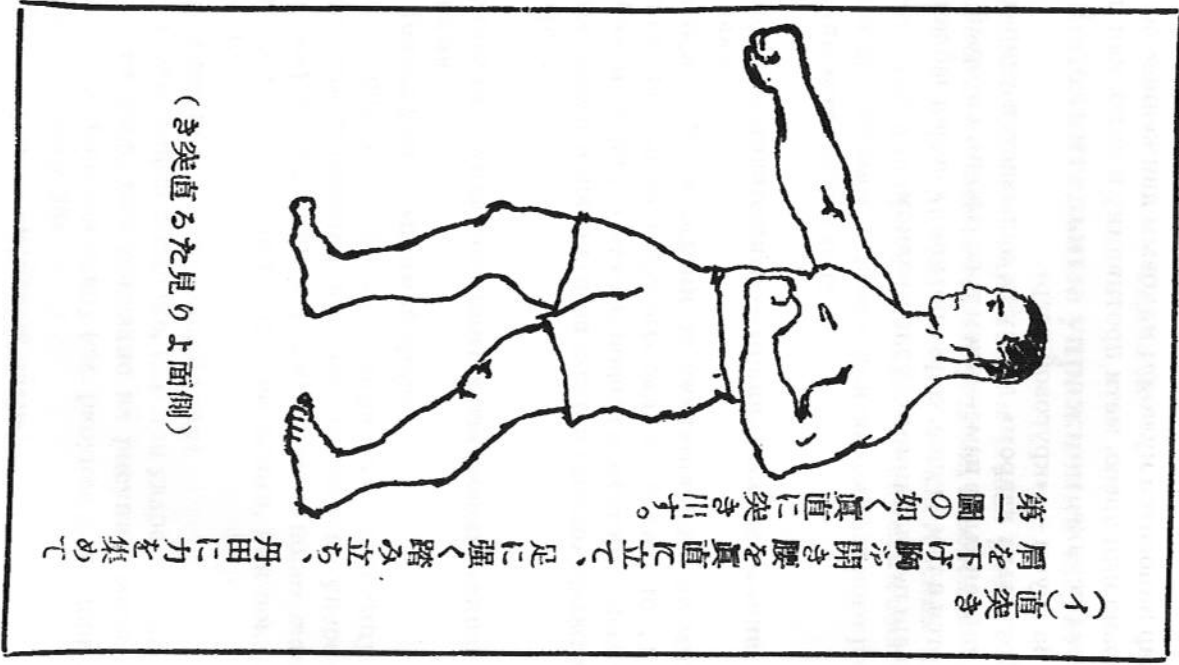

Рис. 1. Удар тэку-дзүки: вид сбоку

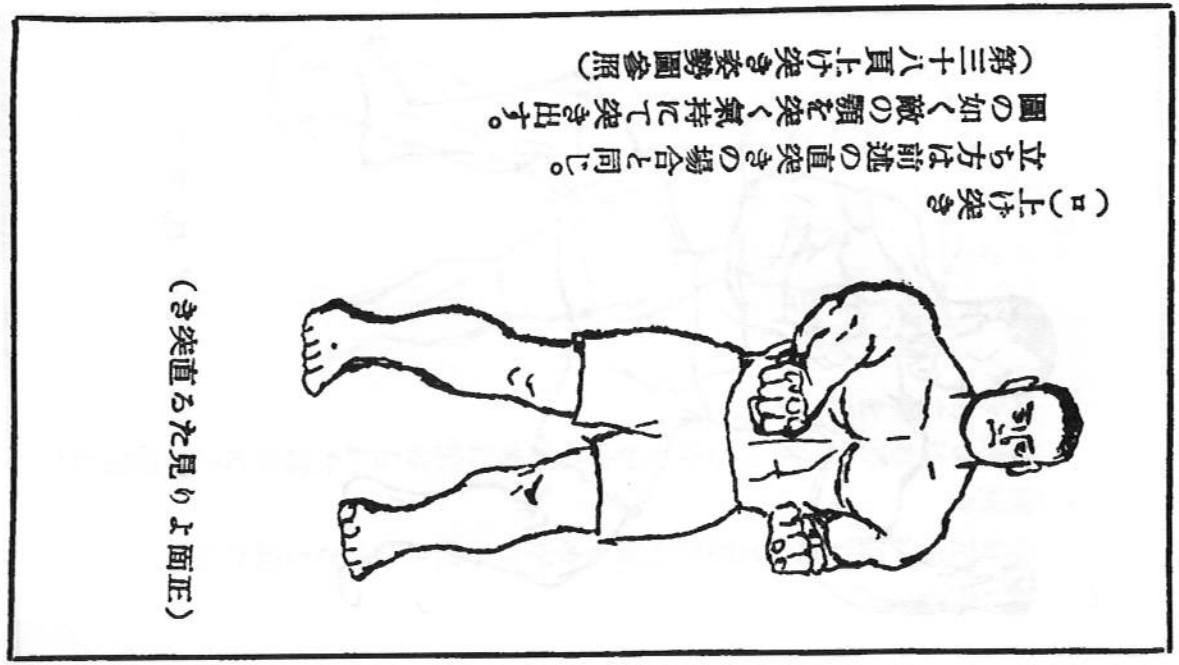
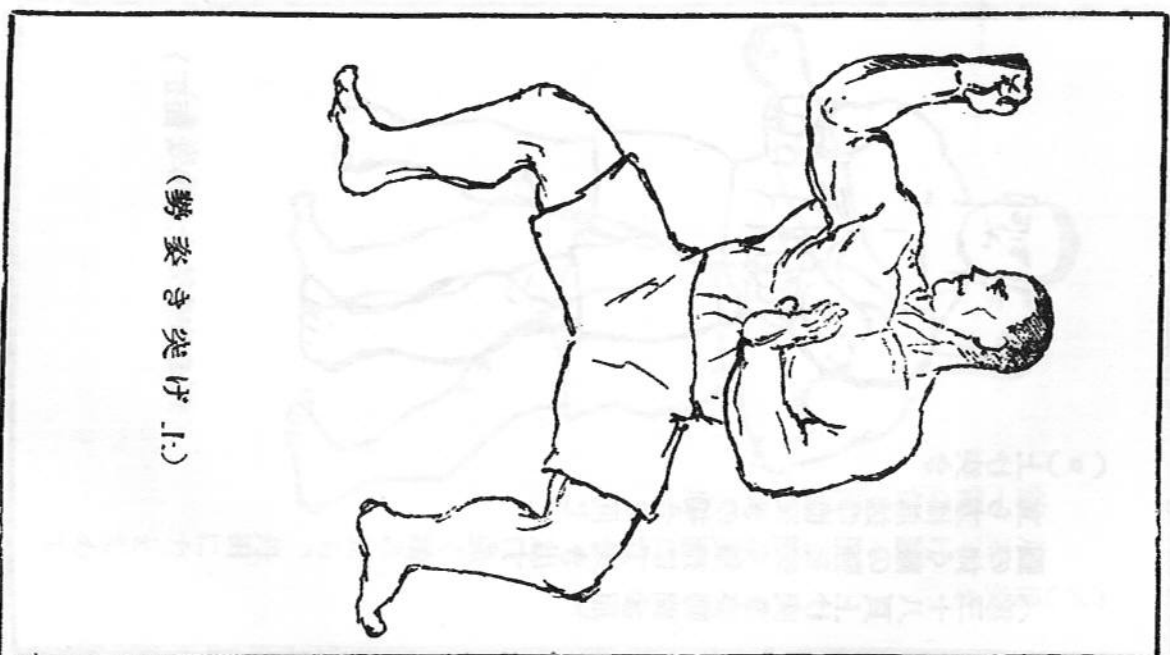
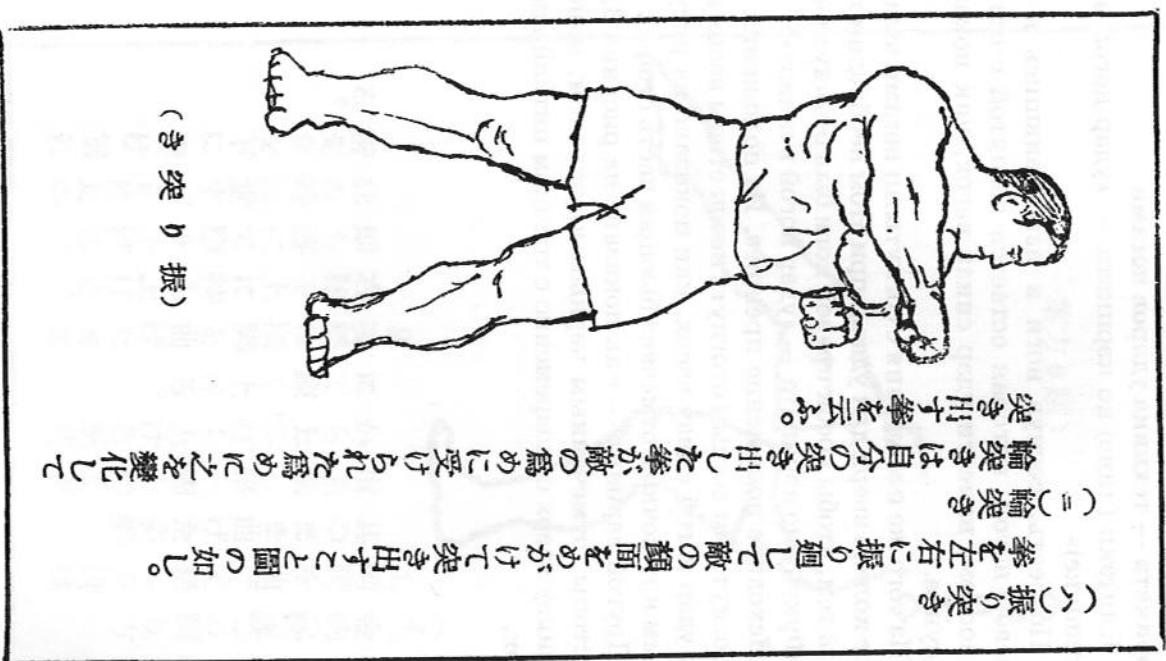

Рис. 2. Удар тэку-дзүки: вид спереди

(勢姿き突げ .1.)

Рис. 3. Удар аге-дзюки

(き突り振)

(ハ)振り突き
 拳を左右に振り廻して敵の顔面をめぐけて突き出すこと圖の如し。
 (ニ)輪突き
 輪突きは自分の突き出した拳が敵の爲めに受けられた爲めに之を變化して
 突き出す拳を云ふ。

Рис. 4. Удар фури-дзюки

Кариката — техника ударов ногами

А. Кинтэки (инно)-но кариката — «удар ногой в пах (по мошонке)»

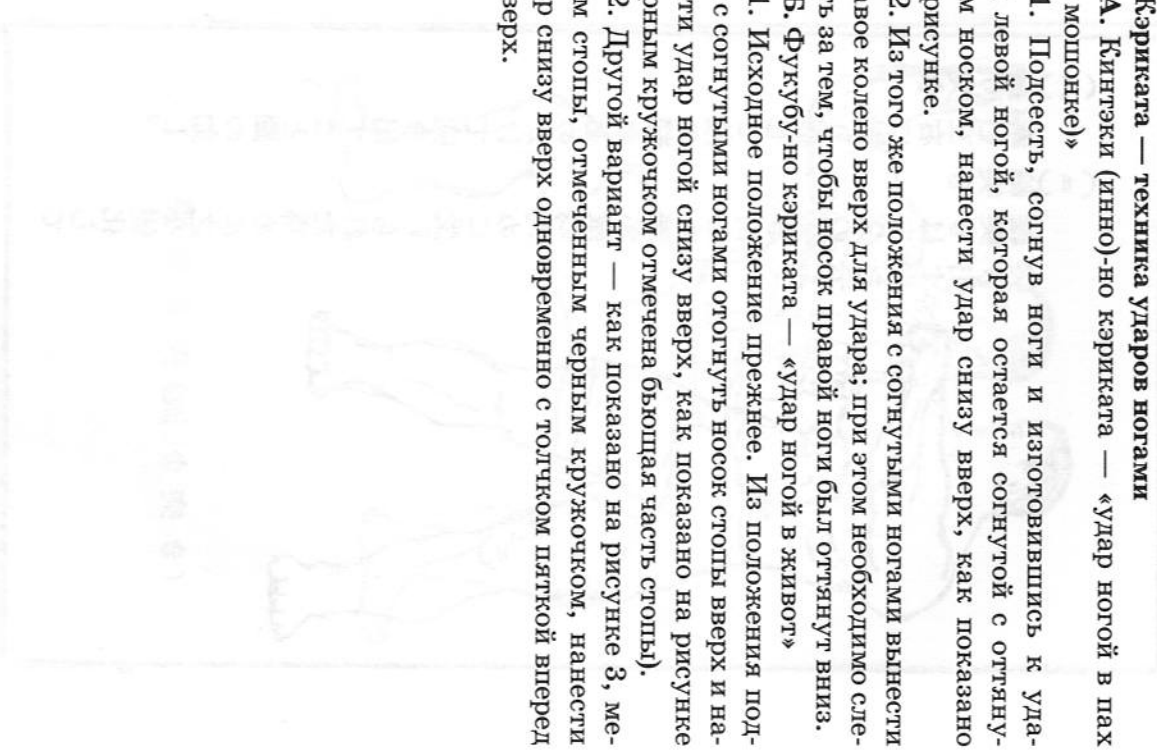
1. Подсесть, согнув ноги и изогнувшись к удару; левой ногой, которая остается согнутой с оттянутым носком, нанести удар снизу вверх, как показано на рисунке.

2. Из того же положения с согнутыми ногами вынести правое колено вверх для удара; при этом необходимо следить за тем, чтобы носок правой ноги был оттянут вниз.

Б. Фукубу-но кариката — «удар ногой в живот»

1. Исходное положение прежнее. Из положения подсев с согнутыми ногами отогнуть носок стопы вверх и нанести удар ногой снизу вверх, как показано на рисунке (черным кружочком отмечена бьющая часть стопы).

2. Другой вариант — как показано на рисунке 3, местом стопы, отмеченным черным кружочком, нанести удар снизу вверх одновременно с толчком пяткой вперед и вверх.

(圖一第方り蹴)

◇ 蹴り方 ◇

(1) 金的(陰囊)の蹴り方
 1. 兩脚を曲げて構へ左脚は
 其のまま曲げた姿勢にて
 指先延し第一圖の如く下
 から上に打ち上げる氣持
 にて蹴り上げる。
 2. 姿勢は兩脚を曲げたま
 右膝を上を持ち上げる、
 即ち膝にて蹴り上げる、
 此の時注意すべきは足の
 指先を下に向け垂れ
 る。

Рис. 1. Кинтэки (инно)-но кариката

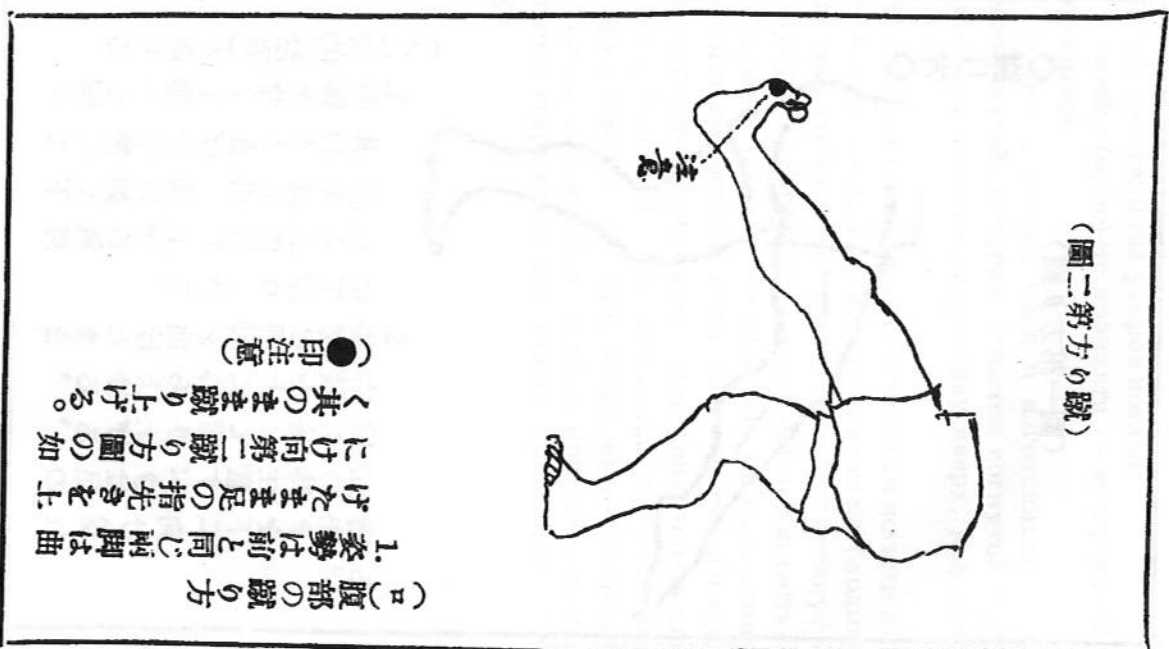

Рис. 2. Фуккубу-но кариката

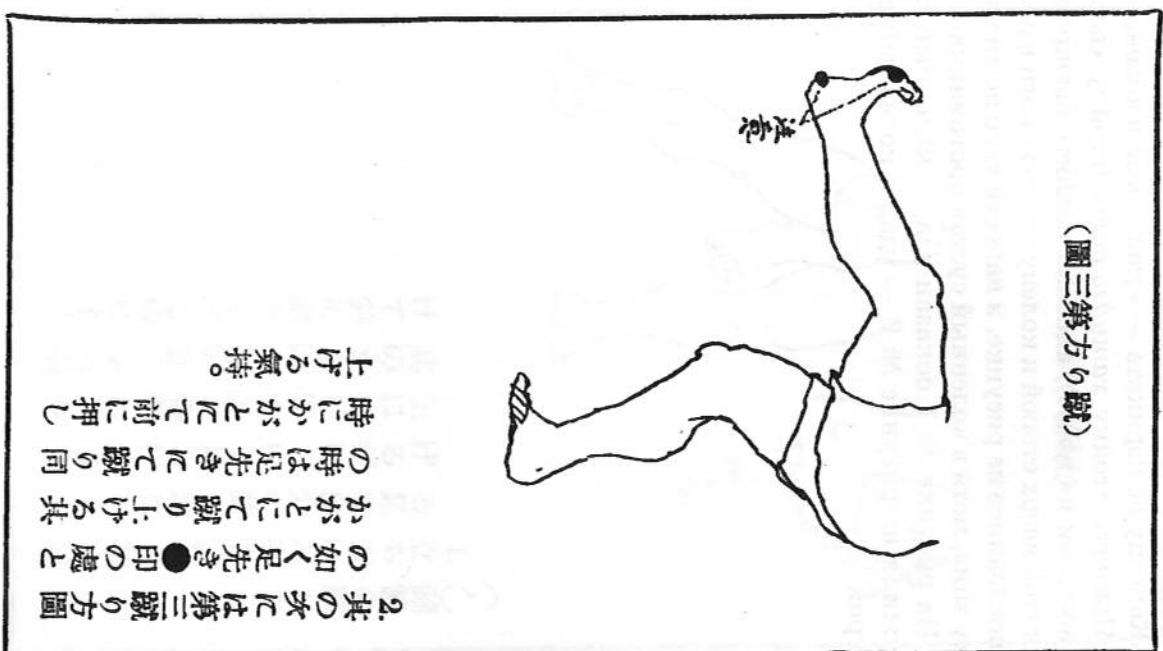

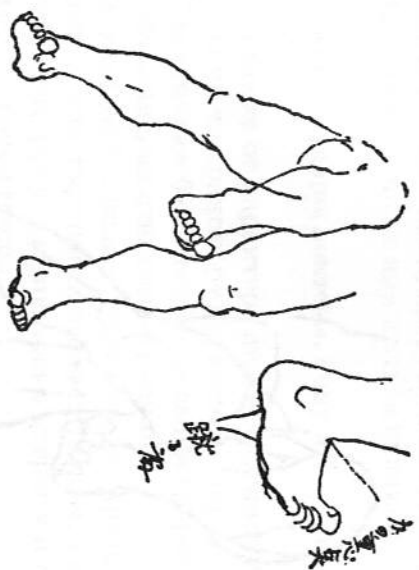
Рис. 3. Фуккубу-но кариката

В. Кансацу-но кариката — «удар ногой в колено»

1. Принять стойку *хатидзи-дзюми* (стойку «восьмерки с носками наружу»), сначала поднять бьющую ногу с поднятой вверх стопой к колену опорной ноги в положение, показанное на рисунке, и нанести удар по диагонали сверху вниз, метя в коленный сустав прогивника.
2. На рисунке № 1 показан удар в коленный сустав снаружи, а на рисунке № 2 — удар в коленный сустав изнутри.

(圖一) 第方りの蹴の節關

(ハ) 關節の蹴り方
 1. 立ち方は八字立(外)、初め蹴る足は自分の膝の處に少し上げ、氣持ちにて足の指先きを上に向け圖の如く姿勢に取り、其のまま敵の膝關節分を目掛けて斜に蹴り下げる様にす。

Техника ударов ногами в колено. Рис. 1

(圖二: 第方り蹴の筋絡)

Техника ударов ногами в колено. Рис. 2

Утиката — техника хлестких и рубящих ударов руками

Хира-ути — «горизонтальный удар»

Удар ладонью с разжатыми пальцами по лицу противника называется «хира-ути». Удар может наноситься движением как снаружи внутрь, так и изнутри наружу. Этот удар может также наноситься кулаком.

Хиган-атэ — «удары локтем». **Року-атэ** — «шесть ударов»

В зависимости от характера атаки противника, приемы защиты часто трансформируются в удары локтями; при этом различают 6 способов нанесения ударов локтем. Далее я объясню их с помощью рисунков.

На рисунке № 1 показан удар локтем, применяемый в ситуации, когда противник атакует ударом, а вы левой рукой отбиваете руку противника в сторону и одновременно бьете локтем в грудь.

На рисунке № 2 показан удар локтем в солнечное сплетение противнику, который нападает сзади, пытаясь обхватить вас.

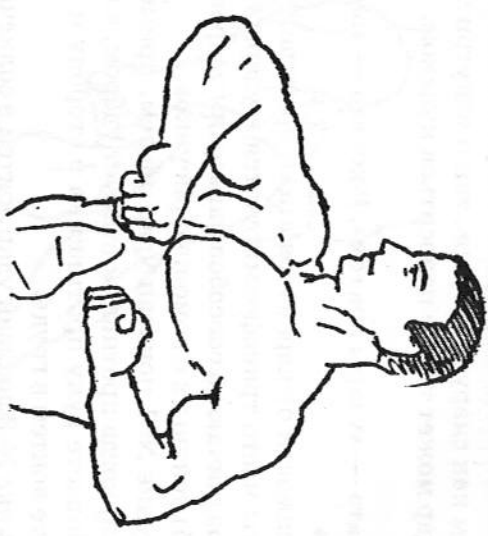
На рисунке № 3 показан удар локтем, наносимый в солнечное сплетение противнику после блокирования удара его руки.

На рисунке 4 показан удар локтем, применяемый в том случае, если противник атакует вас прямым ударом локтем, а у меня нет возможности отступить назад. В такой ситуации я разворачиваюсь корпусом по диагонали, как показано на рисунке, и наношу противнику удар локтем сбоку.

На рисунке № 5 показан удар локтем, наносимый в солнечное сплетение или в спину упавшего на землю противника.

На рисунке № 6 показан удар локтем, наносимый противнику в грудь или солнечное сплетение.

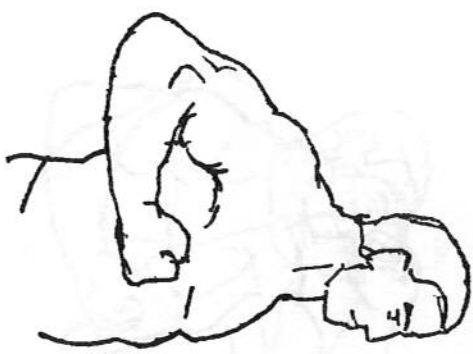
(圖一 第壹臂)

第一圖の臂壹は敵が打ち込ん
で来た時我は左手にて敵の手
を拂ひ同時に胸部を目掛けて
臂當す。

Рис. 1. Хидзэн-агэ.

(圖二 第壹臂)

第二圖は敵が後よりの組み付い
た時我は臂にて敵の水月に當
てる。

Рис. 2. Хидзэн-агэ.

(圖三 第壹臂)

第三圖は敵の手を變化受けし
て敵の水月に當てる。

Рис. 3. Хидзи-атэ.

(圖四 第壹臂)

第四圖は敵が突き來る時、我
は後に引く事が出來ない時、
自分の體を斜にして圖の如く
敵手を横打ちす。

Рис. 4. Хидзи-атэ.

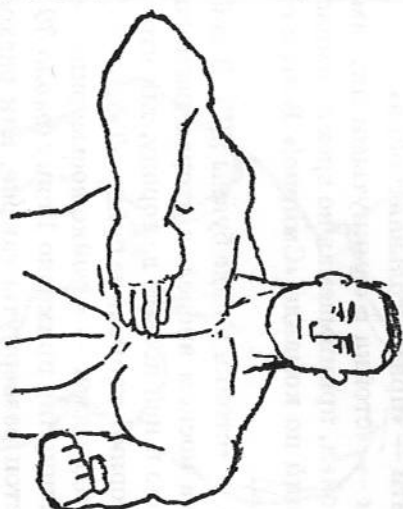
(圖 五 第 當 臂)

第五圖は敵が倒れた時臂にて
敵の水月か或は背を當てる。

Рис. 5. Хидзи-атэ.

(圖 六 第 當 臂)

第六圖は敵の胸部が水月に當
てる。

Рис. 6. Хидзи-атэ.

Татиката — техника стоек

Существует 6 видов стоек: мусуби-дати — «стойка с сомкнутыми пятками», тэйдзи-дати — «стойка в виде буквы Т», сото хатидзи-дати — «стойка восьмерки (八) с носками стоп наружу», ути хатидзи-дати — «стойка восьмерки с носками стоп внутрь», нэко-аси-дати — «стойка — кошачьи лапки», сико-дати — «прямоугольная стойка».

Мусуби-дати — «стойка с сомкнутыми пятками» — это обычная стойка, принимаемая во время гимнастических упражнений по команде «Смирно!» В этой стойке пятки сомкнуты.

Тэйдзи-дати — «стойка в виде буквы „Т“». В ней одна нога выставлена носком вперед, а вторая расположена перпендикулярно к ней носком в сторону, так что стопы полностью повторяют написание буквы «Т».

В стойке хатидзи-дати — «стойке восьмерки» — ноги расставлены на ширину примерно 1 сяку (около 30 см — А.Г.), а носки стоп развернуты так же, как расходятся черты в иероглифе «Хати» — «Восемь» (八). Этот вариант стойки называется «сото хатидзи-дати» — «стойка восьмерки с носками стоп наружу».

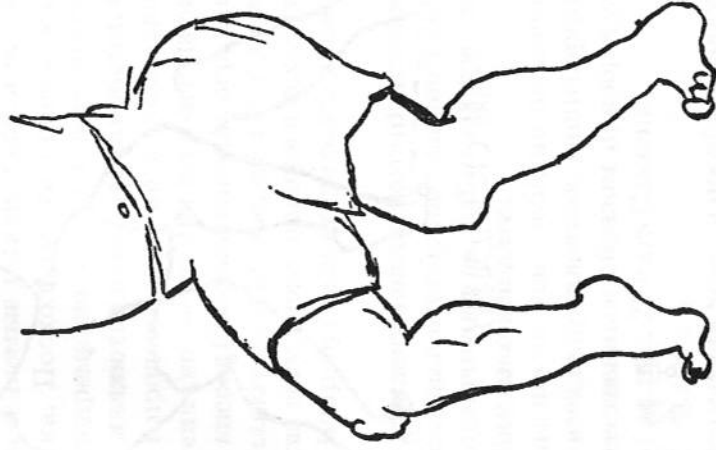
В противоположность ей, в стойке ути хатидзи-дати — «стойке восьмерки с носками стоп внутрь» — носки повернуты внутрь, друг к другу, а пятки развернуты наружу.

В стойке нэко-аси-дати — «стойке — кошачьи лапки» — пятка передней ноги слегка приподнята над полом, задняя нога нагружена, поясница поставлена строго вертикально, а зад немного выставлен наружу. Эта стойка позволяет совершать быстрые перемещения, в частности, резко скачком сближаться с противником.

Сико-дати — «прямоугольная стойка» — похожа на сото хатидзи-дати, но ноги в ней расставлены значительно шире.

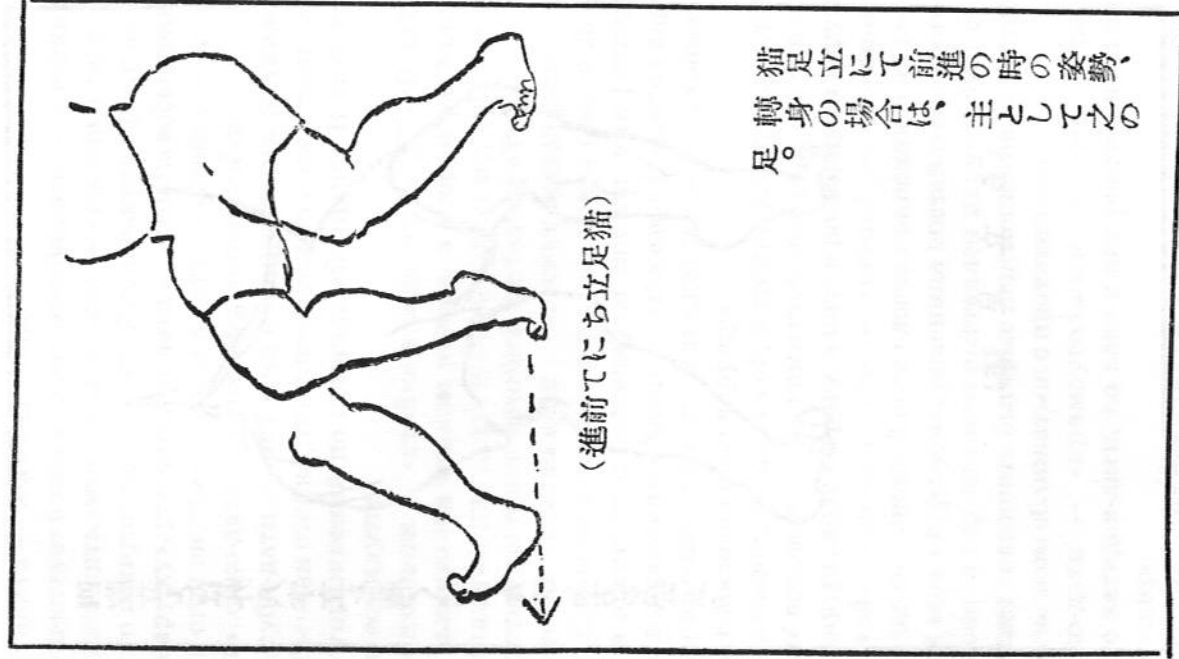
Здесь показана техника перемещения вперед в стойке нэко-аси-дати, этот шаг вперед используется также и при выполнении поворота.

四股立とは外八字立を廣く開いた立ち方を云ふ。

(ち 立 足 猫)

«Стойка нэко-аси-дати»

Техника перемещения вперед в стойке неко-аси-дати

Техника поворотов (тэнсинхо)

«Техникой поворотов» (тэнсинхо) называют приемы маневрирования с поворотами в различных направлениях, применяемые в зависимости от характера атаки противника. Поскольку эти приемы маневрирования, которые непременно должны выполняться на высокой скорости, являются наиболее важными, совершенно необходимо в процессе занятий досконально их освоить.

Положение ног — стойка неко-аси-дати. При выполнении шага вперед (дзэнсин) сначала переднюю ногу на пятке выставляют на шаг вперед и тут же подтягивают за ней заднюю ногу, снова приходя в исходную стойку неко-аси-дати. Попробуйте повторить это движение несколько раз подряд.

При отступлении назад (котай) из той же стойки неко-аси-дати сначала отставляют сзади стоящую ногу назад, а затем подтягивают за ней переднюю, приходя в исходную стойку неко-аси-дати.

Если вы научитесь свободно перемещаться в такой стойке во всех направлениях, ваши передвижения постепенно естественным образом приобретут необходимую быстроту (см. рис. 21 ката Сээнтин).

Акурёку дзосин хо — «способы развития силы хвата»

Во всех боевых искусствах требуется большая сила хвата. Особенно она важна в каратэ кэмпо, поскольку главным оружием в этом боевом искусстве являются удары. Если вы слабо сожмете кулак, то и удар у вас будет слабым. Если же сожмете кулак с большой силой, то и удар у вас будет сильным. Для развития силы хвата используйте свободные упражнения в низкой стойке сико-дати, как это зафиксировано на фотографиях, размещенных в фотографической вклейке этой книги.

А. Упражнения с «каменными силами» (*тикараиси, тиси*)
Изготовить каменную булаву того типа, какой показан на фрагменте фото, отмеченном знаком «1». Сильно сжав рукоять булавы в руке, выполнять различные упражнения.

Б. На фрагменте фото, отмеченном знаком «П», показаны «железные кольца» *тэцува*; держа два таких кольца в руках, руки попеременно выбрасывают вперед, поднимают и опускают, как показано на фрагменте фото, отмеченном знаком «1».

В. *Сагэ-макивара* — «подвесная макивара»

Чтобы изготовить «подвесную макивару», в мешок из крепкой джутовой ткани насыпают смесь песка и железных опилок, взятых в равном объеме, чтобы мешок имел вес 50—60 кин (30—36 кг — А. Г.). Этот мешок подвешивают на перекладине высотой примерно в 1 дзё (ок. 3 м — А. Г.) с помощью веревок, прикрепленных к нему сверху и снизу, так, чтобы он висел горизонтально примерно на высоте вашей груди. Встав по разные стороны от мешка, два каратиста поочередно отталкивают его от себя. Когда мешок прилетает, его встречают грудью и останавливают, упираясь в землю ногами. Можно также отталкивать мешок от себя ударами ног и останавливать его ударами локтем. Это упражнение позволяет развивать силу ног и поясницы, пресса, которая чрезвычайно важна при ударах (см. фото в фотографической вклейке).

Глава 3.

Базовые упражнения (*кихон ундо*) каратэ кэмпо

А. Сангин

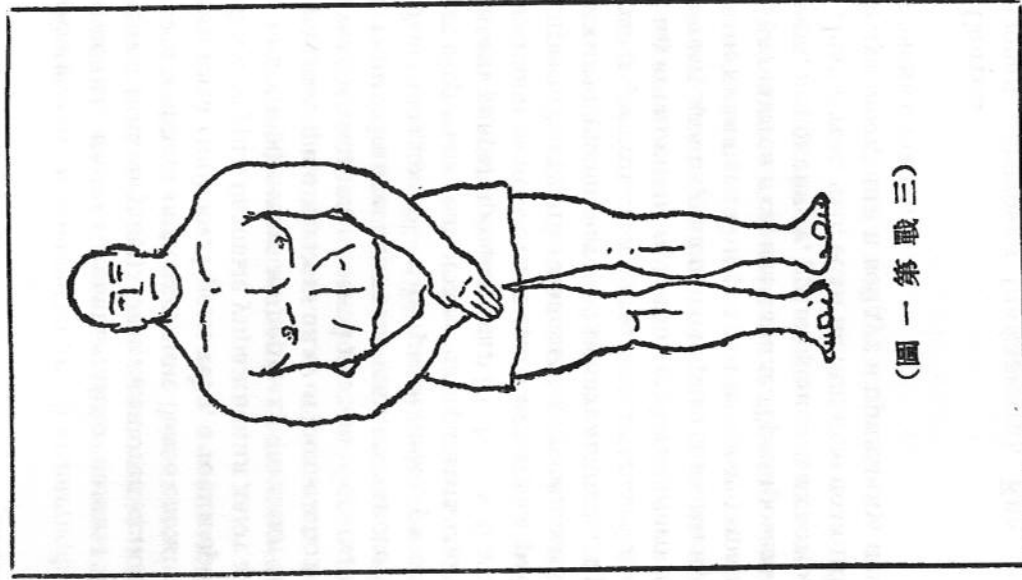
В изучении каратэ чрезвычайно важны базовые упражнения (*кихон ундо*). Они являются основой всех ката каратэ и облегчают овладение более сложными мастерскими ката «кайсю». Кроме того, с точки зрения физической культуры, базовые упражнения дают массу положительных эффектов: во-первых, закаляя мышцы, они сохраняют физическую силу и позволяют хорошо развить тело и воспитать боевой дух; во-вторых, они формируют гармоничное единство дыхательного процесса — вдохов и выдохов — с напряжением и расслаблением мышц; в-третьих, они позволяют развить способность выдерживать удары противника.

В психологическом отношении активная работа сознания при выполнении базовых упражнений тренирует психику: развивает наблюдательность, проницательность и умение мыслить, воспитывает личностно-обладающую сильным чувством собственного достоинства. Поэтому для изучающего каратэ самыми нужными и важными являются как раз эти базовые упражнения, которые изучаются в самом начале. Тренироваться нужно не спеша, в спокойном, уравновешенном состоянии сознания. Дело в том, что, если начальные позиции и движения будут нехороши и войдут в привычку, исправить их будет очень сложно.

Ката Сангин

1. Базовая изготовка (*камаэката*). Как показано на рис. 1, руки сложить перед гениталиями, плечи опу-

стить, грудь расправить, подбородок опустить, напрячь мышцы шеи. Взгляд прямо вперед, область «киноварного поля» (*тандэн*) напрячь. Стопы расположены, как в стойке «смирно» (рис. 1).

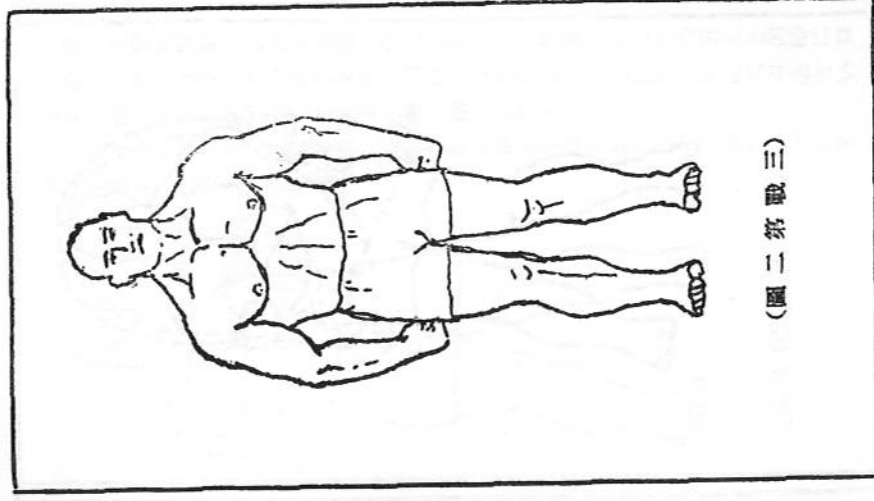

(圖一第戰三)

Рис. 1

2. Как показано на рис. 2, повернув стопы на носках, развести стопы параллельно друг другу, одновременно сжать кулаки и развести их в стороны, плечи опущены. Во время выполнения этого действия рот закрыт. Сделать небольшой вдох носом.

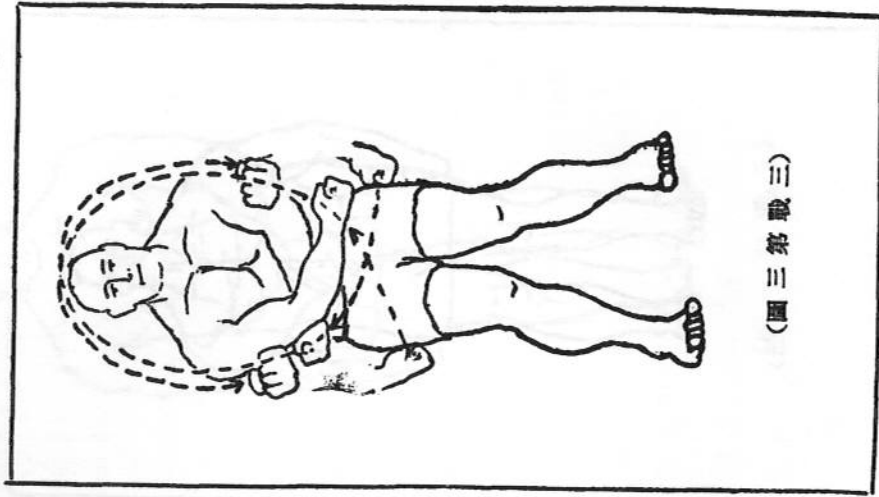
3. Подвести правый кулак к левому локтю и одновременно сделать шаг вперед правой ногой, ведя ее по дуге, которая приближается к пальцам левой ноги. Во время выполнения шага развести сжатые в кулаки руки в стороны,

(圖二第戰三)

Рис. 2

выйдя в позицию, показанную на рис. 3. В конечном положении *кэмпо* — «головки кулаков», которыми наносятся удары, расположены чуть ниже плеч, а расстояние от локтей до боковых поверхностей туловища приблизительно равно одному кулаку. Стопы должны быть расположены таким образом, чтобы пятка правой ноги располагалась на одной линии с носком левой. Ноги немного согнуть так, чтобы колени и носки располагались практически на одной вертикальной линии. Колени с усилием сжать

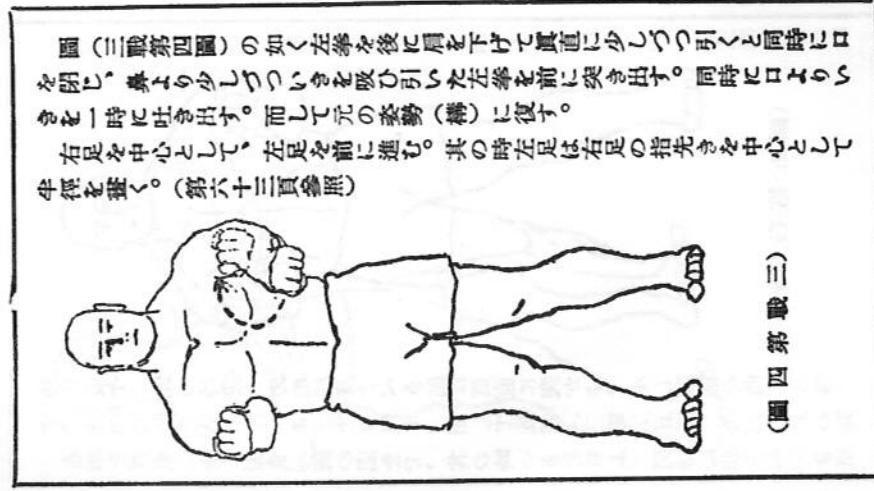

(圖三第戰三)

Рис. 3

внутри, навстречу друг другу. Ягодицы поджать, с ощущением, будто толкаешь их снизу вверх-вперед. Сильно напрячь область «киноварного поля» (*тандэн*). Шаг должен быть мощным, напряжение мышц должно сохраняться. В конечном положении принять позицию, показанную на рис. 3. Во время выполнения этого действия небольшую часть набранного воздуха выдохнуть через рот.

4. Медленно отвести левый кулак по прямой назад, продолжая держать плечи опущенными, как показано

圖(三戰第四圖)の如く左拳を後に肩を下げて真直に少しづつ引くと同時に口を閉じ、鼻より少しづついきを吸ひ引いた左拳を前に突き出す。同時に口よりいきを一時に吐き出す。而して元の姿勢(構)に復す。
右足を中心として、左足を前に進む。其の時左足は右足の指先きを中心として半徑を畫く。(第六十三頁参照)

(圖四第戰三)

Рис. 4

на рис. 4. Одновременно закрыть рот и медленно втянуть воздух носом. Нанести поднятым к туловищу левым кулаком удар вперед и одновременно разом выдохнуть воздух через рот, после чего вернуться в исходное положение [с разведенными в стороны руками].

Сделать шаг вперед левой ногой. При выполнении этого движения левая стопа описывает дугу, которая приближается к пальцам правой ноги (рис. 5).

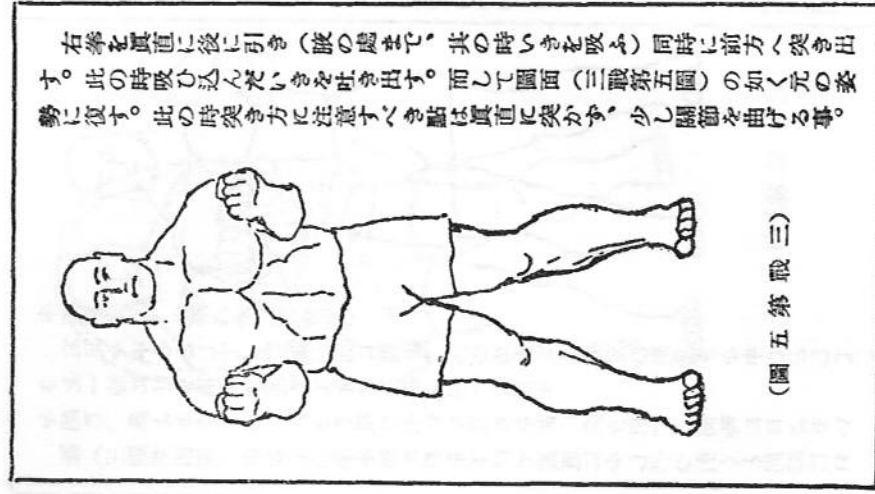

Рис. 5

5. Отвести правый кулак по прямой назад (под мышку; в это время делается вдох), как показано на рис. 6, затем выдвинуть кулак вперед, выдыхая набранный воздух (рис. 7). Затем вернуться в исходное положение [с разведенными в стороны руками], показанное на рис. 5. Выполнив удар, обратите внимание, чтобы удар шел по минимальной дуге, а бьющая рука осталась немного согнутой в локте.

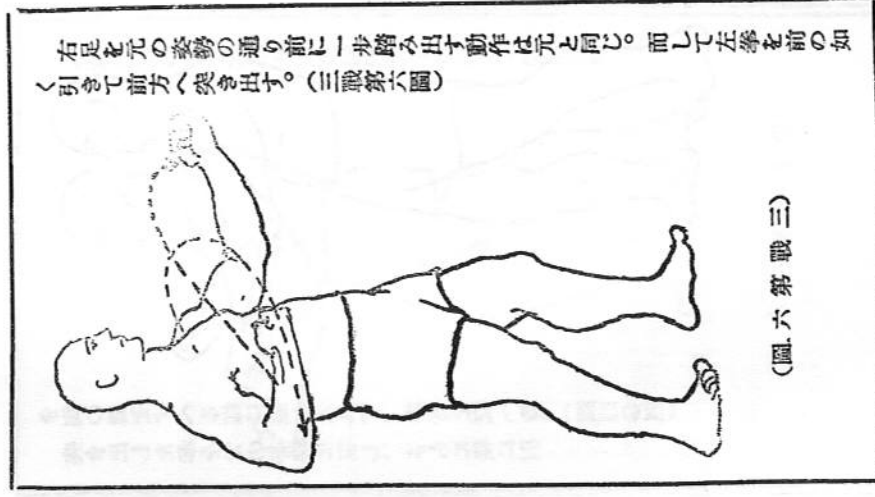

Рис. 6

6. Шаг правой ногой в описанное выше положение выполняется так же, как и предыдущие шаги вперед (рис. 8). После шага левый кулак так же, как и прежде, отводится [под мышку] и затем наносит удар вперед (рис. 9).

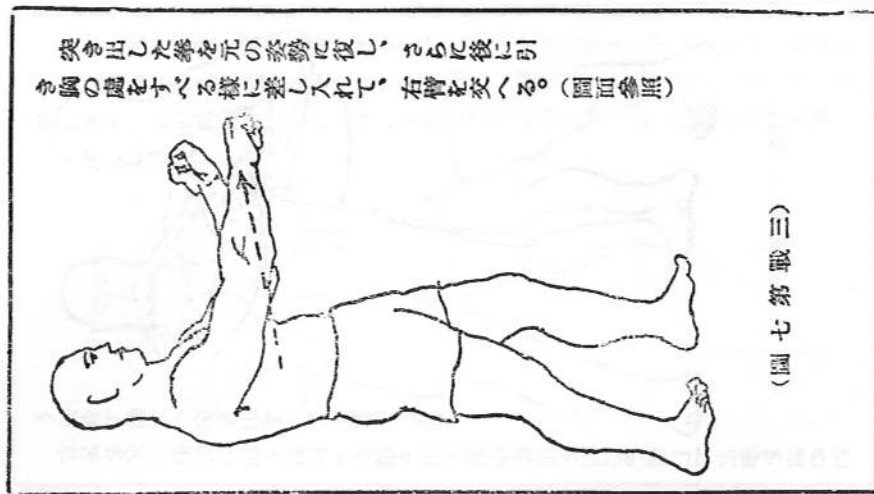

Рис. 7

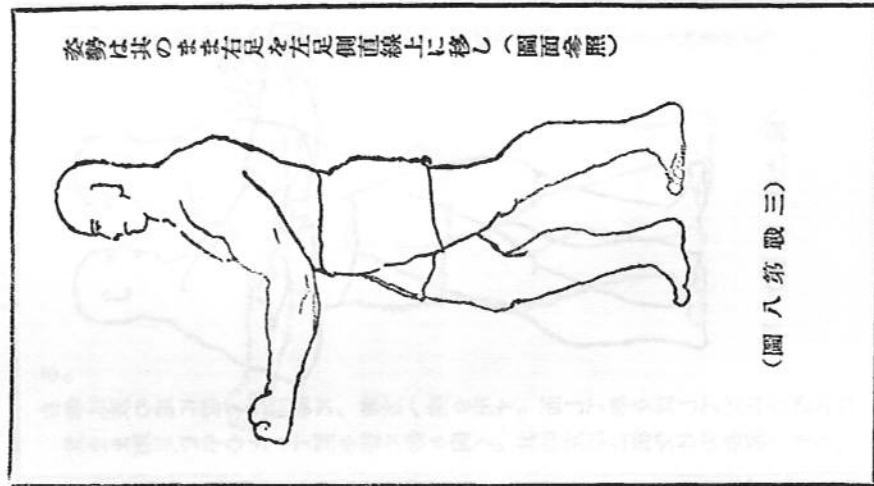

Рис. 8

7. Кулак руки, наносившей удар, вернуть в исходное положение, вновь отвести его [под мышку], так, чтобы рука скользнула вдоль груди, затем ее кулак поместить перпендикулярно правому локтю (рис. 10).

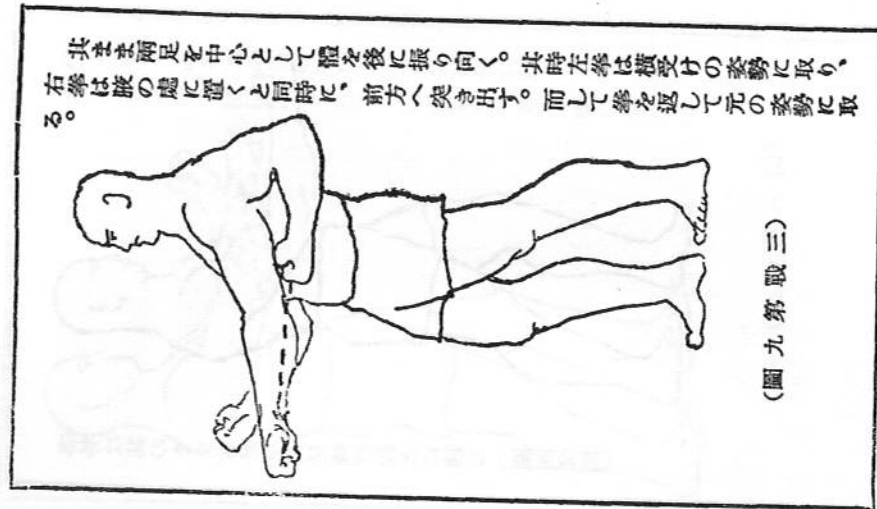

Рис. 9

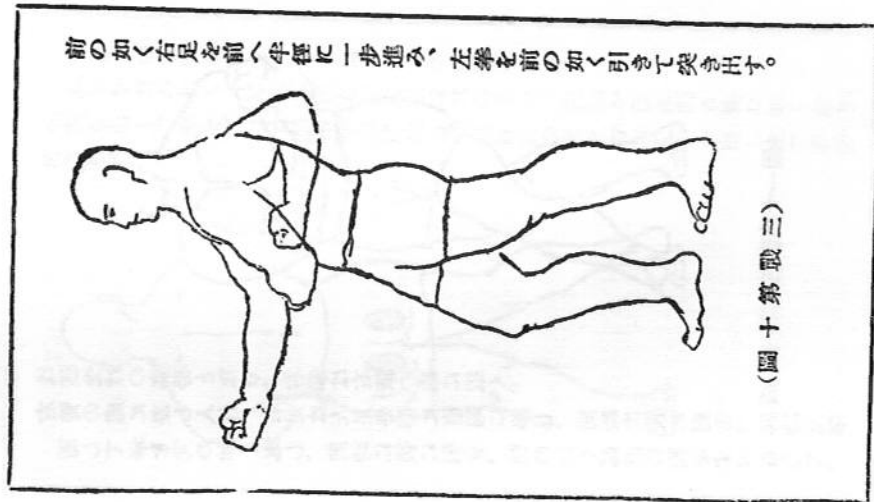

Рис. 10

8. Сохраняя это положение, правую стопу переместить на прямую линию, расположенную с внешней стороны от левой стопы (рис. 11).

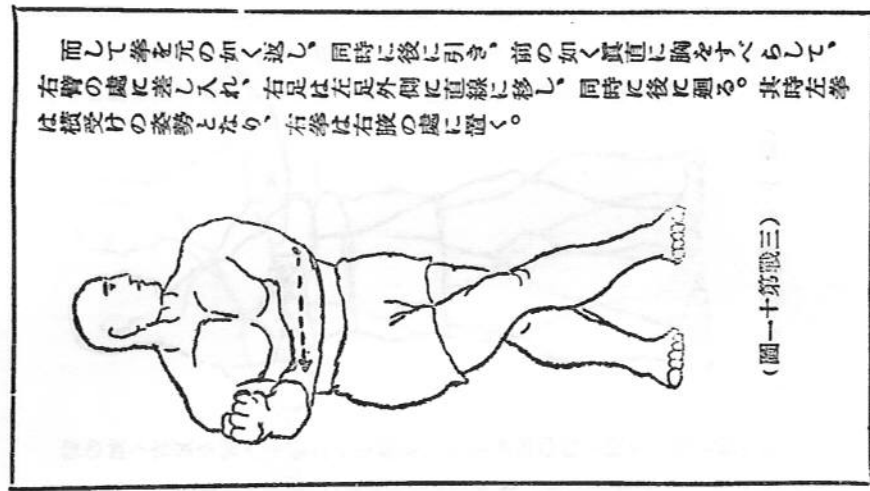

Рис. 11

9. Не меняя расположения стоп, развернуться в обратном направлении, повернувшись на стопах. Во время разворота левая рука, сжатая в кулак, переходит в положение блока ёко-укэ («горизонтальный блок»), а правый кулак отводится под [левую] подмышку. Затем руки разводятся в стороны и принимают прежнее положение [двойного блока ёко-укэ] (рис. 12).

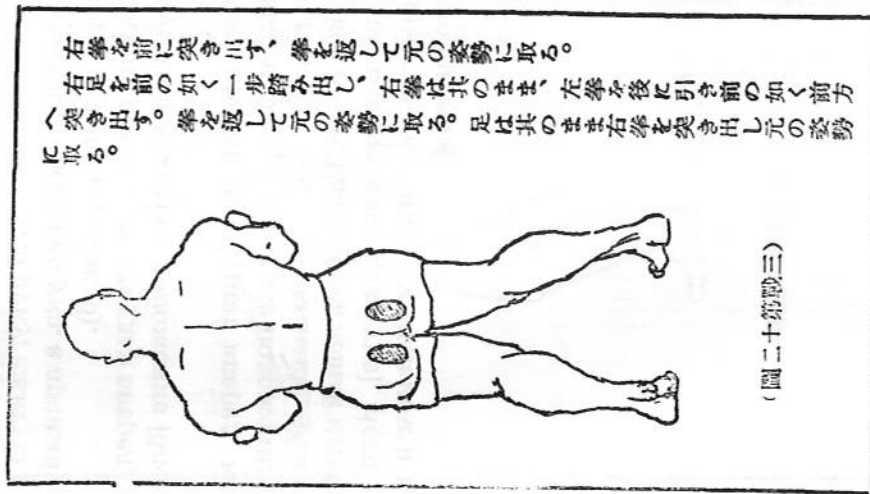

Рис. 12

10. Правая нога делает шаг вперед, как и прежде, описывая дугу, левый кулак снова отводится [к туловищу] и наносит удар (см. рис. 9).

11. После удара развернуть левый кулак в прежнее [положение блока ёко-укэ], отвести назад [под подмышку], как и прежде, по прямой линии, скользя рукой по грудной клетке, [потом] подвести к правому локтю, правую ногу переместить на линию, расположенную снаружи от левой стопы, и развернуться в обратном направлении (рис. 11). В этот момент левую руку, сжатую в кулак, перевести в положение блока ёко-укэ, а правый кулак отвести под правую подмышку (рис. 6).

12. Правым кулаком нанести удар вперед, развернуть кулак и вернуть в исходное положение [блока ёко-укэ] (рис. 7).

13. Сделать правой ногой шаг вперед, как описано выше, правый кулак — в том же положении; левый кулак отвести назад и, как описано выше, нанести им удар вперед (см. рис. 8—9). Развернуть левый кулак и вернуть в исходное положение [блока ёко-укэ]. Ноги — в той же позиции, нанести удар правым кулаком и вернуть его в исходное положение.

14. Правый кулак разжать и поместить горизонтально ладонью вниз, как показано на рис. 13.

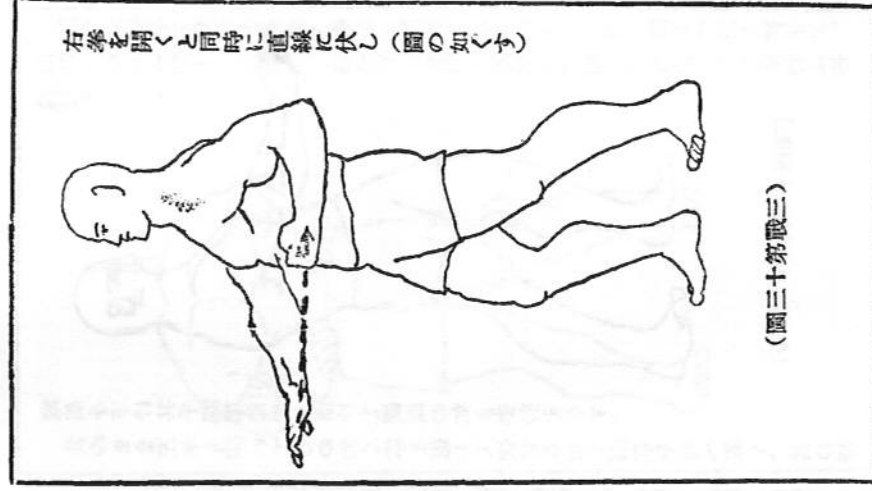

Рис. 13

15. Не меняя стойки, разжать левый кулак, перевести ладонь в такое же положение, что и правая ладонь, и, таким образом, расположить обе руки ладонями вниз перед собой. Затем опустить плечи, немного согнуть руки в локтях, чтобы они заняли положение, показанное на рис. 14.

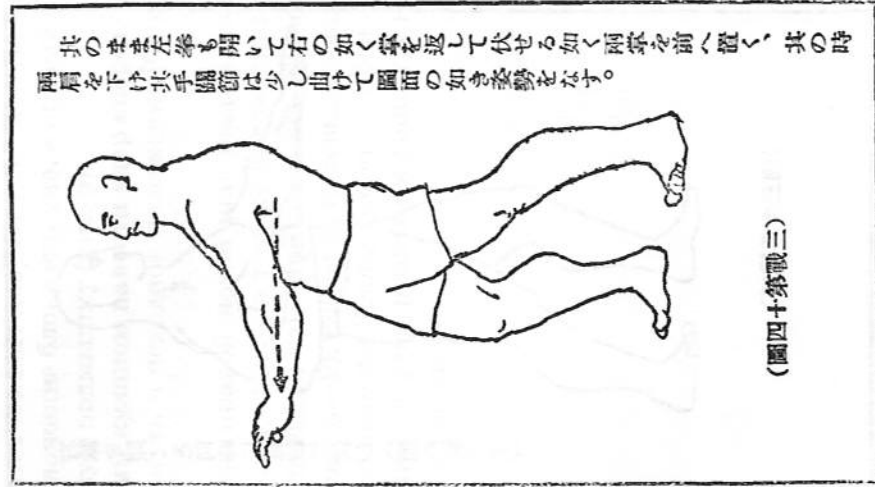

Рис. 14

16. Не меняя положения рук, сильно сжать кулаки, затем отвести их назад, к груди. Одновременно разжать обе ладони и затем вытянуть вперед с ощущением, словно что-то раздвигаеть ими в стороны. Повторить это движение несколько раз (рис. 15).

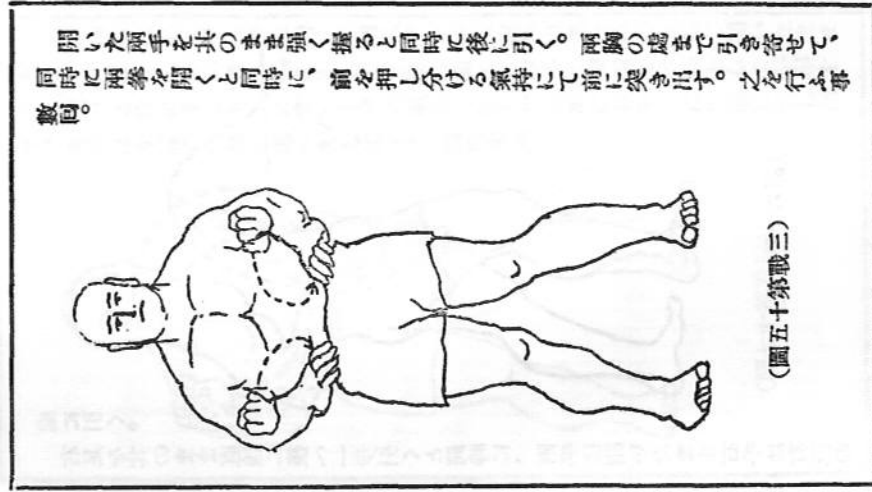

Рис. 15

17. Отставить правую стопу на один шаг назад по прямой линии. Ладони остаются разжатыми. Правую руку отвести под правую подмышку (рис. 16). При этом ее ладонь обращена вверх, а тыльная сторона ладони — вниз.

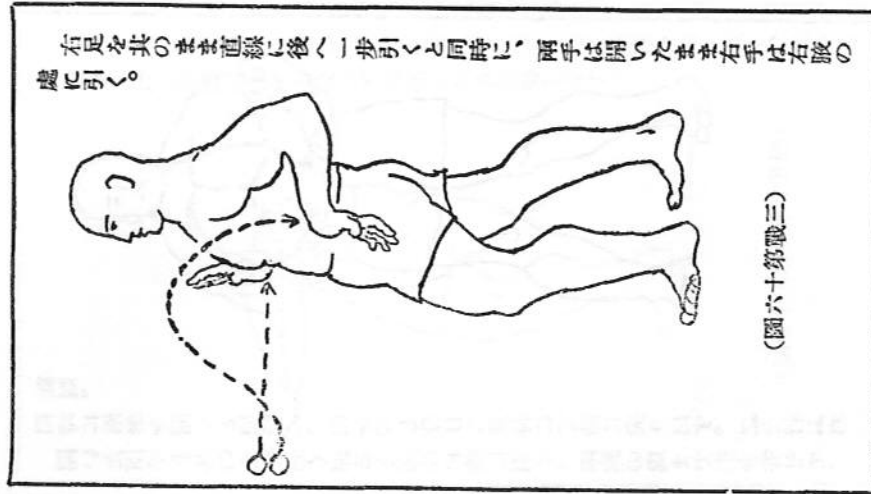

Рис. 16

18. Локоть левой руки, которая остается разжатой, опускается вниз, и она по дуге, проходящей мимо носа, подтягивается к левому боку ладонью вверх. Правая рука движется по дуге, проходя мимо большого пальца другой руки, тыльной стороной ладони вверх, при этом ощущение должно быть такое, словно вы что-то ею приподнимаете. Затем она делает толчок вперед ребром ладони (сюто). Одновременно левая рука делает толчок в направлении внутренней стороны левого колена (рис. 17).

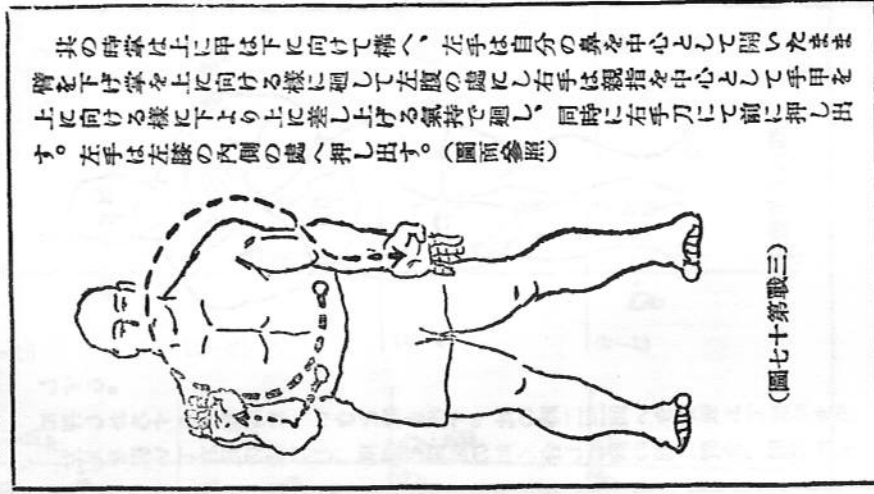

Рис. 17

19. Отвести левую стопу и приставить к правой, соединить руки, как показано на рис. 18, и поместить их перед грудью, затем с выдохом опустить их вниз, словно на что-то надавливая. Сделать 2—3 вдоха-выдоха.

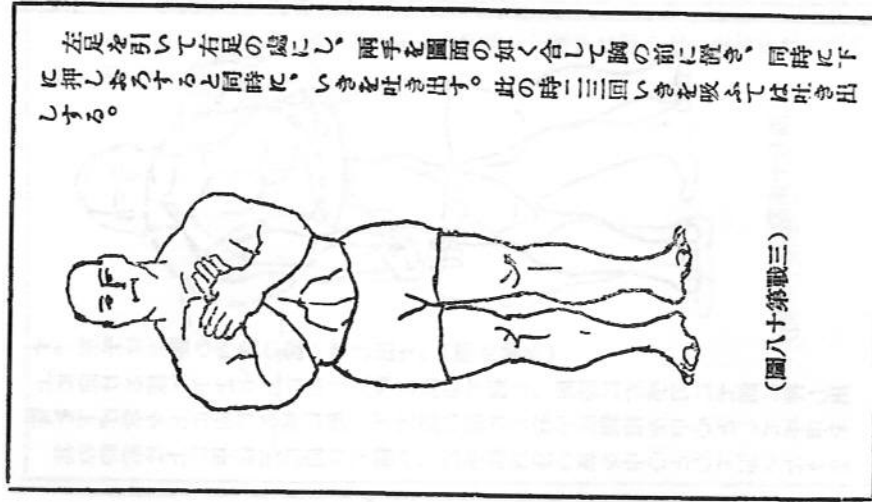
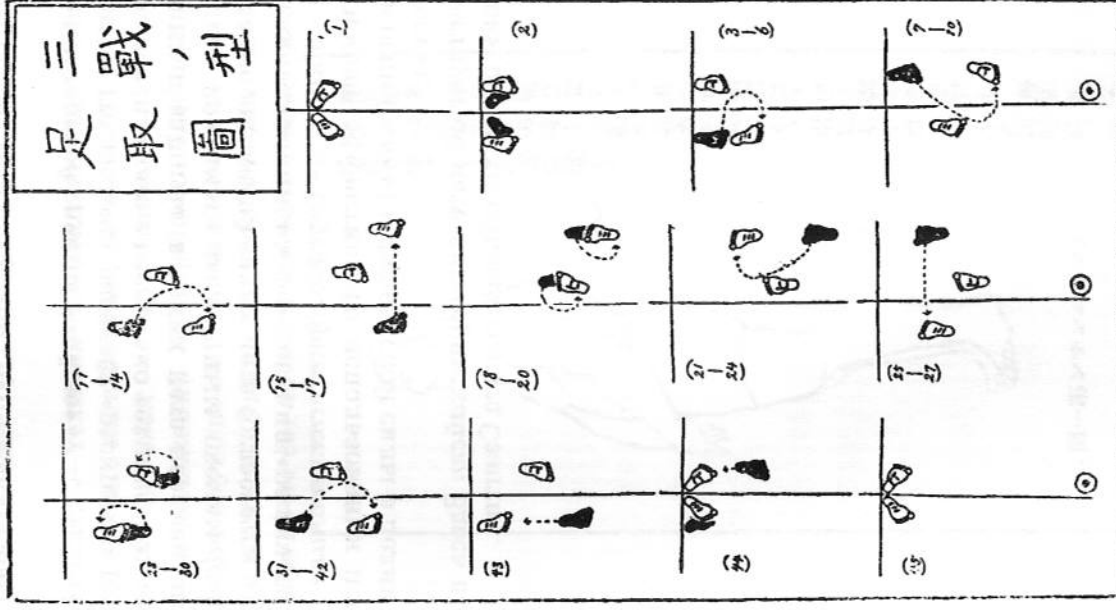

Рис. 18

Б. Ката Сээнтин мастерской группы «кайсю»

Ката мастерской группы «кайсю»

«Кайсю», что дословно означает «раскрытые руки», — это ката, соединяющие несколько технических приемов нападения и защиты; в таких ката перемещения выполняются по самым различным схемам (*эмбусэн*). Чередование движений таких ката согласуется с основополагающим принципом чередования «раскрытия» (*хираки*) и «закрытия» (*мусуби*, букв. «связывания» — *А.Г.*) для наиболее эффективного использования психической энергии (*синки*) и физической силы в целях боевого искусства.

Существует 30 ката категории *кайсю*. Здесь я решил с помощью рисунков объяснить ката Сээнтин.

Ката Сээнтин

Камазката — техника выполнения изгибовки

Руки, как и в ката Сантин, разжаты и сложены одна поверх другой, левая — сверху, правая — снизу, у паха, ноги — в положении *мусуби-дати*. Плечи опущены, подборок опущен, область «киноварного поля» (*тан-дэн*) напряжена. Это начальное положение готовности (*хадзимэ-но ёи*) аналогично начальному положению

(圖一第ンチンエーセ)

所に置き、兩足は結び立ちす。此の時兩肩は下げて顔を引き付け、丹田に力を入れる。初めの用意の時も三戦の初めと同じく、兩足を平行に開くと同時に、兩手に強く握きりて左右に置く。

Рис. 1

ката Сантин. Когда стопы разводятся параллельно, обе руки одновременно сжимаются в кулаки и разводятся в стороны (рис. 1).

Действие 1

Правую ногу выдвинуть по диагонали вперед — вправо в положение «прямоугольника» *сико*, кулаки разжать и из положения с полностью опущенными вниз плечами с раскрытыми ладонями поднять к солнечному

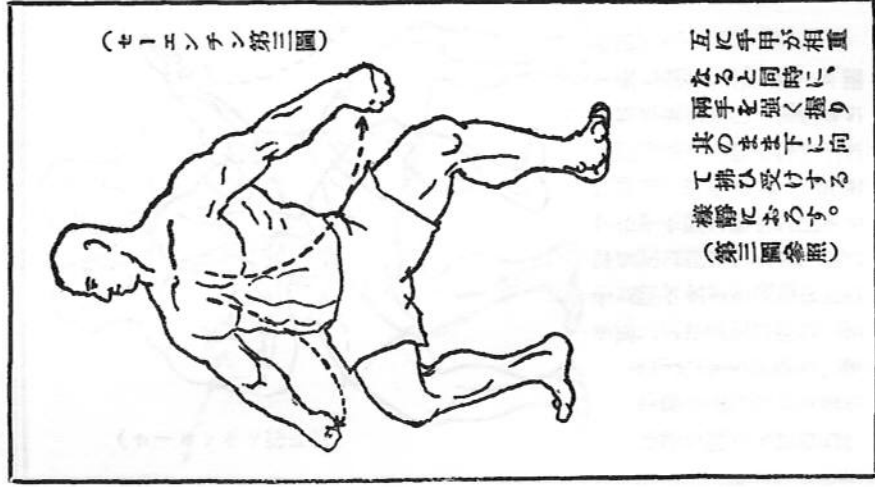
次に第二圖の如く右足を右斜前に四股に開き立ちし、両手は開いて肩を充分に下げ、下より両手開いたまま擡い上げる氣持ちにて水月の所までもつてくる。此の時両手を合すこと圖の如し。

Рис. 2

сплетению (*суйзэцу*), словно что-то поддевая снизу (*сукун-агэру*). Руки свести, как показано на рисунке 2.

Действие 2

Сведя руки тыльной стороной к тыльной стороне, с силой сжать их в кулаки и медленно опустить вниз, выполняя «сметающие блоки» *хараи-укэ* (рис. 3).

互に手甲が相重なると同時に、両手を強く握り共のまま下に向けて拂ひ受けする様靜におろす。
(第三圖参照)

Рис. 3

Действие 3

Правую руку разжать и одновременно вынести вперед ладонью вверх, затем перевернуть ладонь тыльной стороной вверх; левую руку разжать и поместить у левого бока в положении ладонью вверх. Затем правую руку медленно отвести к правому боку, а левую одновременно (в прежнем положении — с повернутой вверх разжатой ладонью) тычковым движением вынести вперед (рис. 4—5).

右手を開くと同時に、手掌を上に向けて前に差し出すと同時に、掌を返して甲を上に向け、左手は開いたまま左腰の所に掌を上に向けて置き、而して右手を腰に静かに引くと同時に、左手は其のまま(開いたまま即ち掌を上に向けてたまま)前に指先きにて突き出す。(第四、五圖参照)

Рис. 4

Действие 4

Левую ногу выдвинуть по диагонали вперед — влево и принять положение «прямоугольника» *сико*, обе разжатые руки, как и в предыдущем движении, поднять к солнечному сплетению, словно что-то поддевая снизу, до сведения ладоней тыльными сторонами, а затем тотчас с силой сжать в кулаки и далее медленно опустить вниз, словно что-то раздвигая в стороны (*харай-сагэ-су*;

左足を左斜に前に出すと同時に四股に立ち、初の様子に両手を開いたまま下より上に掲げ上げる氣持に両手中が合ふと同時に下に向けて強く握つたまま、拂ひ下けし(二、三圖参照)次に四、五圖の如く左手を前に差し出して、腰に引くと同時に右手指先きにて前に突き出す

Рис. 5

рис. 2—3). Затем, как показано на рисунках 4 и 5, левую руку вынести вперед, потом отвести к боку, а правой одновременно выполнить укол вперед перед кончиками пальцев.

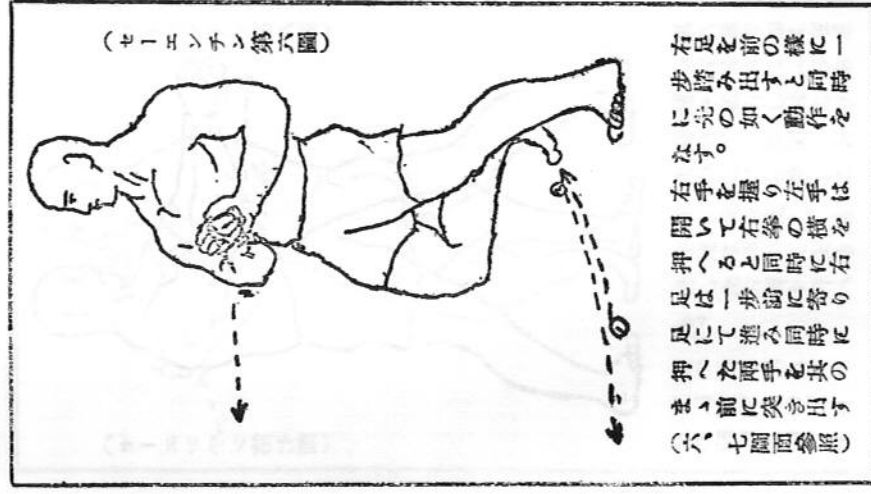
Действие 5

После шага вперед правой ногой выполняются те же движения, что и ранее (см. рис. 2—3).

Действие 6

Правую руку сжать в кулак, левую оставить разжатой и прижать сбоку к правому кулаку. Затем правой ногой сделать шаг ёри-аси вперед, а сжатые вместе руки одновременно выбросить вперед тычковым движением (рис. 6 и 7).

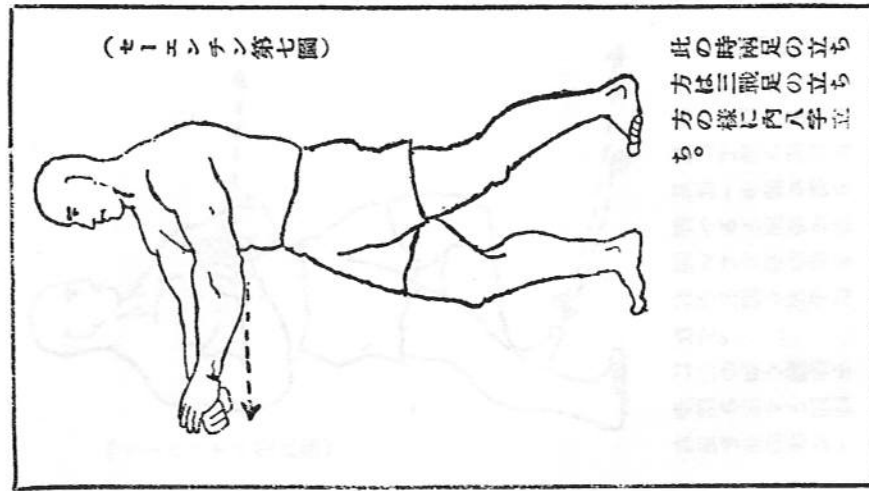
右足を前の様に一歩踏み出すと同時に拳の如く動作をなす。右手を握り左手は開いて右拳の横を押へると同時に右足は一步前に寄り足にて進み同時に押へた両手を其のまま前に突き出す(六、七両面参照)

Рис. 6

При этом ноги должны принять «стойку восьмерки с носками стоп внутрь» *ути хатидзи-дати*, схожую с положением ног в ката Сантин.

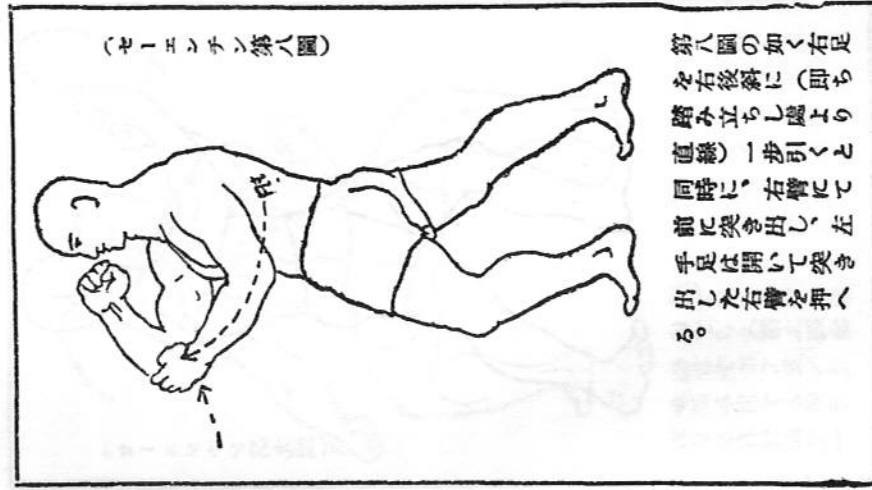
Действие 7

Отшагнуть правой ногой по диагонали вправо — назад (т.е. по прямой линии из положения шага вперед) и тотчас нанести прямой удар правым локтем, разжатую левую ладонь прижать к правому локтю (рис. 8).

此の時兩足の立ち方は三戰足の立ち方の様に内八字立ち。

Рис. 7

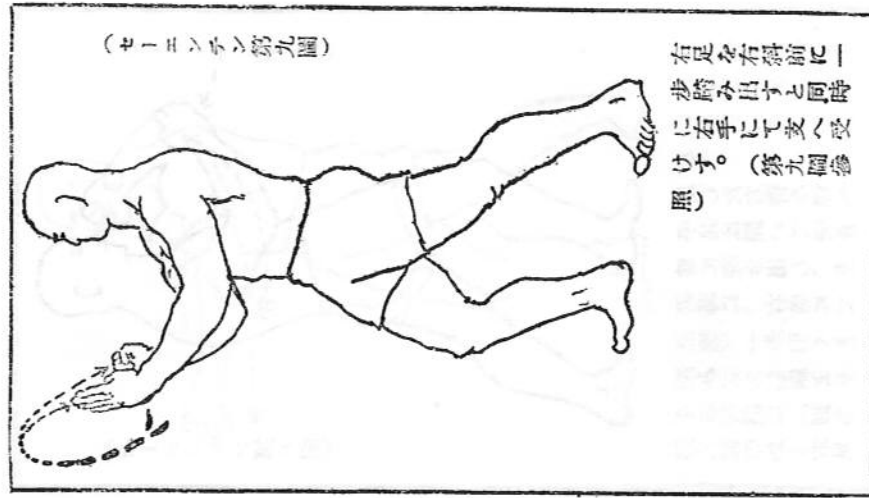

第八圖の如く右足を右後斜に(即ち踏み立ちし處より直線)一步引くと同時に、右臂にて前に突き出し、左手足は開いて突き出した右臂を押へる。

Рис. 8

Действие 8

Сделать шаг по диагонали вперед — вправо правой ногой и одновременно правой рукой выполнить «блок с подпоркой» *sasae-uké* (рис. 9).

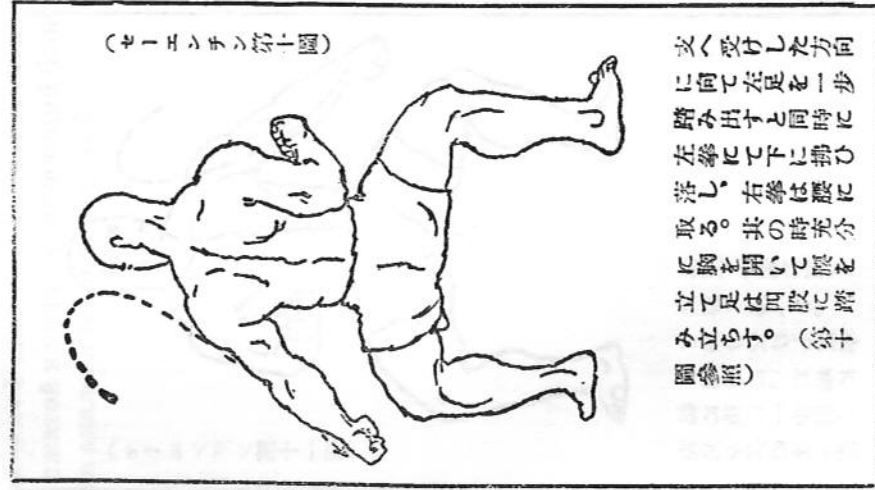

右足を右斜前に一歩踏み出すと同時に右手にて支へ受けす。(第九圖参照)

Рис. 9

Действие 9

Разворачиваясь в том же направлении, в котором выполнялся «блок с подпоркой» *sasae-uké*, шагнуть туда же левой ногой и одновременно левым кулаком выполнить сбив в сторону — вниз (*harai-otoshi*), правый кулак отвести к боку. Грудь в этом положении должна быть полностью расправлена, поясница выпрямлена и расположена

支へ受けした方向に向て左足を一步踏み出すと同時に左拳にて下に拂ひ落とし、右拳は腰に取る。其の時充分に胸を開いて腰を立てて足は四肢に踏み立ちす。(第十圖参照)

Рис. 10

на вертикально, ноги — в положении «прямоугольника» *сико* (рис. 10).

Действие 10

Из этого положения отшагнуть левой ногой по прямой назад и одновременно выполнить правой рукой, сжатой в кулак, «сметающий блок» *хараи-укэ*, левый кулак отвести к боку (рис. 11).

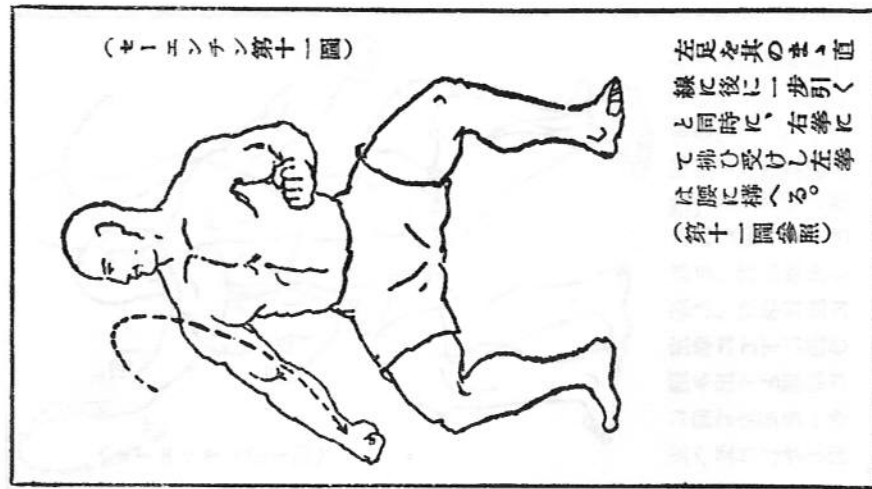

Рис. 11

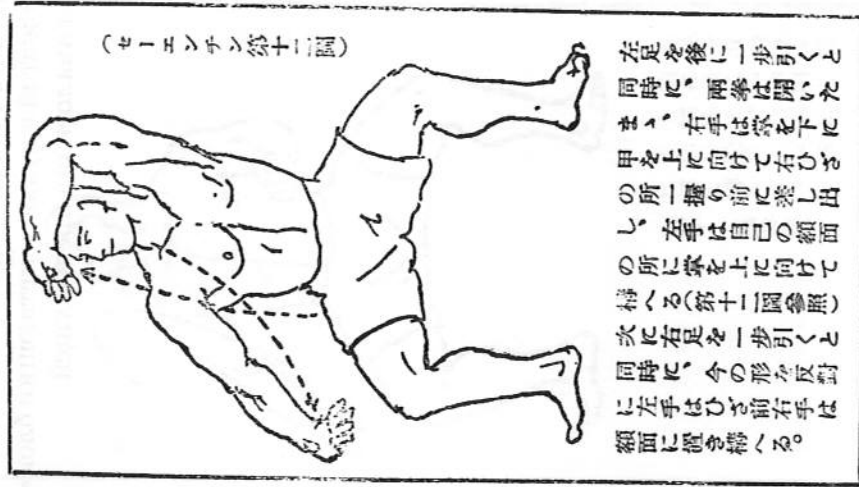
Действие 11

Шагнуть левой ногой по диагонали вперед — влево и одновременно, как в одном из предыдущих движений, выполнить левой рукой, сжатой в кулак, «блок с подпоркой» *сасэ-укэ* (см. рис. 9). Правой ногой, как и в предыдущем случае, шагнуть вперед и одновременно выполнить правой рукой, сжатой в кулак, «сметающий блок» *хараи-укэ*, аналогично тому, как показано на рис. 10, а левый кулак отвести к боку туловища. Затем отшагнуть правой ногой назад и одновременно выполнить левой рукой, сжатой в кулак «сметающий блок» *хараи-укэ*. Эта позиция аналогична предыдущей.

Действие 12

Отшагнуть левой ногой назад и одновременно, разжав кулаки, развести руки в разные стороны и принять следующую изготовку-камаэ: правая рука (ладонью — вниз, тыльной стороной — вверх) — у правого колена, на расстоянии ладони от него, левая — у лба, ладонью — вверх (рис. 12). Затем отшагнуть правой ногой назад и одновременно принять изготовку-камаэ, противоположную предыдущей: левая рука — перед левым коленом, правая — у лба.

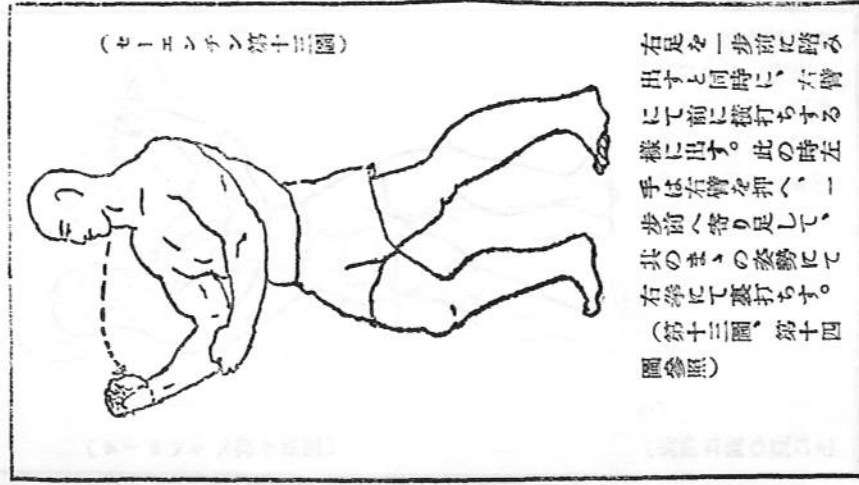

左足を後に一步引くと同時に、兩拳は開いたまゝ、右手は掌を下に甲を上に向けて右ひざの所一握り前に差し出し、左手は自己の額面の所に掌を上に向けて構へる(第十二圖参照)次に右足を一步引くと同時に、今の形を反対に左手はひざ前右手は額面に置き構へる。

Рис. 12

Действие 13

Шагнуть правой ногой вперед и одновременно выбросить вперед правый локоть, нанося «горизонтальный удар» ёко-ути. При этом левая ладонь прижимается к правому локтю. Шагнуть вперед способом ёри-аси («подставление одной ноги к другой») и, не меняя позиции, выполнить правым кулаком «удар тыльной стороной кулака» ура-ути (рис. 13 и 14).

右足を一步前に踏み出すと同時に、右臂にて前に横打ちする様に出す。此の時左手は右臂を押へ、一步前へ寄り足して、共のまゝの姿勢にて右拳にて裏打ちす。(第十三圖、第十四圖参照)

Рис. 13

Действие 14

Развернуться влево по диагонали, не меняя положения туловища, и одновременно, как показано на рис. 15, левой рукой, сжатой в кулак, выполнить «горизонтальный блок» ёко-укэ; правый кулак опустить вниз и поместить у паха.

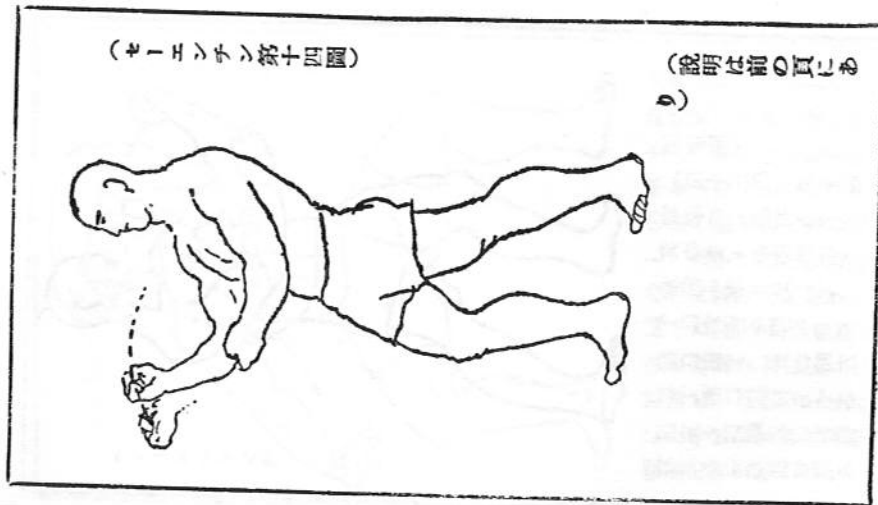

Рис. 14

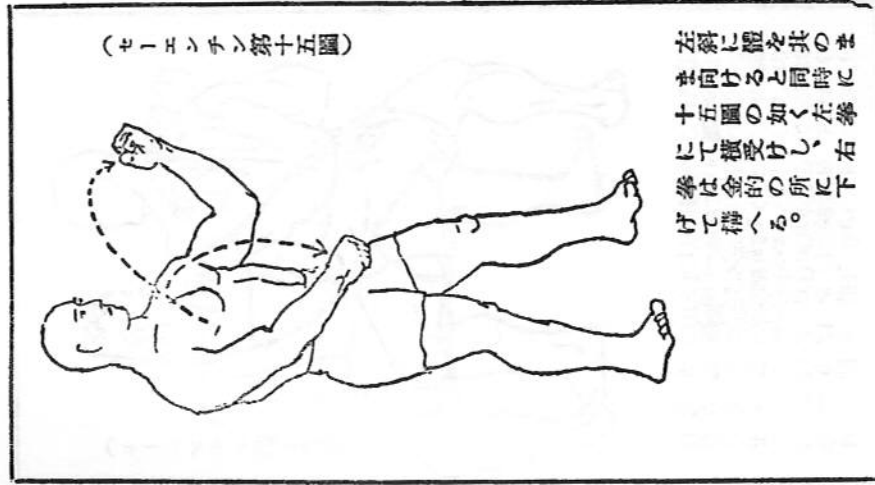
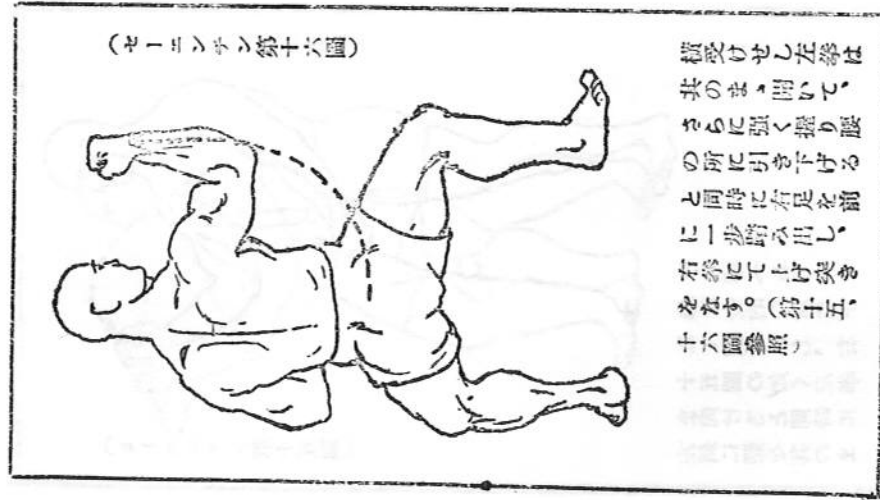

Рис. 15

Действие 15

После выполнения «горизонтального блока» ёко-укэ, не меняя положения левой руки, разжать кулак, а потом снова сильно сжать и отвести вниз к талии, одновременно шагнуть вперед правой ногой и правым кулаком нанести «восходящий удар» агэ-дзуки (рис. 15 и 16).

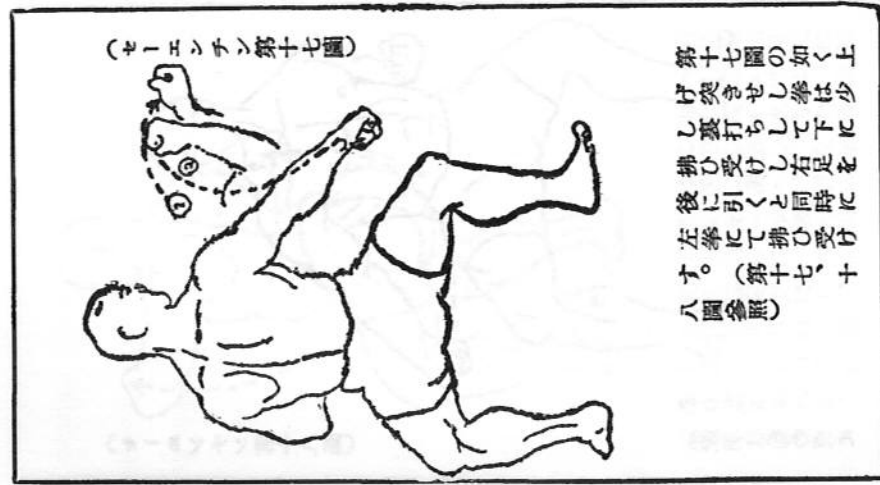

横受けせし左拳は
其のまま、閉いて、
さらに強く握り膝
の所に引き下げる
と同時に右足を前
に一步踏み出し、
右拳にて上げ突き
をなす。(第十五、
十六圖参照)

Рис. 16

Действие 16

После выполнения «восходящего удара» агэ-дзуки нести тем же кулаком короткий «удар тыльной стороной кулака» ура-ути и опустить руку вниз со «сметающим блоком» хараи-укэ; отшагнуть правой ногой назад и одновременно выполнить левой рукой, сжатой в кулак, «сметающий блок» хараи-укэ (рис. 17 и 18).

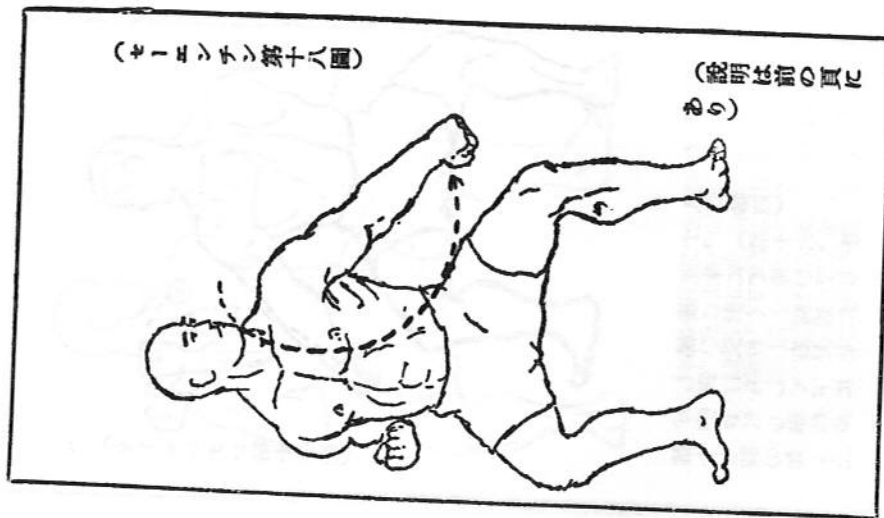

第十七圖の如く上
げ突きせし拳は少
し裏打ちして下に
拂ひ受けし右足を
後に引くと同時に
左拳にて拂ひ受け
す。(第十七、十
八圖参照)

Рис. 17

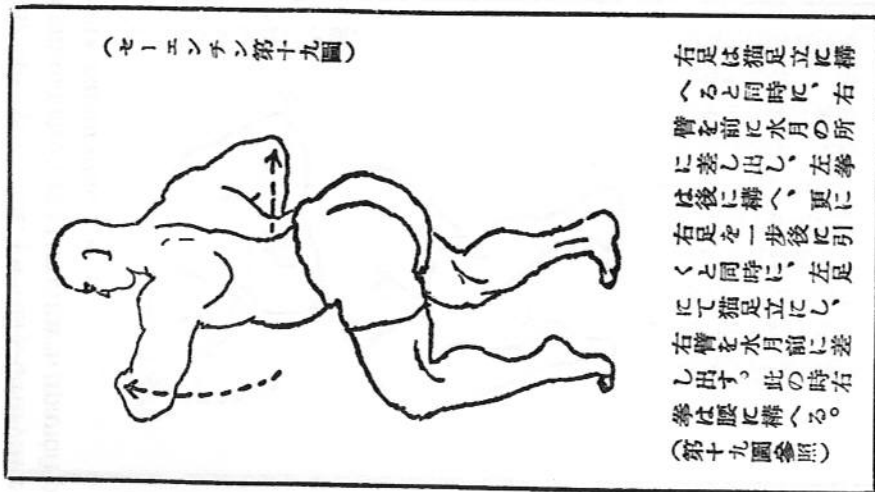
Действие 17

Правую ногу опустить в «стойку — кошачьи лапки» *нэко-аси-дати* и одновременно выбросить правый локоть вперед на уровень солнечного сплетения, левый кулак отвести назад; затем отшагнуть правой ногой и одновременно принять «стойку — кошачьи лапки» *нэко-аси-дати*, левый локоть выбросить вперед перед солнечным сплетением, правый кулак при этом расположен у талии (рис. 19).

(説明は前の頁にあり)

Рис. 18

右足は猫足立に構へると同時に、右臂を前に水月の所に差し出し、左拳は後に構へ、更に右足を一步後に引くと同時に、左足にて猫足立にし、右臂を水月前に差し出す。此の時右拳は腰に構へる。(第十九圖参照)

Рис. 19

Действие 18

Сохраняя положение туловища в поворота по диагонали вправо, одновременно правой рукой, сжатой в кулак, выполнить «горизонтальный блок» *ёко-укэ*; затем разжать кулак и потом снова сильно сжать и отвести вниз к талии; одновременно левой ногой шагнуть вперед и нанести левым кулаком «восходящий удар» *аэ-дзукки*; как и в предыдущем случае выполнить «удар тыльной стороной кулака» *ура-ути*, а затем «сметающий блок» *харай-укэ* той же рукой (см. рис. 17). Отступить левой ногой назад и одновременно выполнить правой рукой «сметающий блок» *харай-укэ*.

Действие 19

Поставить левую ногу в «стойку — кошачьи лапки» *нэко-аси-дати* и вывести левый локоть вперед к солнечному сплетению, правый кулак отвести к талии; затем отступить левой ногой назад, правую ногу поставить в «стойку — кошачьи лапки» *нэко-аси-дати* и выбросить правый локоть вперед (рис. 19 и 20).

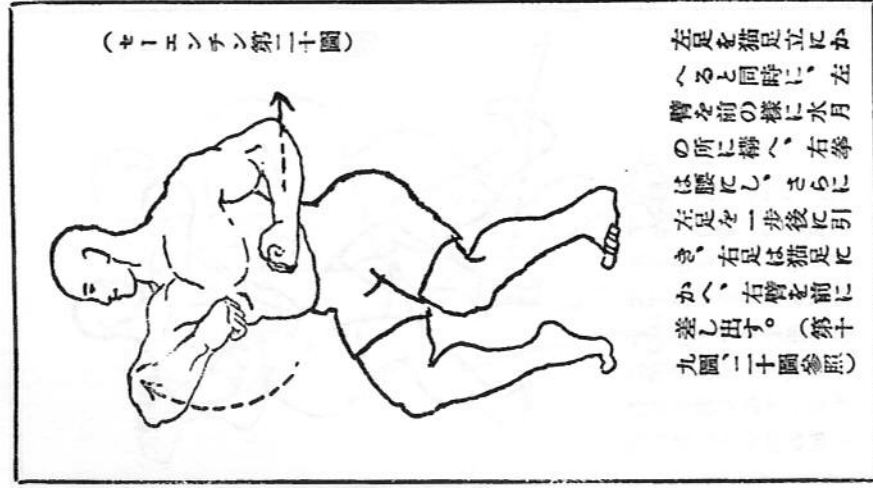

Рис. 20

Действие 20

Затем, как показано на рис. 21, выполнить шаг вперед способом *эри-аси* («подставление одной ноги к другой») и одновременно выбросить левую руку вперед, словно придавливая руку противника сверху открытой ладонью; одновременно с завершением *эри-аси* нанести правым кулаком вперед «удар тыльной стороной кулака» *ура-ути* (рис. 22).

Рис. 21

Действие 21

Отступить правой ногой на шаг назад и тут же поставить левую ногу в положение «стойки — кошачьи лапки» *нэко-аси-дати*, оставляя руки разжатыми, выполнить ими от головы, а точнее от носа, движение сверху вниз,

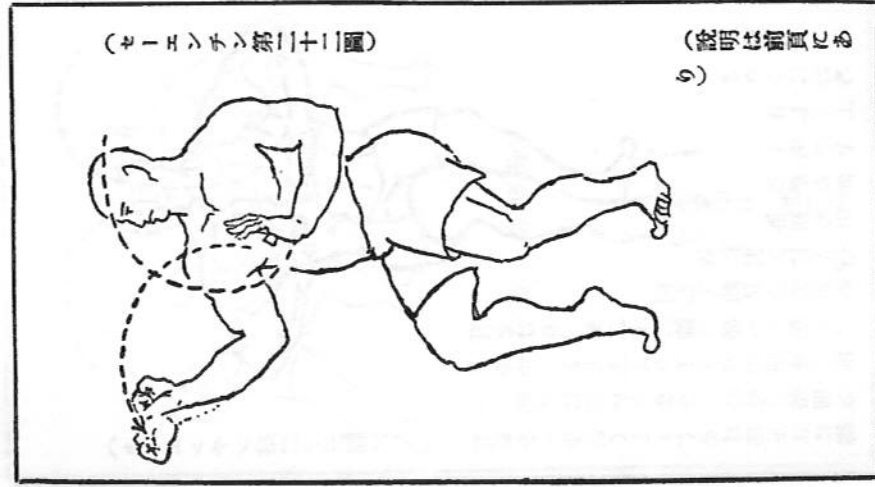

Рис. 22

Действие 20

Затем, как показано на рис. 21, выполнить шаг вперед способом *эри-аси* («подставление одной ноги к другой») и одновременно выбросить левую руку вперед, словно придавливая руку противника сверху открытой ладонью; одновременно с завершением *эри-аси* нанести правым кулаком вперед «удар тыльной стороной кулака» *ура-ути* (рис. 22).

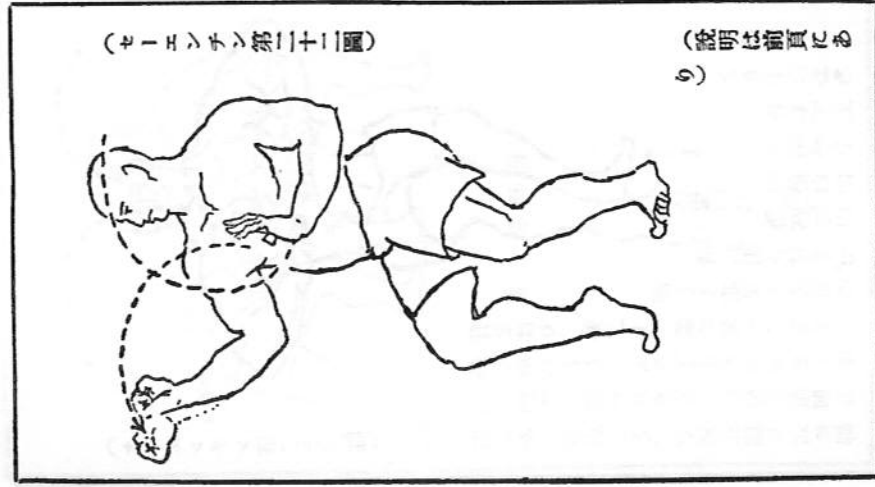

次に第二十二圖の如く右足を寄り足にて一步前に踏み出すと同時に左手は開いたまま前に掌にて敵手を押へる氣持にて突き出し、寄り足すると同時に、右拳にて前に裏打ちす。(第二十二圖参照)

Рис. 21

Действие 21

Отступить правой ногой на шаг назад и тут же поставить левую ногу в положение «стойки — кошачьи лапки» *нэко-аси-дати*, оставляя руки разжатыми, выполнить ими от головы, а точнее от носа, движение сверху вниз,

(説明は前頁にあり)

Рис. 22

затем развести локти на уровне солнечного сплетения в стороны, как показано на рис. 23. Далее стоящую впереди [левую] ногу отвести назад и поставить рядом с правой, сложить ладони как в первом движении и опустить сверху вниз. Завершить выполнение ката.

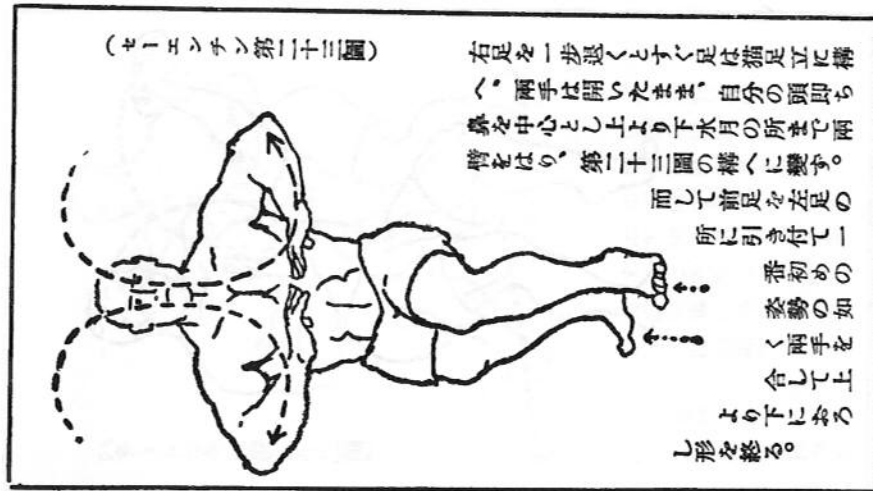

Рис. 23

В. Бункай сэцумэй — «аналитическое объяснение» ката группы «кайсю» Сээнтин

Бункай 1

В описанном выше ката группы «кайсю» Сээнтин действия, показанные на рис. 1 и 2, являются подготовительными (*éti*). Смысл их таков: если противник наносит мне удар кулаком в солнечное сплетение, то я отступаю левой ногой на шаг назад и правой рукой, сжатой в кулак,

Рис. 24

отбиваю левую руку противника в сторону с помощью «сметающего блока» *хараи-укэ* движением, показанным на рис. 1. Если противник тут же наносит мне в солнечное сплетение удар правой рукой, то я защищаюсь правой рукой, которая только что выполняла «сметающий блок» *хараи-укэ*, используя прихват (*какэтэ*) запястья противника движением снизу вверх, показанным на рис. 2, а затем наношу ему в грудь удар левым кулаком, как показано на рис. 3. Эта форма повторяется трижды (рис. 24—26).

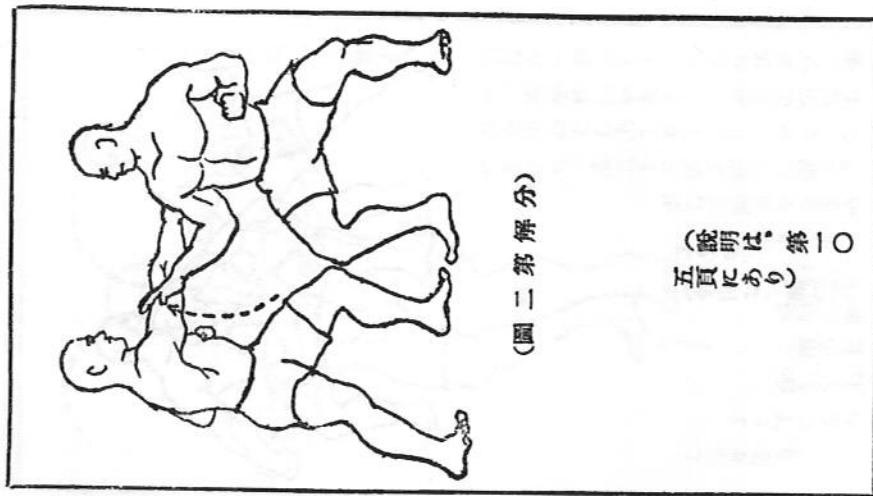

Рис. 25

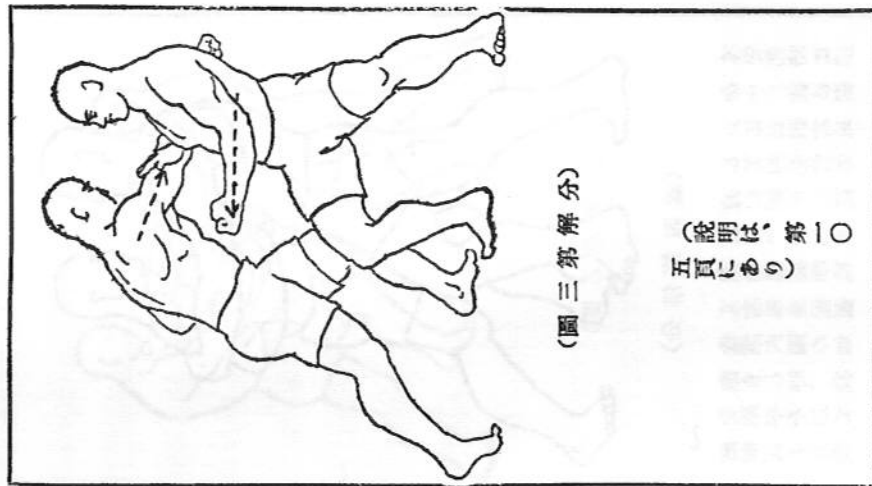
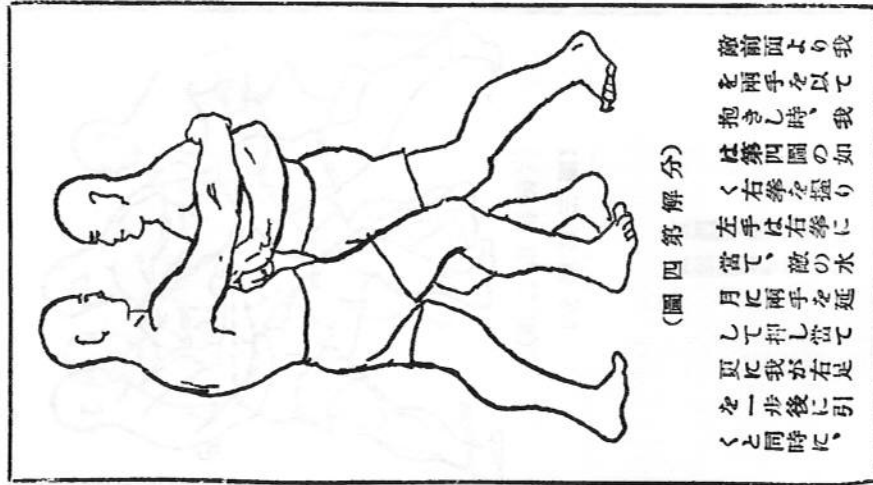

Рис. 26

Бункай 2

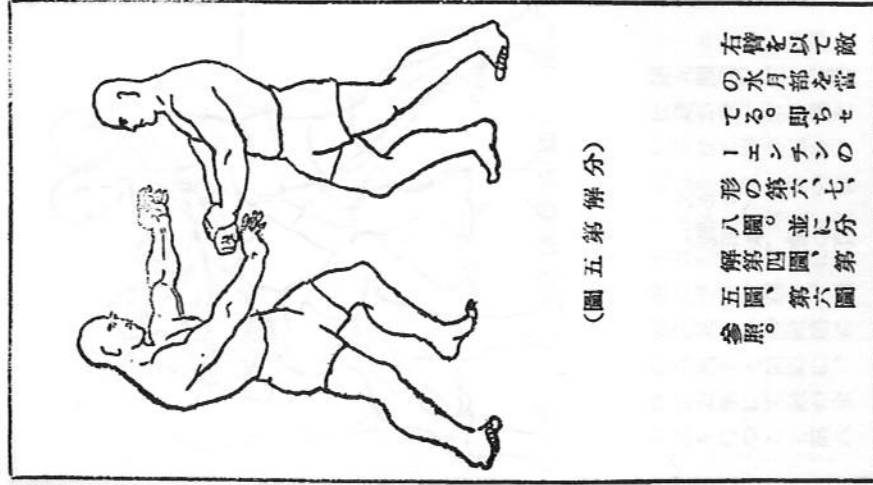
Если противник обхватывает меня спереди обеими руками, я, как показано на рис. 27, сжимаю правой кулак, накладываю на него левую ладонь и, выпрямляя руки, толкаю ими противника в солнечное сплетение. Затем я отступаю правой ногой назад и одновременно бью противника в солнечное сплетение правым локтем (рис. 27—29). Эти действия соответствуют действиям ката, показанным на рис. 6—8.

(圖四第解分)

敵
を
兩
手
を
以
て
抱
き
し
時
、
我
は
第
四
圖
の
如
く
右
拳
を
握
り
左
手
は
右
拳
に
當
て
、
敵
の
水
月
に
兩
手
を
延
び
し
て
押
し
當
て
更
に
我
が
右
足
を
一
步
後
に
引
く
と
同
時
に
、

Рис. 27

(圖五第解分)

右
臂
を
以
て
敵
の
水
月
部
を
當
て
る
。
即
ち
セ
ン
チ
ン
の
形
の
第
六
、
七
、
八
圖
。
並
に
分
解
第
四
圖
、
第
五
圖
、
第
六
圖
參
照
。

Рис. 28

Бункай 3

Смысл действия, показанного на рис. 9, состоит в том, что когда противник наносит удар кулаком, метя мне в солнечное сплетение, я, как показано на рис. 30, правой рукой, сжатой в кулак, которую подпирает левая ладонь, защищаюсь «блоком с подпоркой» *sasae-uke*, затем захватываю правой рукой запястье противника и, с шагом левой ноги к противнику, наношу удар левой рукой ему в пах, как показано на рис. 31. Если же противник

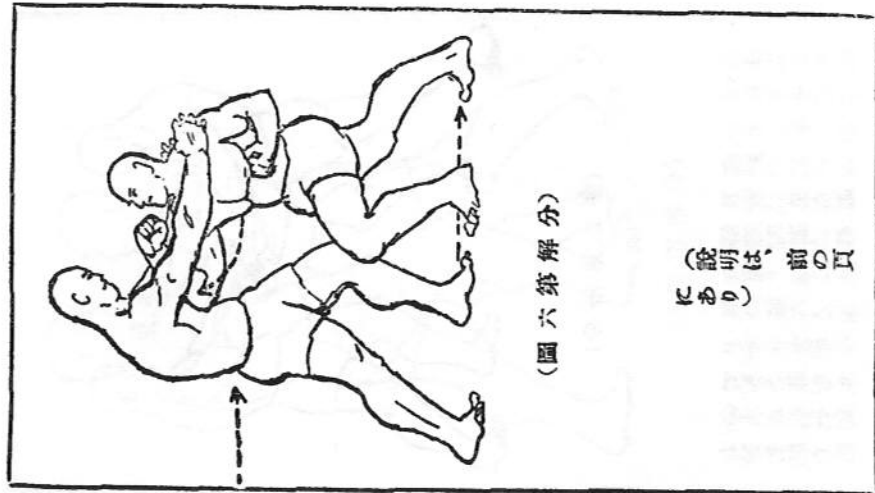

Рис. 29

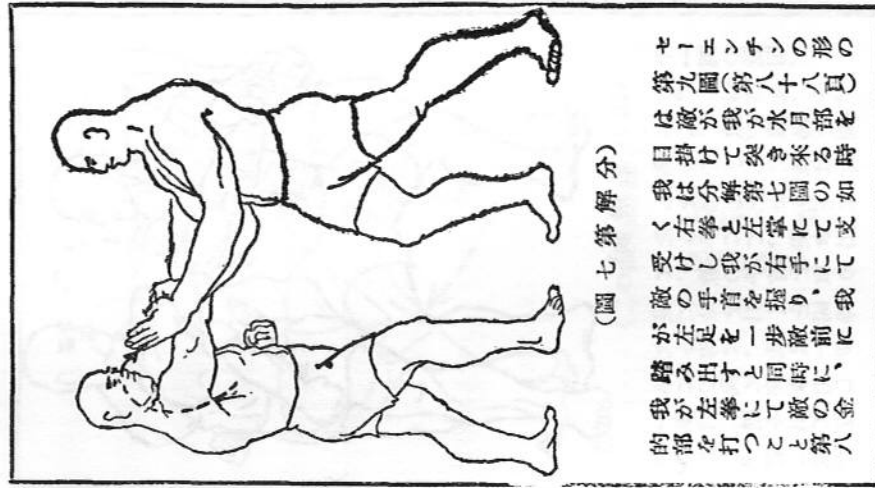

Рис. 30

наносит с шагом на меня второй удар левым кулаком, я отступаю на шаг назад и одновременно рукой, державшей запястье противника, блокирую бьющую руку движением сверху вниз с помощью «сметающего блока» *хараи-укэ*, а левым кулаком наношу противнику удар в область живота (см. рис. 9—11).

Рис. 31

Бункай 4

Смысл позиции, показанной на рис. 12, состоит в том, что когда противник наносит левой ногой снизу вверх удар мне в область живота, я отступаю левой ногой на шаг назад и одновременно правой рукой отбиваю в сторону и захватываю бьющую ногу противника (рис. 32). Если противник наносит второй удар — правым кулаком — мне в лицо, я блокирую его движением снизу вверх «блоком верхнего сектора» *дзэдан-укэ*, захватываю запястье

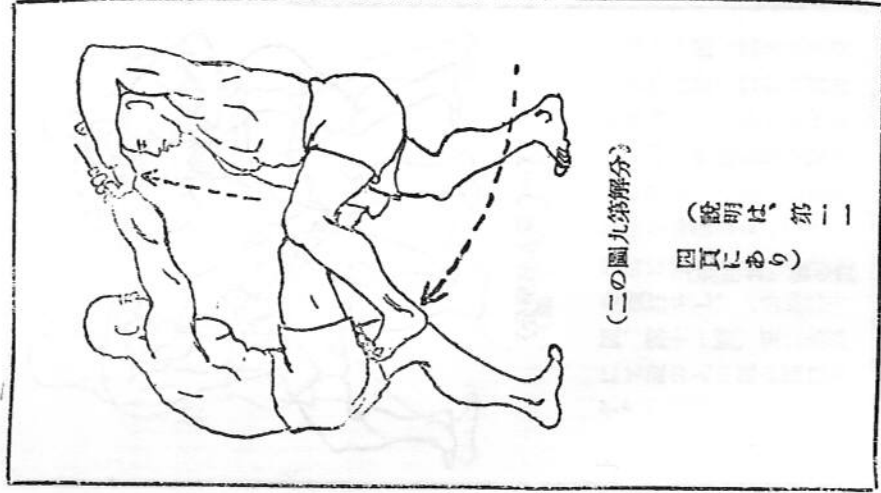
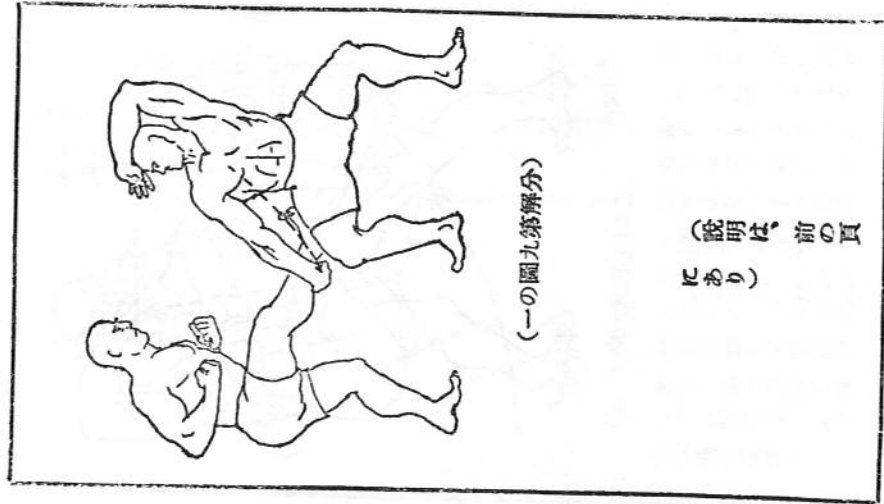

Рис. 32

противника и движением снизу вверх наносю ему удар левой ногой в пах (рис. 33). Это действие повторяется в ката два раза.

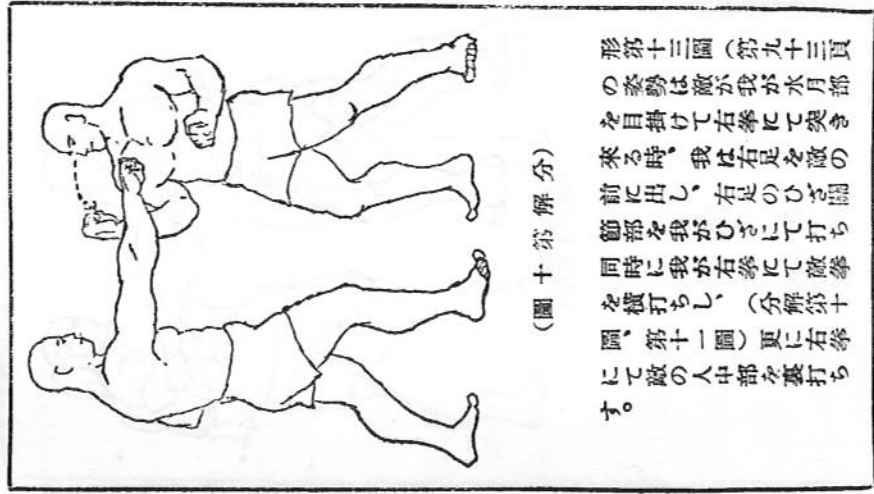

(説明は、前の頁にあり)

Рис. 33

Бункай 5

Смысл позиции, показанной на рис. 13, состоит в том, что когда противник наносит удар правым кулаком, метя мне в солнечное сплетение, я делаю правой ногой шаг ему навстречу, бью своим правым коленом в область колена его правой ноги и одновременно правой рукой, сжатой в кулак, отбиваю его руку в сторону (рис. 34, 35), а затем наносю противнику правым кулаком «удар тыльной

(圖十第解分)

形第十三圖(第九十三頁の姿勢は敵が我が水月部を目掛けて右拳にて突き來る時、我は右足を敵の前に出し、右足のひざ關節部を我がひざにて打ち同時に我が右拳にて敵拳を横打ちし、(分解第十圖、第十一圖)更に右拳にて敵の人中部を裏打ちす。

Рис. 34

стороной кулака» *ура-ути* в уязвимую точку *дзингю* (*но-согубная складка, филътрум* — А. Г.).

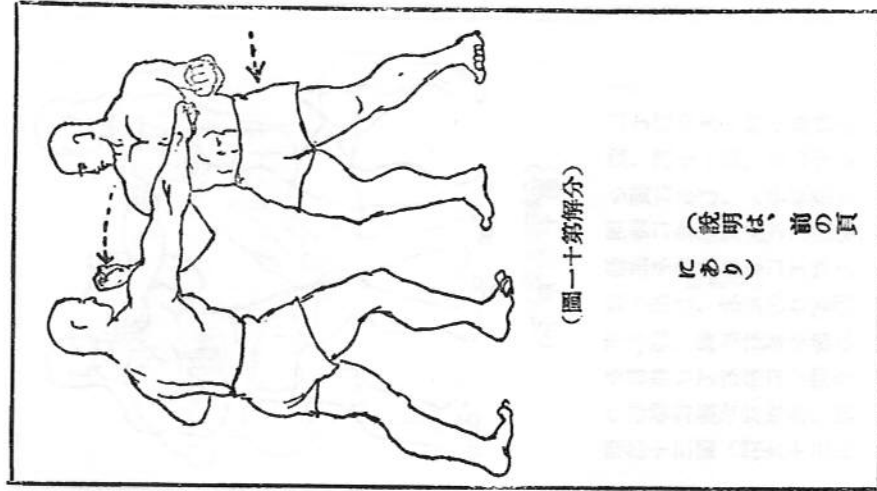

Рис. 35

Бункай 6

Смысл позиции, показанной на рис. 15, состоит в том, что когда противник наносит удар кулаком мне в область солнечного сплетения, я отбиваю его левой рукой, сжатой в кулак, «горизонтальным блоком» *ёко-укэ* (рис. 36), захватывая запястье противника, резко понижая стойку и дергаю его за руку вниз. В такой ситуации противник, естественно, теряет равновесие. А я в этот момент движением снизу вверх наношу ему в подбородок

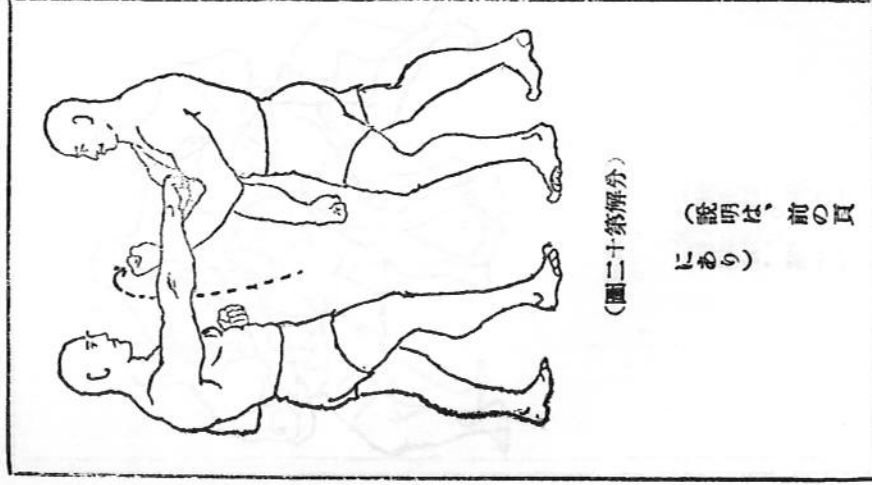

Рис. 36

правым кулаком «восходящий удар» *агэ-дзуки* (рис. 37). Затем я наношу удар противнику в гениталии, как показано на рис. 38.

«Восходящий удар» *агэ-дзуки* имеет очень много вариантов, например, с него можно начать серию ударов для поражения четырех уязвимых точек: сначала ударить в подбородок, потом нанести «удар тыльной стороной кулака» ур-ути в точку *дзинъю*, далее ударить локтем в область солнечного сплетения и затем в пах.

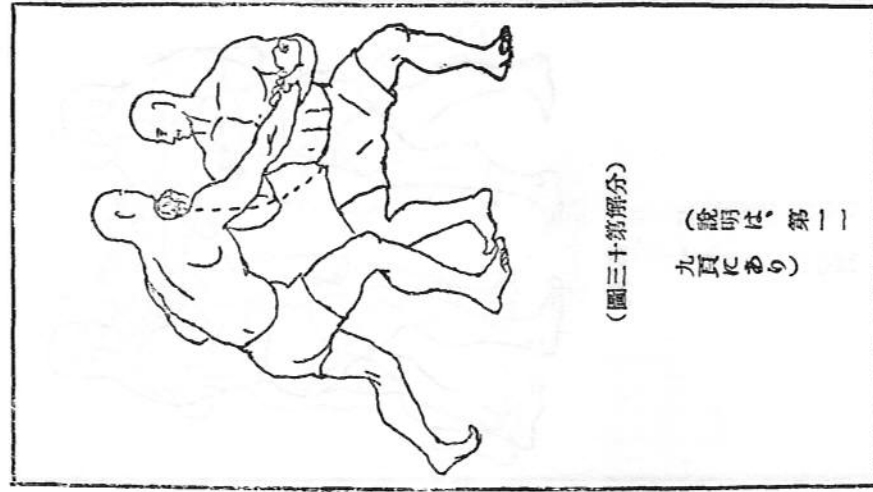

Рис. 37

Что касается перехода от этого удара к броску, то если противник после первого удара в подбородок обмякнет, я могу повернуться к нему спиной, поставить левую стопу перед его левой стопой, правой рукой захватить на боковой прием его шею и, жестко зафиксировав ее, левой рукой толкнуть колено его левой ноги, а ягодицами — подбить снизу область живота и, выпрямляясь, рыком правой руки вперед бросить его на манер «броска через спину» *сэй-нагэ* (см. рис. 15—18).

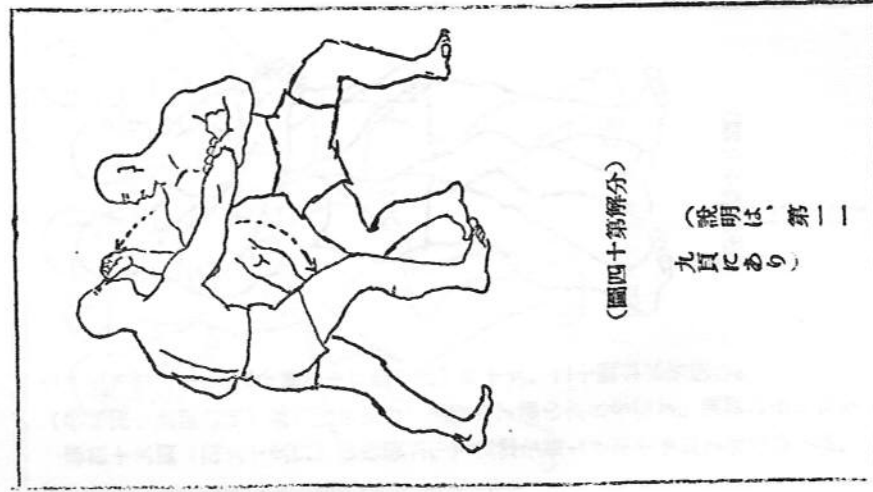
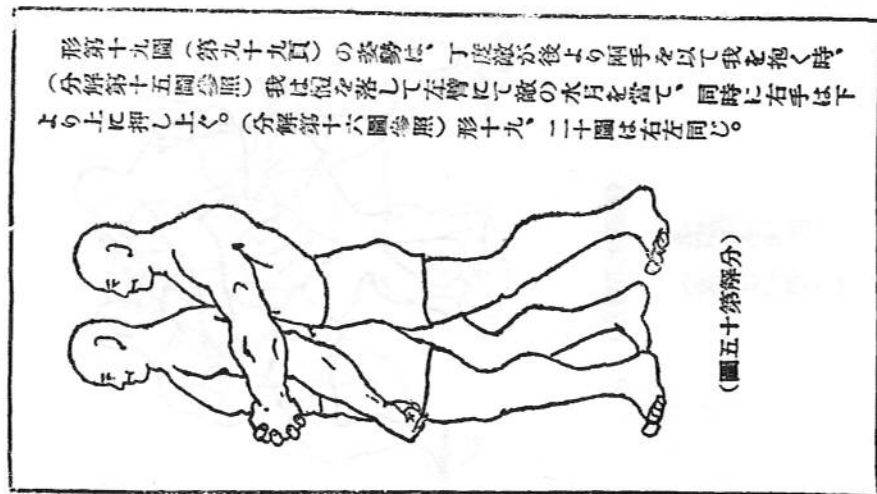

Рис. 38

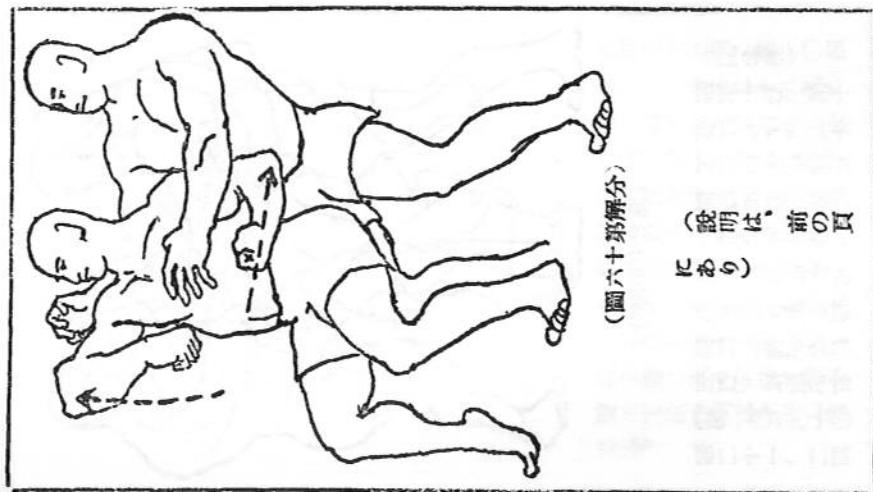
Бункай 7

Смысл позиции, показанной на рис. 19, состоит в том, что когда противник сзади обхватывает меня обеими руками (рис. 39), я резко приседаю, левым локтем бью его в солнечное сплетение и одновременно правой рукой отталкиваю руки противника вверх (см. рис. 40, 19 и 20).

形第十九圖(第九十九頁)の姿勢は、丁度敵が後より両手を以て我を抱く時、(分解第十五圖参照)我は體を落して左臂にて敵の水月を當て、同時に右手は下より上に押し上ぐ。(分解第十六圖参照)形十九、二十圖は右左同じ。

Рис. 39

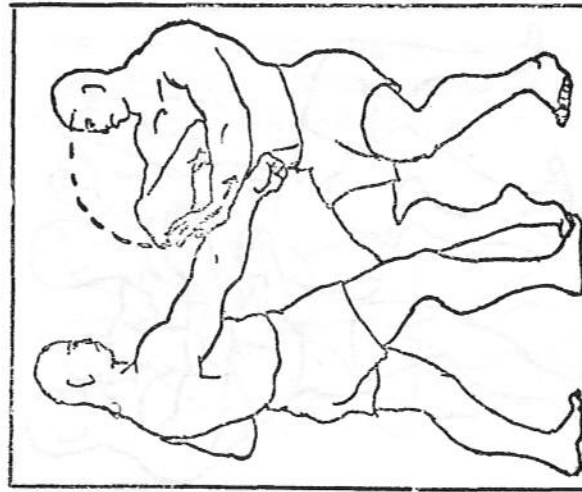

(説明は、前の頁にあり)

Рис. 40

Бункай 8

Смысл позиций, показанных на рис. 21 и 22, состоит в том, что когда противник наносит удар кулаком мне в область солнечного сплетения, я отбиваю его левой ладонью в сторону — от себя (*харай-осазэ*) и одновременно наношу ему правым кулаком «удар тыльной стороной кулака» *ура-ути* в точку *дзинтё* (рис. 41, 42).

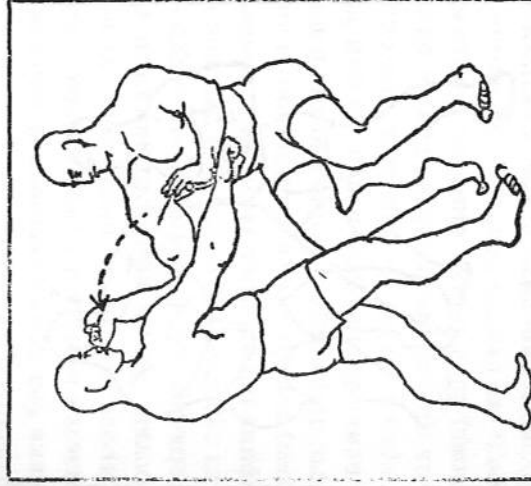
(圖七十第解分)

形二十一、二圖 (第一〇二、一〇三頁) は敵が右拳にて我が水月部を突き来る時、我は左掌にて其の手を拂ひ押へ、同時に我右拳にて敵の人中部を裏打ちす。(分解第十七、第十八圖参照)

Рис. 41

Бункай 9

Смысл позиции, показанной на рис. 23, состоит в том, что когда я наношу противнику «удар тыльной стороной кулака» *ура-ути*, как это показано на рис. 42, а противник бьет меня левым кулаком в область солнечного сплетения, я защищаюсь от его атаки локтем правой руки, нанося удар *ура-ути*, опуская его вертикально вниз с внутренней стороны от бьющей руки противника и затем подбивая его руку вверх, как показано на рис. 43.

(圖八十第解分)

形第二十三圖 (第一〇四頁) は、分解第十八圖の如く我が敵を裏打ちしたる時、敵が左拳にて我が水月部を突き来る時、我は裏打ちしたる右手のひぢにて眞直に敵拳の中に落し入れ、同時に我が右ひぢを上げて分解第十九圖の如く我姿勢に取り同時に我が臂にて敵の胸部を押し當てる。

Рис. 42

Далее я наношу противнику удар локтем в грудь движением от себя.

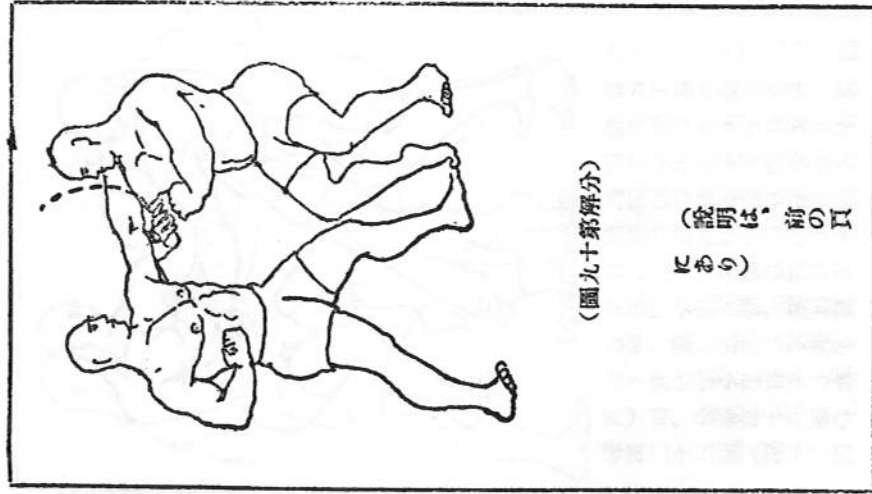

Рис. 43

Глава 4.

Правила для изучающего каратэ

Относиться к тренировке в каратэ, не зависимо от того, тренируешься ли под руководством наставника, вместе с товарищами или в одиночку, непременно нужно серьезно. Выполнять ката нужно с таким настроем, словно действительно бьешься с врагом.

Тренировка без психологической концентрации легко превращается в игру, и в этом случае, сколь долго бы ты не тренировался, ты не достигнешь успеха вобретении мастерства. Таков принцип закалки тела и духа. Когда дело доходит до настоящего боя, в душе поселяется страх, а тело перестает двигаться, и человек неожиданно для себя терпит поражение. Поэтому есть очень большая разница в результативности тренировок в ката в зависимости от того, проводится ли она изо дня в день с соответствующим психологическим настроем или без такового.

Если во время такой тренировки, как описано выше, ты опустишь плечи, расправишь грудь, напряжешь область «киноварного поля» *тандэн*, направишь взгляд прямо вперед, опустишь подбородок, напряжешь мышцы шеи и будешь наносить удары кулаками с такой силой, словно хочешь убить врага одним ударом, то твой дух и тело постепенно укрепятся.

И еще. Самое главное, чего должен избегать ученик, — это пьянство и разврат. От пьянства душа приходит в беспорядок, а руки начинают трястись, и тренироваться всерьез становится невозможно. А из-за разврата человек становится ленив. И то, и другое зло нужно отринуть.

Каратэ изначально не является искусством нападения. Начав изучать ката, вы увидите, что все они начинаются с приемов защиты. Суть в том, что каратист обладает

способностью нападать, но он этого не делает и только обороняется.

Однако значение каратэ не ограничивается только искусством самозащиты. Мне хотелось бы надеяться, что ученики каратэ будут культивировать в себе такое отношение к обществу, когда, обладая духом каратэ и большой внутренней силой, они, тем не менее, будут готовы уступать другим.

Кэндо — это не искусство зарубать противника, а способ освобождения от эгоистических желаний. Так и каратэ — способ подавления эгоистических желаний и воспитания в себе духа скромности.

Запугивать других, беспорядочно размахивая руками и пиная ногами, — это не имеет ничего общего с подлинным каратэ.

Ученики каратэ часто забавы ради разбивают черепицы, доски, демонстрируя на публике могущество своих кулаков, встречаются среди них и такие, кто гордятся этими способностями.

Закалять кулаки необходимо, но пугать ими от нечего делать других, играть мускулами или делать еще что-нибудь в этом роде, с точки зрения каратэдо, Пути каратэ, — отнюдь не верх совершенства.

Изначальной целью боевых искусств (*будзюцу*) является закалка тела и духа. *Будзюцу* предназначены для формирования характера. Как говорил один известный человек, «нет в мире ничего более отвратительного, чем *будзюцука*¹, представляющие на показ то, что они — *будзюцука*». До сих пор еще среди всех многочисленных учеников каратэ не было таких, кто любил бы больше всего размахивать перед другими кулаками и разбивать черепицы и доски и при этом достиг высокого уровня мастерства. Хотя такие люди могут практиковать ката, но при взгляде на них сразу видна незрелость их мастерства.

¹ Будзюцука — последователь будзюцу — боевого искусства — А. Г.

ства. Крепкие кулаки необходимы, но также необходимо и знание ката.

В старину изучение и преподавание каратэ проводилось втайне, и коль скоро человек изучал каратэ, то он должен был вести себя очень осмотрительно и, по возможности, не появляться в людных местах.

Хотя в наше время во всем царит открытость, тем не менее, и сейчас требуется такая же осмотрительность.

Что касается тела, то надо обращать внимание на то, чтобы перед тренировкой обязательно справиться естественную нужду. Тот, кто стремится к овладению боевым искусством, не должен забывать об этом.

Вряд ли нужно повторять, что наибольшего внимания в занятиях каратэ требует дух. И нет ничего удивительного в том, что я говорю об этом после разговора о разбивании черепиц. Для этого нужно просто тренироваться утром и вечером. Разбить черепицу или доску рукой, которая гораздо мягче, можно только благодаря духу и тренировкам. Я думаю, что сегодня, в эпоху всемогущества науки, вовсе не лишено смысла исследовать подобные феномены средствами науки.

Я верю, что среди читателей немало людей, изучающих каратэ и понимающих его истинный дух. На моей родине истари по отношению к последователям каратэ используют слово «*кунси*» — «благородный муж». Значение у этого слова такое же, как у слов «*буси*» — «воин» или «*синси*» — «благородный человек», во всех случаях так называют порядочного человека.

Завершая работу, кладу кисть с надеждой, что в наше время извращения идеологии и индивидуализма благодаря каратэ появится много «благородных мужей».

О гражданском и воинском, о ритуале и порядке

Хотя для героя главными являются храбрость и несокрушимая верность, если он в своем поведении опустится до разврата и будет следовать влечению похоти и алчности, то его уже нельзя будет считать вместилищем знаний гражданского и военного путей. А когда человек не является вместилищем знаний гражданского и военного путей, он считает главным одно только техническое мастерство. Но как, в таком случае, можно достичь подлинной смелости? Весь ритуал (кит. *ли*, яп. *рэй*) — это основа человечности, и контроль над всеми аспектами морального общения между людьми исходит из ритуала, и если ритуал не соблюдается, то порядок в обществе утрачивается. А если нет порядка, то покой и действие, слова и деяния — всё впадает в чрезмерность или недостаточность, что означает рассогласование с небесным (*космическим* — А. Г.) принципом. Древние мудрецы ценили ритуал, устанавливали различные средства контроля за его соблюдением и увещевали людей не впадать во зло (*из «Глава о пути воина-си» — «Сидохэн»*).

Ямага Соко

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ (ПРИЛОЖЕНИЯ)

研究余録 (参考資料)

Заповеди сэнсэя Итосу Анко, основателя школы Итосу-ха и моего благодетельного учителя

Правила для изучающих каратэ

Каратэ, искусство «пустой руки», восходит к конфуцианству и буддизму¹. В старину из Китая были заимствованы два стиля каратэ, которые называются «Сэрин-рю» — «Школа светлого леса» и «Сёрэй-рю» — «Школа светлой души». У обоих стилей есть свои сильные стороны, и очень важно сохранить их в их первоначальном виде, не допуская привнесения каких-либо украшений. Поэтому я и написал эти Правила [для изучающих каратэ].

1. [Значение] каратэ не ограничивается только физическим воспитанием. Его суть заключается в том, чтобы быть готовым в любой момент без сожалений мужественно отдать свою жизнь за господина и близких.

¹ У Мабуни значит: «Каратэ-ва дзю-бучу-до-ёри идатару моно нари», — что означает: «Каратэ восходит к конфуцианству и буддизму». В то же время в списке «Заповедей» Итосу Анко из собрания Ханасиро Тёмо, опубликованном в «Большом обзрении каратэдо» («Каратэдо тайкан», 1938), а также во всех других публикациях, где воспроизводится текст «Заповедей», та же фраза звучит иначе: «Каратэ-ва дзю-бучу-до-ёри ида-соро-ни арадзу», — и имеет прямо противоположный смысл: «Каратэ НЕ восходит ни к конфуцианству, ни к буддизму». Кроме того, у Мабуни слово «каратэ» записано иероглифами «пустая рука», а у Ханасиро Тёмо — «китайская рука». К сожалению, у нас нет возможности определить причину ошибки в тексте Мабуни (в том, что ошибка имеет место именно у него, нас убеждает контекст, в котором употреблена эта спорная фраза). Возможно, это ошибка наборщика, упущенная при вычитке корректором, редактором и автором. А возможно — отражение личной позиции Мабуни Кэнва, который, просматривая набор, не заметил здесь подвоха или ошибки (на возможность этого указывают цитаты из известных конфуцианских работ, которые приводит Мабуни в этой же книге) — А. Г.

Мэн-цзы говорил: «Если даже ши (благодарный человек — А. Г.) находится в трудном положении, он не утрачивает долга; если даже он достигает цели, то не отходит от Пути».

Мэн-цзы говорил: «Будучи богат и знатен, не позволяй себе впадать в распутство, будучи нищ и презрен, не позволяй себе перейти в другое место на службу, будучи силен, не позволяй себе подчинять других — вот такого человека называют великим героем...»

Каратэ ни в коем случае не предназначено для применения в бою с одним противником [в ситуации обычной драки], а если же [каратисту] доведется встретиться с разбойником или с преступником, он должен сделать все возможное, чтобы избежать драки. Таким образом, изучающий каратэ должен твердо усвоить, что он не имеет права причинять ранения другим своими кулаками и ногами.

4. Поскольку главным оружием в каратэ являются кулаки и ноги, их нужно постоянно усиленно закалять ударами в макивару. Во время тренировок с макиварой необходимо опустить плечи, расправить легкие, собраться с силой, ногами прочно упереться в землю, наполнить «киноварное поле» тандэн жизненной энергией-ки и каждой рукой нанести по сто-двести ударов.

3. Стойка в каратэ должна быть прочной, поясницу нужно держать строго вертикально, плечи опустить, собраться с силами, напрячь ноги и упереться ими [в землю], наполнить «киноварное поле» тандэн жизненной энергией-ки и напрячь мышцы пресса и поясницы, чтобы связать воедино верхнюю и нижнюю [половины тела].

4. Тренироваться в каратэ нужно с таким настроем, словно ты вышел на поле боя. Глаза должны быть живыми и подмечать все вокруг, плечи нужно опустить, мышцы туловища — напрячь. Отрабатывая блоки и удары, блокировать и бить нужно с таким настроем, словно на самом деле отбиваешь удары врага и наносишь ему удары. Если будешь тренироваться так, то на поле боя чудесные качества и достоинства (мё) каратэ проявятся естественным образом сами собой и неожиданно для тебя самого.

Восемь строк о важнейших составляющих кулачного искусства

(фрагмент «Бубиси» — «Клиги о боевой подготовке»)

Сознание человека едино с Небом и Землей.

Ток крови подобен смене солнца и луны.

Техника сочетает жесткость и мягкость, вдохи и выдохи.

Тело в любой момент готово отреагировать и изменить положение.

Руки встречаются пустоту и сквозь нее проникают.

«Кюни» (т.е. стойки и перемещения в стойках — А.Г.)

Суть подход и отход, упор и встреча.

Глаза видят во всех четырех направлениях.

Уши внимательно слушают на все восемь сторон.

Фунакоси Гитин

Воспоминания десятилетней давности

Мабуни Кэнва-кун — мой старинный друг, он замечательный исследователь каратэ, каких очень мало в наше время, самый выдающийся из всех специалистов. Когда-то на нашей малой родине мы собирали наших коллег по занятиям каратэ со всей префектуры, Мабуни-кун — в Сюри, я — в Наха, и создали каждый свое общество изучения каратэ, и эти общества пропагандировали занятия каратэ среди молодежи, среди наших сыновей и младших братьев, работали без сна и отдыха, позабыв о постели и пище.

Сведения о работе этих обществ изучения каратэ передавались из уст в уста, к нам приходило все больше желающих заниматься каратэ, и вечерами ученики шли к нам бесконечным потоком.

Мабуни-кун — человек очень добрый и любезный, честный и верный, настоящей *цзюньцзы* — конфуцианский «благородный муж», он никогда и нисколько не принимал всерьез раздоры между школами. Если чего-то не знал, то открыто признавал, что этого не знает, и никогда ни с кем не спорил за старшинство. Если он узнавал, что есть что-то, чего он не знает, то, почти тельно склонив голову, даже к младшим по старшинству обращался с просьбами научить его. Человек предельно скромный, узнав что-либо новое, он никогда не пытался присвоить его или сделать своим исключительным достоянием, но тут же сообщал сведения об этом в общество изучения каратэ, чтобы это могли изучить все другие. Он полностью отверг прежнюю традицию секретности и неотступно следовал принципу совершенной открытости и благодаря этому за долгие годы своих исследований собрал огромный материал, и едва ли

кто-нибудь сегодня знает больше приемов (*тэ*), нежели Мабуни-кун. И, думаю, в этом отношении Мабуни-кун, без преувеличения, — сегодня первейший человек в стране. Познакомившись благодаря изучению каратэ, мы стали устраивать совместные показательные выступления с участием каратистов из Сюри и Наха, добиваясь общественного признания каратэ. Если мы допускали ошибки, то немедленно исправляли их, брали друг у друга лучшее и взаимно восполняли наши недостатки, это производило очень благоприятное впечатление на всех, и наша деятельность получила самые положительные отклики, и уже никто не подвергал нас критике или нападкам.

Недавно Мабуни-кун ощутил необходимость развить деятельность в метрополии и перебрался в Осаку. Здесь в Кансайском университете и во многих других местах он с удвоенной энергией принялся за работу, обучая каратэ молодежь, исполнившись решимости всего себя без остатка посвятить Пути каратэ, служению стране и обществу. И, к счастью, ныне заслуги Мабуни-куна широко признаны и в регионе Кансай, и всё чаще слышится положительное отклики о его работе. И эта работа, я уверен, будет продолжена и впредь. Согласованно работая на Востоке и на Западе Японии, постоянно подерживая друг с другом связь и дружеские сердечные отношения, мы сможем исполнить свой долг и распространить наше искусство каратэ.

Теперь по случаю издания этой книги Мабуни-кун заинтересовался и моим мнением о своем труде, и я решил написать эти краткие воспоминания, чтобы заполнить отведенное мне в книге место.

Конфуций говорил: «Благородный муж стремится быть воздержанным в речах и не слышит в поступках».

Кониси Ясухиро

Правила для рук и ног, определяющие будут они «живыми» или «мертвыми»

В боевом искусстве каратэдзюцу, где в качестве оружия применяется само наше тело, которое нам дарует Небо, где победитель определяется без использования какого-либо оружия, огромное внимание уделяется контролю дистанции, который в боевом искусстве является ключом к победе. Контроль дистанции — важнейшее условие успеха в бою, о котором ученики каратэдзюцу, как и последователи других боевых искусств, не должны забывать ни на мгновение, о котором необходимо помнить буквально и днем и ночью.

Даже если вы можете запросто пронзить кулаком или кончиками пальцев железную пластину, даже если вы настолько сильны, что можете безо всякого труда разбить вдребезги ногой стопку досок толщиной в 8 бу или 1 сун каждая (2,5—3 см — А. Г.), если речь не идет о призывном показном трюке, то все эти возможности будут представлять ценность, с точки зрения боевого искусства, только в том случае, если эти удары будут падать точно в цель. Если же ваши удары не точны, то вы занимаетесь глупостями, которые не имеют ни малейшей ценности и являются пустой тратой сил, и, соответственно, все эти демонстрации — не более чем бесполезный труд, который у людей знающих вызовет лишь смех.

Несмотря на то, что мой опыт в каратэдзюцу весьма скромен, глядя на столь популярное ныне дзюдо и видя, сколь мало в нем уделяется внимания имеющему столь большое значение контролю дистанции (что, вероятно, связано с односторонним развитием дзюдо исключительно как вида физического воспитания), я не могу

не переживать за то, что в нашем каратэ кэмпо, в котором искони обычной практикой является индивидуальная тренировка, тренировка без партнера (хотя и предполагается, что в реальности противников будет несколько), недостаточное развитие этого чувства дистанции является еще более серьезной проблемой.

В действительности ката каратэдзюцу не представляют собой чего-то незбылемого. Точно так же, как вода принимает форму сосуда, в который ее наливают, будь он квадратный или круглый, так и ката каратэ могут изменяться бесконечно. Причем каратэдзюцу — это не танец, в котором танцующие состояются лишь в красоте позаций, а великолепное боевое искусство, искусство самозащиты, рассчитанное на бой не на жизнь, а на смерть.

В каратэдзюцу чересчур много внимания уделяется тренировке на макиваре — доске с соломенной подушкой (в тексте «макиварита» — А. Г.), которая используется для закалки кулаков и ног, следствием чего является превратное представление о каратэдзюцу как об искусстве разбивания досок и кирпичей, а главное — что некоторые наши коллеги напрочь забывают о первостепенной важности контроля дистанции, ударяясь в приобретение бесчисленных бессмысленных навыков и умений.

Конечно, эти коллеги скажут, что нельзя забывать о том, что от закалки кулаков и ног зависит, будут они «живыми» или «мертвыми», и их слова будут не лишены смысла. Но нужно помнить и о том, что необходимость контроля дистанции и закалка рук и ног неразрывно взаимосвязаны, и человек, изучающий каратэдзюцу, не может пренебрегать ни тем, ни другим.

Изначально исход боя определяет дистанция. Все решает то, насколько я и мой противник сможем использовать дистанцию, и именно это определяет эффективность применения тех или иных приемов. А, следовательно,

можно сказать, что всё техническое мастерство изначально рождается именно в умении контролировать и управлять дистанцией. Это означает, что, перемещаясь относительно противника, нужно постоянно помнить о том, что острая дистанция поражения (*сиай маай*), с которой ты можешь эффективно атаковать противника, в то же время является опасной дистанцией, с которой твой противник может так же эффективно атаковать тебя. Если вы задумаетесь над этим, то сможете в полной мере оценить все значение контроля дистанции. Если в настоящем бою, забыть о понятии дистанции и не обращать внимания на кулаки и ноги противника, которые могут быть смертельно опасны, и опрометчиво сосредоточиться исключительно на атаке, то, вместо успешной атаки, ты сам неожиданно для себя пропустишь удар противника. Особенно опасна потеря бдительности в бою с рослым противником; в таком бою, даже если ты со своим противником не находишься на острой дистанции поражения (*сиай маай*), расслабляться и терять бдительность нельзя ни на мгновение. Тем более же — на острой дистанции поражения (*сиай маай*).

Естественно, что нужно быть предельно внимательным не только в отношении такой конкретно-зримой дистанции (*юкэйтэки-но маай*), но и в отношении психологической дистанции (*син-но маай*). В любой момент времени и в любой ситуации, принимая боевую изготовку (*камаэ*), отражая удар (*укэ*), останавливая его (*томэ*), отклоняя его в сторону (*нагаси*), отбивая его в сторону (*хараи*) и т. д., нельзя забывать и об атакующих действиях — ударах руками и ногами, утрачивать решимость атаковать, сосредотачиваться на одних только кулаках и ногах и погружаться в состояние, когда совершенно не можешь использовать представляющуюся тебе возможность для атаки и мгновенно реагировать на изменения ситуации, которое называют состоянием «мертвых

кулаков и ног». В любой момент времени и в любой ситуации нужно сохранять так называемое состояние «живых кулаков и ног», то есть глубоко внутри себя сохранять готовность к атаке, ни на мгновение не позволяя сознанию прилипнуть к чему-либо и всегда быть в состоянии без малейшего промедления пустить в ход свои кулаки и ноги так, как того требует ситуация, хладнокровно защищаться и эффективно атаковать. Таким образом, нельзя забывать о том, что «мертвость» и «живость» кулаков и ног в каратэдзюцу, будучи неразрывно связаны с контролем дистанции, который в каратэдзюцу имеет гораздо большее значение, чем в любых других боевых искусствах, является важнейшим элементом этого боевого искусства.

Мацумото Дзёси**Стихи, воспевающие тодэ кэмпо**

Мгновенный срыв захвата и удар...

Чудесный прием, приносящий победу, мгновенен,
словно молния.

Если б знало эти приемы больше людей,

Было б больше яростных бойцов на службе Родине.

Ключ к исправлению метущегося сознания —

В изучении и практике искусства тодэ кэмпо.

Танака Кигитаро

Ничтожный житель диких гор

Заключительное слово

Итак, сэнсэй Мабуни Кэнва написал книгу, которую озаглавил «Каратэ кэмпо». И коль скоро, представляя в ней основные сведения о боевом искусстве тодэ, он стремился укрепить единство Японии в это чрезвычайное время, эта работа, безусловно, чрезвычайно важна.

В женской повышенной средней школе Осака Мэйдзё, которой я заведу, уже долгое время тодэ преподается ученицам в качестве одного из предметов программы, являясь средством физического воспитания, дающим нашим ученицам возможность приобщиться к духу будо, и способом приобретения ими навыков практической самозащиты. В настоящее время слава этого боевого искусства медленно, но верно растет, и я верю, что эта книга сэнсэя Мабуни окажет самое благотворное влияние на нравы нашего общества. Я поздравляю его с этим достижением! И одновременно хочу в качестве заключения этой книги с почтением предложить вниманию читателей лозунги, которые в нашей школе развешаны на стенах зала как символы духа будо.

Лозунги для развешивания на стенах во время тренировок в каратэ

1. Дух самопреодоления — вот стимул для продвижения вперед и возвышения. Способность сохранять хладнокровие в опасности — плод закалки духа и железного тела.
2. Тренировка в каратэ созидает твердый негибаемый дух и несокрушимое тело. Тренировка включает четыре элемента: ритуал (*сарэй*), контроль дыхания (*тёсоку*), психический настрой (*киай*) и движение (*кидо*).
3. Ритуал (*сарэй*) демонстрирует божественным духам неба и земли искренность твоих намерений, делает ясными и чистыми сознание и жизненную энергию ки, показывает, что тебе нечего стыдиться перед небом и людьми. С помощью ритуала, изгоняя зло и устанавливая справедливость, восхваляют истинное почитание этого искусства и приносят клятву все душевные силы, все помыслы отдать его постижению. Поэтому, войдя в додзё, хранят молчание, не позволяя себе произнести ни единого слова, благодаря чему в додзё царит совершенная тишина.
4. Контроль дыхания (*тёсоку*) означает понимание чередования вдохов и выдохов. Дыхание не должно бурным, нельзя выдыхать так, словно пытаешь опрокинуть десять тысяч вершин, нельзя вдыхать так, словно пытаешься осушить все четыре моря. Вдохи и выдохи, чередуясь, обеспечивают неизменную ясность мысли, а потому необходимо на практике постичь, что контроль дыхания суть основа воспитания хладнокровия.
5. Психический настрой (*киай*) означает такое психическое состояние, когда бог и человек сливаются воедино, когда «Я» исчезает, и происходит вспышка или электрический разряд. Чтобы изгнать злых духов, нужно положить все силы без остатка, в состоянии кийай нужно

внутри хранить мертвую тишину, а вовне загораться яркими вспышками.

6. Движение (*кидо*) требует непрерывного постижения сокровенной сути (*мётэй*) чистого и предусмотрительного сознания и исчезающего и изменчивого тела. Удерживаешь позицию надежно, перемещаешься в любом направлении свободно; границу между нападением и защитой переходишь мгновенно, так что в момент смены «пустоты» (*дзицу*) «полнотой» (*кё*) и «полноты» «пустотой»¹ между действиями и волос не пройдет; небесная пустота сотрясается от ударов грома, и сто крепостей разом исчезают под водой или превращаются в дым.

¹ Выдающий военный теоретик Древнего Китая Сунь-цзы под «полнотой» подразумевал полную боевую подготовку, способность к активным действиям, полную неуязвимость для противника. Под «пустотой» же он имел в виду несовершенство подготовки, слабую способность к действиям, уязвимость. Вместе с тем слово «полнота» Сунь-цзы прилагает и ко всякому частному случаю, называя так всякий сильный пункт; словом же «пустота» он называет любой слабый, уязвимый пункт — А. Г.

<p>昭和九年二月二十八日印刷納本 昭和九年三月五日發行</p>	<p>攻防自在護身術空手拳法 定價金壹圓貳拾錢 (送料十二錢)</p>
<p></p>	<p>著者 摩文仁賢和 大阪市西成區津守町四一三</p> <p>印刷所 白鳳社印刷部 東京市神田區西神田二ノ六</p>
<p>發行所 大南洋社 東京市神田區錦町 三丁目二十六番地</p>	<p>印刷所 仲宗根源和 東京市神田區錦町三ノ二六</p> <p>電話 振替 東京 三九三五七番 神田 (25) 二四七番</p>

<p>ИСКУССТВО САМОЗАЩИТЫ КАРАТЭ КЭМПО Эффективно в нападе- нии и защите (Кобо дзидзай ГОСИНДЗЮЦУ КАРАТЭ КЭМПО)</p> <p>Установленная цена: 1 иена 20 дзэни (стоимость пересылки по почте: 12 дзэни)</p>	<p>Дата сдачи в печать: 28 февраля 9 года Сёва (1934)</p> <p>Дата выпуска: 5 марта 9 года Сёва (1934)</p>
<p>Автор Мабуни Кэнва Адрес: г. Осака, район Нисинари, квартал Цумори, 413</p>	<p>Право на издание: «Дай Нангё ся»</p>
<p>Ответственный за выпуск и печать Накасонэ Гэнва Адрес: г. Токио, Район Канда, квартал Нисикимати, 3-26</p>	<p>Типография Типографский отдел компания «Хакухося» Адрес: г. Токио, район Канда, квартал Ниси Канда, 2-6</p>
<p>Издательство г. Токио, район Канда, квартал Нисикимати 3-гёмэ 26 банги</p>	<p>«Дай Нангё ся» Телефон: Канда (25) № 2447 Почтовый номер для денежных переводов: Токио, № 39357</p>

<p>Идеальный способ самозащиты</p> <p>Идеальный способ развития смелости</p>	<p>Овладеет каратэ могут все: старики и дети, мужчины и женщины</p> <p>Для занятий не требуется много места</p> <p>Не нужно специальное снаряжение</p>
<p>ПРОФЕССОР ЯПОНСКОГО КЭМПО — КАРАТЭДЗЮЦУ, наставник школы кэмпо Годзю-рю МАБУНИ КЭНВА</p>	
<p>Идеальный способ укрепления здоровья</p> <p>Идеальный способ достижения долголетия</p>	<p>Занятия неопасны</p> <p>Занятия не требуют много времени</p> <p>Заниматься можно как индивидуально, так и в составе группы</p>
<p>ДОДЗЁ</p>	<ul style="list-style-type: none"> ◆ Кансайская штаб-квартира (хомбу) изучения каратэдоцу — кэмпо Великой Японии. Город Осака, район Нисинари, улица Цурумибаси, 6-4. Тренировки по воскресеньям, вторникам, четвергам и субботам с 8 до 10 часов вечера. ◆ Кансайское отделение Всеяпонской федерации каратэ по Великой Японии. Город Осака, район Минато, улица Итиба, 1-8 (лодзё «Сёсинкан» — «Дворец непрерывного совершенствования»). Тренировки по понедельникам, средам и пятницам с 8 до 10 часов вечера

<p>理想的 〓 護身術</p> <p>理想的 〓 練膽法</p>	<p>〓 老幼男女誰れでも出来ます</p> <p>〓 場所も取りません</p> <p>〓 道具も入りません</p>
<p>日本 空手術教授 剛柔流 摩文仁賢和</p>	
<p>理想的 〓 強健術</p> <p>理想的 〓 長壽法</p>	<p>〓 危険もありません</p> <p>〓 時間も掛りません</p> <p>〓 個人でも團體でも出来ます</p>
<p>場道</p>	
<p>◆ 大阪市西成區鶴見橋通り六ノ四 (舊古日、火木土自午後八時至午後十時)</p> <p>◆ 大阪市港區市場通り一ノ八六(尚進館道場) (舊古日、月水金自午後八時至午後十時)</p>	<p>大日本拳法關西空手術研究本部</p> <p>大日本拳法全國聯盟關西支部</p>

秘傳

第二號

В следующих выпусках:

- ❖ Модернизация японских боевых искусств в эпоху Мэйдзи (1868–1912) и рождение будо
- ❖ Ката в классических будо эпохи Мэйдзи (1868–1912)
- ❖ Такэноути-рю дзюдзюцу
- ❖ Василий Сергеевич Ощепков: начало пути мастера
- ❖ Мотобу Тёки. Моя школа каратэдзюцу
- ❖ Хигаонна Канрё – основоположник Нахатэ

